

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

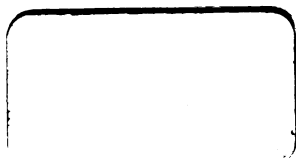
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 820.100

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

В. С. Иконникова.)

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира.
Кіевское отдѣленіе ВМСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печати. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ
1889.

Slav 820. 100

587 2

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
(изъ Унив. Извѣстій 1889 года).

Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени Московскаго государства въ нач. XVII вѣка.

I. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.—Изслѣд. С. О. Платонова. Слб. 1888. Стр. VI+372.

Въ ряду историческихъ монографій послѣдняго времени—изслѣдованіе г. Платонова безъ сомнѣнія должно занять видное мѣсто, какъ по эпохѣ, къ которой относится трудъ автора, такъ и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Трудъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1887, №№ 10, 11 и 12; 1888, №№ 2, 3, 4), а затѣмъ съ нѣкоторыми прибавленіями (указатель именъ личныхъ и географическихъ, перечень рукописей, которыми пользовался авторъ и заключеніе) — вышелъ отдѣльно.

Важность эпохи, разнообразіе событій, въ которыхъ многіе принимали близкое и дѣятельное участіе, самыя бѣдствія, несомнѣнно повліявшія на умы современниковъ, естественно привлекали къ ней вниманіе людей, которымъ болѣе или менѣе близко было историческій или по крайней мѣрѣ книжный интересъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что число произведеній, посвященныхъ событіямъ смутнаго времени Московскаго государства, довольно велико. Нѣкоторые изъ нихъ появились еще во время самой

смуты; затѣмъ, наибольшее количество ихъ, притомъ самыхъ крупныхъ, написано было въ цар. Михаила Ѳедоровича, и нѣсколько сказаній относится къ цар. Алексѣя Михайловича. Мало этого. Сказанія о смутномъ времени (большая часть ихъ носятъ названіе „повѣстей“, прочія—„сказаній“) чрезвычайно разнообразны по своему составу и содержанію. Они то принимаютъ характеръ литературно-обработанныхъ повѣствованій о событіяхъ и дѣятеляхъ смутной эпохи и болѣе или менѣе обширны по объему; то представляютъ погодное изложеніе событій и называются поэтому „лѣтописцами“; то ограничиваются лишь изображеніемъ жизни нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся дѣятелей—это „житія“,—произведенія, въ которыхъ агиографическія черты тѣсно соединены съ историческими; то, наконецъ, рассказомъ о смутѣ заканчивается иногда какой нибудь Хронографъ или Степенная книга. Въ числѣ памятниковъ о смутномъ времени нерѣдко встрѣчаются произведенія публицистическія, нравственно-дидактическія и даже легендарно-поэтическія. Одни изъ сказаній обнимаютъ общій ходъ событій смуты или нѣкоторые эпизоды ея, другія касаются лишь мѣстныхъ явленій и носятъ на себѣ исключительно такой характеръ.

При всемъ обиліи этихъ повѣствованій, только весьма немногія изъ нихъ были извѣстны историкамъ XVIII стол.; но Карамзинъ впервые воспользовался уже значительнымъ количествомъ ихъ и общилъ многочисленныя извлеченія изъ нихъ въ своихъ примѣчаніяхъ, до сихъ поръ нерѣдко сохраняющихъ значеніе перваго источника. П. М. Строевъ собралъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ въ его время памятникахъ (Библиолог. Словарь, издан. А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1882), а С. М. Соловьевъ попытался уже въ своей исторіи дать общій обзоръ литературы важнѣйшихъ сказаній смутной эпохи, съ критическими замѣчаніями о нихъ¹⁾. Послѣ нихъ многими сказаніями пользовались: Н. И. Костомаровъ (Смутное время Моск. госуд.), А. Н. Поповъ (въ своемъ „Обзорѣ хронографовъ русской редакціи“, М. 1866—69, и „Изборникѣ“, прилож. къ Обзору, М. 1869), А. Ѳ. Бычковъ (Опис. славянск. и русскихъ рукоп. сборни-

¹⁾ Исторія Россіи, т. IX, стр. 462—484. Нѣкоторыя замѣчанія о тѣхъ же сказаніяхъ находятъ и въ Рус. ист. Вестушева-Рюмина (во введеніи къ I-му тому и въ Обзорѣ событій смутной эпохи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., №№ 7 и 8, прил.).

ковъ Импер. Публ. библ., Спб. 1878), И. Е. Забѣлинъ¹⁾ и др. Появлялись и спеціальныя изслѣдованія, посвященныя тому или другому изъ этихъ памятниковъ, каковы: Д. П. Голохвастова (Замѣчанія объ осадѣ Троиц. лавры и описаніе оной историками XVII, XVIII и XIX стол., а главн. образомъ о соч. Авр. Палицына, Москвитян. 1842, №№ 6 и 7 и Отвѣтъ на рецензіи и критику замѣчаній, 1844, №№ 6 и 7); А. В. Горскаго (Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой лавры, *ibid.* 1842, № 12); А. А. Кондратьева (О рукоп. патр. Филарета, Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 9); С. И. Кедрова (Авраамій Палицынъ, М. 1880, изъ Чтен. М. общ. ист.; Авр. Палицынъ какъ писатель, Рус. Арх. 1886, т. II) и др.

С. Ѡ. Платоновъ первый задался цѣлью посвятить спеціальныи трудъ критическому обзору этихъ памятниковъ, причемъ онъ старался собрать и изучить всѣ, касающіеся смуты, рукописныя тексты сказаній, хотя и не могъ, по весьма понятнымъ причинамъ, исчерпать вполне подлежащій его разсмотрѣнію матеріалъ; что же касается до мѣстныхъ сказаній о смутѣ, то скудость текстовъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, заставила его и вовсе отказаться отъ подробнаго изслѣдованія этой категоріи памятниковъ. Пробѣлы эти, означенныя отчасти самимъ авторомъ, не лишаютъ однако его трудъ существенныхъ достоинствъ, какъ представляющій весьма цѣнный сводъ всего извѣстнаго въ литературѣ русскихъ сказаній о смутномъ времени, разсмотрѣнныхъ съ точки зрѣнія исторической критики и обставленныхъ обширными библиографическими указаніями.

Независимо отъ печатныхъ изданій, авторъ пользовался рукописями Импер. Публ. библ., Акад. Наукъ, Археогр. комиссія, Импер. общ. люб. древн. письмен., Спб. духовн. акад., Спб. универс., Москов. дух. акад., Москов. Синод. библ., Москов. арх. иностр. д., Москов. общ. исторіи, Троиц. Серг. лавры, Москов. публичн. и Румянц. муз., монаст.—костром. Богоявл., Сав. Сторожевскаго, Флорищевой пуст., гр. Уварова (Царскаго), А. И. Хлудова, И. А. Шляпкина, а всего авторъ позаимствовалъ въ нихъ около 50 повѣстей и сказаній.

Первыя двѣ главы своего изслѣдованія г. Платоновъ посвящаетъ

¹⁾ Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время, первонач. въ Рус. Арх. и Древ. и Нов. Рос., пополни. въ отд. изд., М. 1883.

„произведеніямъ, составленнымъ до окончанія смуты“ (стр. 1—127), причѣмъ наибольшее мѣсто онъ отводитъ разбору такъ наз. „Иного сказанія“. Название это дано послѣднему позднѣйшимъ издателемъ И. Д. Бѣляевымъ, такъ какъ оно слѣдовало въ рукописи за Сказаніемъ Авр. Палицына. Сочиненіе это напеч. во Времен. Моск. общ. исторіи и древн. (кн. XVI, стр. 1—146), по списку, принадлежавшему П. М. Строеву, въ Погодинскихъ рукописяхъ Импер. публ. библ., съ вариантомъ по рук. В. М. Ундольскаго¹⁾; но авторъ пользовался какъ самою рукописью²⁾, такъ и другимъ спискомъ Сказанія, также XVII вѣка, принадлежащимъ Моск. пуб. и Румянцев. музеямъ³⁾. Впрочемъ, оба списка не представляютъ сколько нибудь важныхъ вариантовъ, и замѣчательно, что во второмъ списокѣ это сказаніе также слѣдуетъ за Сказаніемъ Авр. Палицына. Уже издатель „Сказанія“, И. Д. Бѣляевъ отмѣтилъ въ немъ двухъ авторовъ; А. Н. Поповъ еще болѣе расширилъ количество повѣствованій, входящихъ въ составъ „Иного сказанія“⁴⁾, а г. Платоновъ отмѣчаетъ до 6 составныхъ частей памятника (стр. 2—3), исправляя и дополняя по мѣстамъ выводы и указанія своего предшественника (стр. 75—78). Карамзинъ былъ знакомъ съ „Инымъ сказаніемъ“ по сокращенной его передѣлкѣ и по извлеченіямъ въ хронографахъ⁵⁾; но со времени изданія памятника Бѣляевымъ (въ 1853 г.) имъ пользовались С. М. Соловьевъ и всѣ изслѣдователи смутнаго времени.

Новѣйшій изслѣдователь нашего памятника отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія составныя части: 1) Повѣсть о времени Бориса Годунова и перваго Самозванца (Времен., стр. 1—38); 2) собраніе правительственныхъ грамотъ о сверженіи Самозванца и воцареніи Шуйскаго (38—55); 3) повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованія Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова (ib. 55—64); 4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ со-

1) Рукописи Строева приобрѣтены Погодинымъ въ 1842 г., а отъ него поступили въ И. П. библ. въ 1852 г. (Барсуковъ, П. М. Строевъ, стр. 375—391—о составѣ собр. Строева и его продажъ).

2) Текстъ онъ исправляетъ иногда по этимъ послѣднимъ (стр. 6).

3) Сюда онъ поступилъ отъ И. А. Вердникова.

4) Обзоръ хроногр. рус. ред., в. II, 148—149.

5) «Иное сказаніе» въ полномъ составѣ встрѣчается вообще рѣдко. Такъ, автору разсматриваемаго изслѣдованія извѣстны лишь два означенныхъ выше списка.

борѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предыдущее повѣствованіе (она выпущена во Временникѣ); 5) лѣтописныя замѣтки, тоже-ственные со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Ѳедоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 г. (64—73); 6) лѣтописныя замѣтки о времени царя Мих. Ѳедоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (73—80). Выдѣленіе составныхъ частей „Иного сказанія“, даетъ право автору заключать, что разбираемый памятникъ есть ничто иное, какъ *сборникъ* самаго разнохарактернаго состава, а первыя его статьи показываютъ намъ, что смута еще въ начальные моменты своего развитія стала уже предметомъ литературнаго повѣствованія (стр. 81).

Первая часть „Иного сказанія“ представляетъ повѣсть, написанную въ самомъ началѣ царств. Василія Шуйскаго, а именно послѣ 3 іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича Дмитрія въ Москву), и обнимаетъ изложеніе событій отъ убіенія Дмитрія до означеннаго торжества. По поводу этого сказанія Соловьевъ замѣтитъ: „Самыми сильными выходками противъ Бориса отличается авторъ „Иного сказанія“; онъ въ тоже самое время обличаетъ въ себѣ ревностнаго приверженца Шуйскаго и такимъ образомъ указываетъ источникъ ненависти своей къ Годунову, который у него является убійцею Дмитрія, убійцею ц. Ѳедора и многихъ другихъ, похищающимъ царство лукавствомъ и неправдою; появленіе самозванца есть прямо наказаніе Божіе Годунову за его вопіющія преступленія“. Тотъ же историкъ отмѣтилъ книжную начитанность этого писателя¹⁾, а Костомаровъ отнесъ его произведеніе къ „важнѣйшимъ источникамъ“ смутнаго времени²⁾, руководствуясь, конечно, не мнѣніями автора, а близостью его къ описываемымъ событіямъ.

Новѣйшій изслѣдователь объ этой Повѣсти выражается такъ: „Вся повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и Самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и Самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія“ (стр. 3 и 5, пр.)

1) Исторія Россіи, IX, 467—469.

2) Смутн. время Моск. госуд., I, предисл.

Авторъ попытался выяснитъ и личность составителя этой Повѣсти, т. е. собственно его общественное положеніе. Нѣкоторыя мѣста Повѣсти (стр. 33—35) прямо указываютъ на то, что составитель ея принадлежалъ къ числу братіи Троицкаго Сергіева монастыря¹⁾, а его духовнымъ саномъ объясняется значительная начитанность его въ св. Писаніи и отцахъ церкви, знакомство съ византійскою исторіею и даже съ древними литературными памятниками. Однако, хотя авторъ Повѣсти увѣряетъ, что онъ писалъ не по слухамъ, а какъ *очевидецъ*, но изслѣдователь его повѣствованія справедливо ограничиваетъ значеніе такого заявленія. Съ другой стороны, авторъ Повѣсти включилъ въ нее нѣкоторые официальные документы цѣликомъ, другими же воспользовался для изложенія фактовъ или руководствовался въ своихъ взглядахъ на событія (напр. о сверженіи Самозванца).

Между прочимъ, по поводу цѣликомъ внесеннаго въ сочиненіе „Извѣта“ старца Варлаама, спутника Гр. Отрепьева, и послужившаго автору матеріаломъ для изложенія подробностей о походахъ Отрепьева на пути изъ Россіи и за границую, г. Платоновъ дѣлаетъ большое отступленіе и представляетъ нѣкоторыя новыя соображенія, еще болѣе подрывающія значеніе этого акта, какъ историческаго источника.

Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Кто былъ первый Лжедмитрій?“ Спб. 1864 (стр. 20—25; ср. Смутное время, II, 55—64), Костомаровъ пытался доказать подложность „Извѣта“²⁾; Соловьевъ стоитъ за его достовѣрность, при извѣстныхъ, по его мнѣнію, неизбѣжныхъ ошибкахъ (VIII, пр. 65). Авторъ разсматриваемаго

¹⁾ На это обстоятельство указываетъ и то, что сочиненіе неизвѣстнаго автора въ обихъ упомянутыхъ спискахъ слѣдуетъ непосредственно за Сказаніемъ объ осадѣ Троицкаго мон. Авр. Палицына. Нѣсколько далѣе, на стр. 179—180, изслѣдователь склоняется приписать «Повѣсть» самому Палицыну, но здѣсь онъ не намекнулъ даже на подобное соображеніе.

²⁾ Онъ справедливо полагаетъ что «Извѣтъ» былъ и объявленъ при Шуйскомъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ обличеніе самозванства Гр. Отрепьева. До извѣстной степени въ пользу показанія Варлаама говоритъ надпись на книгѣ «Василія Вел.», подаренной Константиномъ Острожскимъ (Зам. Арх. общ., т. VIII: Свѣд. о книгѣ Василія Вел., хран. въ Загорскомъ мон. А. Добротворскаго, 56—73, перед. въ Кіев. Дух. акад.): «Лѣта отъ сотв. міра 7110 (1602 г.) мѣс. авг. въ 14 день сію книгу Великаго Василія далъ намъ Григорію (прииска подъ этимъ словомъ: царевичу Московскому) в братію съ Варлаамомъ да Мисаиломъ Константинъ Константиновичъ нареченный во св. крещеніи Василій Божію мил. пресвѣтлое княже Острожское, воевода Кіевскій». Варлаамъ и Мисаилъ спутники Григорія. Авторъ сообщенія признаетъ записъ «собственноручною» Самозванца, хотя и не видѣлъ его почерка, а приписку — той же руки,

намъ изслѣдованія поддерживаетъ въ настоящемъ случаѣ скептицизмъ перваго изъ нихъ. „Извѣтъ Варлаама, говоритъ онъ, былъ составленъ раньше, чѣмъ думаютъ обыкновенно, не въ концѣ 1606 г., а по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Онъ вошелъ въ разбираемую нами Повѣсть, а она была сочинена до появленія Болотникова подѣ Москвой. Старецъ Варлаамъ является такимъ образомъ съ своимъ Извѣтомъ *въ желанную минуту* для правительства Шуйскаго, когда оно старалось собрать какъ можно скорѣе и какъ можно больше оправданій майскаго переворота... Такимъ образомъ „Извѣтъ“ есть до нѣкоторой степени плагиатъ, если разсматривать его съ литературной точки зрѣнія... Если можно кратко характеризовать, что извѣстно и что неизвѣстно Варлааму, то мы можемъ сказать, что онъ знаетъ о Димитрѣ все то, что могло быть извѣстно московскому правительству и дѣлаетъ ошибки тамъ, гдѣ оно не могло имѣть точныхъ свѣдѣнй. Онъ составленъ, очевидно, лицомъ, много знавшимъ и близкимъ къ правительству (Варлаамъ говоритъ, что онъ зналъ кн. И. И. Шуйскаго) и составленъ не для правительства, которое могло знать и изъ другихъ источниковъ все изложенное въ Извѣтѣ, а для убѣжденія народа. На это указываетъ искусственность формы, стремленіе все объяснить и рассказать, стремленіе завоевать довѣріе массой фактовъ и именъ. Быть можетъ, что всѣ эти факты и имена не Варлаамомъ были сообщены Шуйскому, а напротивъ, въ Извѣтѣ перешли изъ правительственныхъ источниковъ“ (стр. 9—11). Такимъ образомъ даже послѣднія основанія правдивости „Извѣта“ оказываются здѣсь совершенно поколебленными. Но въ интересахъ библиографической полноты прибавимъ, что еще въ

но писанной другими чернилами (58). Костомаровъ считаетъ приписку писанной *другой рукой*, а надпись совершенно несходною съ почеркомъ царствовавшего Д. Самозванца (Смутное время II, 63—64): «Поэтому ни челобитная Варлаама, ни надпись на книгѣ Василя Вел. не могутъ служить доказательствами, чтобы названный царь Димитрій и Гришка Отрѣшевъ были однимъ и тѣмъ же лицомъ» (ib.); ср. Левитскій (Лжедимитрій I, с. 11); П. Казанскій (Русск. Вѣст. 1877, № 8, 492). Прибавимъ къ этому, что въ юж. рус. переводѣ (рукоп.) хроникъ Стрыйковскаго нач. XVII в., принадл. А. М. Лазаревскому, находятся лѣтописныя замѣтки, въ одной изъ которыхъ сообщается, что Димитрій Самозванецъ (на пути въ Москву) прибылъ въ Кіевъ 7 окт. 1604 г., стоялъ у кiev. бургом. Митковича и уѣхалъ изъ города спустя двѣ недѣли по прїѣздѣ (Оберн. лѣтоп., относ. къ ист. Ю. и З. Россіи, изд. Кіев. арх. ком., К. 1888 г., стр. 78; ср. записки Валыки, Кіев. Стар. III, 100),—извѣстіе, пополняющее наши свѣдѣнія о походѣ Д. Самозванца (Соловьевъ, VIII, 100—101; Костомаровъ, I, 125—127).

1835 г. членъ Археограф. ком. и извѣстный издатель ея матеріаловъ, Я. И. Бередииковъ¹⁾, въ своемъ сообщеніи о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ рукописяхъ академической бібліотеки, между прочимъ обратилъ вниманіе на челобитную ц. Василю Ивановичу инока Варлаама (въ Сборникѣ) и тогда же заподозрѣлъ достовѣрность показанія „Извѣта“, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ сомнѣнія въ тожествѣ Самозванца съ Отрепьевымъ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1835. ч. VII, 118—120),—обстоятельство, не указанное ни Костомаровымъ, писавшимъ специально объ этомъ вопросѣ и разбиравшимъ „Извѣтъ“ Варлаама, ни авторомъ позднѣйшаго изслѣдованія, разсматриваемаго теперь нами.

Въ виду же того, что мнѣніе Бередиикова малоизвѣстно²⁾, мы приводимъ его здѣсь: „Сей актъ, говоритъ онъ о челобитной царю Василю Ивановичу инока Варлаама,—любопытенъ описаніемъ приключеній Самозванца во время бѣгства его изъ Москвы и пребыванія въ Польшѣ. Онъ находится въ числѣ бумагъ, присланныхъ П. Строевымъ изъ Москвы въ Комиссію Высоч. учр. для изданія историко-юридическихъ актовъ Археогр. экспедиціи; но въ найденномъ мною спискѣ есть много поправокъ и прибавленій. Хотя сей важный документъ, поясняющій вопросъ о Лжедмитріѣ, съ перваго взгляда кажется несомнѣнно достовѣрнымъ, но истинное достоинство его должно быть опредѣлено здравою критикою. Въ манускриптѣ г. Строева одно мѣсто, пропущенное въ нашемъ (т. е. въ академическомъ), слово въ слово взято изъ манифестовъ Лжедмитрія, обнародованныхъ предъ вступленіемъ его въ столицу. О инокѣ Варлаамѣ и другомъ спутникѣ Отрепьева, Мисаилѣ Повадинѣ, упоминается въ грамотѣ патр. Іова, еще въ 1605 г. янв. 14; но эти извѣстія во многомъ несходны съ челобитною Варлаама³⁾. Конечно, правительство Годунова, встревоженное вѣстью о появленіи Само-

¹⁾ Съ 1845 г.—академикъ. Въ 1813—19 гг. онъ слушалъ лекціи извѣстнаго скептика Каченовскаго въ Москов. унвер. и всегда сочувственно относился къ его трудамъ (Биогр. Бередиикова, П. А. Плетнева, Изв. Ак. Н., III, 325.).

²⁾ Дѣлаемъ это, такъ какъ авторъ посвятилъ обширное примѣчаніе разбору «Извѣта» (стр. 9—11).

³⁾ См. Карамз. т. XI, пр. 196 и 199. «На этой грамотѣ и челобитной основаны почти все сказанія Хронографовъ и Сборниковъ о Самозванцѣ, въ эту эпоху его дѣяній, съ прибавкою вымысловъ и прикрасъ».

званца, употребляло всё средства къ искорененію въ умахъ народа опаснаго заблужденія о мнимо-царскомъ его родѣ. Желая опозорить лицо, можетъ быть, вовсе ему неизвѣстнаго иноземнаго принца, оно наудачу могло выставить имя бѣлаго разстриги, будто бы назвавшася Дмитріемъ. Но предположивъ даже, что Годуновъ съ патриархомъ и боярами лично знали въ Москвѣ Отрепьева, неизвѣстно куда скрывшася,—на чемъ основывались они, огласивъ въ изданныхъ вскорѣ по появленіи въ Польшѣ Самозванца манифестахъ, что это таинственное лицо есть Отрепьевъ? Повѣрили рассказамъ? Но развѣ можно въ точности рассказать физиогномію? развѣ можно въ столь важномъ обстоятельстве положиться на рассказы черни или шпионовъ? Кроме того, нужно замѣтить еще слѣдующее: если челобитная дѣйствительно была подана Варлаамомъ ц. Василию, въ первые дни по убіеніи Лжедмитрія, когда она наиболѣе была нужна; то когда и какъ очутился въ Москвѣ Варлаамъ, по собственнымъ его словамъ врагъ Лжедмитрія, посаженный имъ въ Самборѣ въ темницу, и хотя, безъ вѣдома его, женою и дочерью Мнишки освобожденный, но проживавшій въ Москвѣ—подъ скипетромъ Самозванца?.. Словомъ, хотя вопросъ о Лжедмитріѣ, былъ ли онъ монахъ Отрепьевъ, или иное, какъ говорятъ, подставленное іезуитами лицо, при нынѣшнихъ наличныхъ историческихъ свидѣтельствахъ окончательно рѣшенъ быть не можетъ; однакожъ челобитная Варлаама бросаетъ перчатку между учеными: сколько видовъ для предположеній!¹

Въ ряду мнѣній по рассматриваемому вопросу—о значеніи челобитной Варлаама, какъ основнаго источника о походахъ Григорія Отрепьева, мнѣніе Берендинова, безъ сомнѣнія, имѣетъ право на извѣстное вниманіе¹).

Идя дальше въ разборъ той же Повѣсти, г. Платоновъ отмѣчаетъ вообще строго выдержанный общій характеръ ея. Она яв-

¹ До него сомнѣнія въ тождествѣ личности Отрепьева и Самозванца высказали—не совсѣмъ опредѣленно—митр. Платонъ (Краткая церков. ист., изд. 3-е, II, стр. 141) и вполнѣ ясно А. Ф. Малиновскій (Биогр. свѣд. о кн. Д. М. Пожарскомъ, М. 1817, стр. 12—13) и Погодинъ; ср. нѣкоторыя литературныя замѣчанія (Рус. Стар. XIV, с. 468 — время Павла). О полномъ утвержденіи этого мнѣнія въ послѣднее время замѣчаетъ П. С. Казанскій, представившій обстоятельный сводъ всѣхъ данныхъ по спорнымъ вопросамъ (Рус. Вѣст. 1877, №№ 8, 9 и 10; см. № 8, с. 464). «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лжедмитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ приять» (Вестушевъ-Рюминъ, Обзоръ, 98).

ляется самым ранним и самостоятельным литературным произведениемъ, въ которомъ описаны названныя выше событія, но эти послѣднія, представлены авторомъ въ крайне одностороннемъ и неполномъ освѣщеніи. Борьба Годунова съ Шуйскими при Федорѣ Ивановичѣ, убіеніе ц-ча Димитрія, захватъ престола Борисомъ, біографія Самозванца, подробности о послѣднихъ дняхъ Бориса и судьбѣ его семейства,—изложены, по выраженію автора, въ партійномъ духѣ. Авторъ Повѣсти, говоритъ г. Платоновъ, „нарисовалъ цѣлую картину козней и преступленій Бориса, совершенныхъ для достиженія престола. Стоя вообще на точкѣ зрѣнія Шуйскаго, онъ отнесся къ Борису такъ, какъ относились Шуйскіе, т. е. крайне враждебно... Шуйскіе—образецъ добродѣтели, Годуновы—воплощеніе зла; Шуйскіе—терпѣливыя жертвы, Годуновъ—двоедушный тиранъ, трусливый при неудачѣ, жестокой при успѣхѣ“ (18—19). Поэтому нѣтъ преступленія, котораго не приписалъ бы ему авторъ (смерть ц. Федора, убіеніе Димитрія, принужденіе къ лжесвидѣтельству Шуйскаго и патр. Іова о смерти послѣдняго, самоубійство и т. п.¹⁾, а достиженіе имъ престола—это сплошная цѣпь интригъ, обмановъ и т. п. средствъ, употребленныхъ Борисомъ въ интересахъ своего дѣла. На сколько старается авторъ дискредитировать избраніе на престолъ послѣдняго, на столько, вопреки истинѣ, онъ хочетъ убѣдить, что Шуйскій избранъ на престолъ „всею Россійскою областью“, а его самого представить „первострадальцемъ“, „страстотерпцемъ“, которымъ Богъ восхотѣлъ „сохранить свою церковь отъ разоренія“ и въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ распространяетъ эти добродѣтели на весь родъ Шуйскихъ...²⁾. „Сближеніе Повѣсти съ грамотами Шуйскаго, по г. Платонову, показываетъ ясно, что авторъ усвоилъ

1) Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій давно вызвали уже опроверженіе: такъ, по поводу обвиненія Бориса въ смерти датск. принца Іоанна, жениха его дочери Ксенія, возражали: А. Ф. Вюшинъ (Magazin für die neue Historie, B. VII), В. Рихтеръ (Gesch. der Medizin in Russland, Th. I, S. 403—409) и бар. Корфъ (Принцъ дат. Іоаннъ въ Россіи въ 1602 г., Сѣверн. Архивъ 1822, ч. II, № 8). Точно также над. П т. Актовъ историческихъ показало, что ливон. кор. Марія Владиміровна была жива еще въ 1611 г. и такимъ образомъ надпись надъ ея гробомъ съ указаніемъ 1597 г., какъ года кончины, оказалась поновленною (пр. 40). Современники обвиняли Бориса въ намѣреніи извести Ивана Романова голодомъ, а тѣ же документы свидѣтельствуютъ, сколько припасовъ посылалось ему. Это дало основаніе Погодину замѣтить: «Чѣмъ болѣе открываются документы, тѣмъ болѣе пятенъ снимается съ Бориса» (Москвитян. 1842, № 2, с. 557; ср. Соловьевъ, VIII, 70).

2) Онъ противопоставляетъ «господъ» Шуйскихъ Годуновымъ, происходившимъ, какъ и Отрепьевъ, «отъ младяи чади» (стр. 16 и 28).

себѣ вполне *правительственную точку зрѣнія* на событія и развивалъ правительственные взгляды В. Шуйскаго. Такое совпаденіе взглядовъ и самая цѣль повѣствованія, поставленная прямо въ интересахъ Шуйскаго, придаютъ нашей Повѣсти характеръ *оффиціознаго произведенія*.“ Допуская въ этомъ случаѣ даже отсутствіе всякаго внѣшняго побужденія, тѣмъ не менѣе авторъ заключаетъ свой отзывъ слѣдующими словами: „однимъ словомъ, онъ безсознательно могъ, ища истины, стать на сторону узкой политической партіи, *далеко неправой въ своихъ показаніяхъ и взглядахъ*“ (14—18)... Въ виду этого Повѣсть 1606 г. получаетъ характеръ пристрастнаго *публицистическаго* произведенія и не можетъ считаться объективною летописью событій... Историкъ долженъ крайне осторожно пользоваться фактическими данными Повѣсти именно потому, что въ ней сказывается партійная односторонность (34).

Тоже отношеніе къ фактамъ сказалось и въ оцѣнкѣ такого событія, какъ убіеніе ц-ча Дмитрія. Г. Платоновъ по этому поводу говоритъ: „Смерть ц-ча въ наукѣ находитъ, какъ извѣстно, два противоположныхъ толкованія, и критика источника въ данномъ случаѣ не можетъ опереться ни на какое прочное основаніе. Въ 1591 г. оффиціально былъ установленъ фактъ нечаяннаго убійства, самоубійства Дмитрія, въ 1605 и 1606 гг. оффиціально же утверждалось въ данномъ случаѣ убійство со стороны Годунова, но безъ всякаго объясненія его подробностей¹⁾. Наша Повѣсть впервые переноситъ это утвержденіе изъ области оффиціальныхъ увѣреній и народныхъ толковъ въ область литературы и впервые противопоставляетъ описаніе убійства картинѣ самоубійства, находящейся въ слѣдственномъ дѣлѣ; это придаетъ большую важность разсказу Повѣсти о смерти царевича. Разсказъ былъ написанъ въ то время, когда были живы и дѣйствовали въ Москвѣ ближайшія къ событію лица: мать царевича и его дяди Нагіе. Авторъ разсказа, какъ мы видѣли, былъ хорошо снабженъ источниками, имѣлъ въ рукахъ много документовъ, самъ принадлежалъ къ числу братіи близкаго къ Москвѣ и вліятельнаго монастыря, писалъ въ цѣляхъ и, легко можетъ быть, съ покровительствомъ В. И. Шуйскаго“. Но всѣ эти выгодныя условія для автора *не прибавили ни одной такой черты* въ его

1) Собр. госуд. грам. и договор. II, № 60; Акты Арх. экспед. II, № 26, 37, 48.

разсказъ о данномъ событіи, которая бы обнаруживала въ послѣднемъ близкое знакомство съ обстоятельствами его. „Если бы даже, замѣчаетъ изслѣдователь, и подозрѣвать, что слѣдственное дѣло было поддѣлано во всемъ его составѣ или же въ нѣкоторыхъ его частяхъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что сочинители дѣла желали освободить Михаила Битяговскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ своими руками убилъ Дмитрія¹⁾. Поэтому мы можемъ думать, что во всякомъ случаѣ М. Битяговскаго во время несчастія съ царевичемъ не было около него“. Повѣсть называется прямо и главнаго виновника злодѣянія—Бориса; но никакихъ доказательствъ или уликъ по этому поводу не представляетъ²⁾. Напротивъ, въ рассматриваемой „Повѣсти“ есть даже существенное противорѣчіе извѣстнымъ фактамъ. Такъ, въ ней сообщается, что для слѣдствія въ Угличъ былъ посланъ кн. В. И. Шуйскій и патр. Іовъ, на самомъ же дѣлѣ въ Угличъ ѣздилъ не Іовъ, а м. Геласій. „Сближеніе Повѣсти съ показаніями слѣдственнаго дѣла можетъ только усилить наше недовѣріе къ Повѣсти. За слѣдственнымъ дѣломъ безспорно остается преимущество большей современности

¹⁾ Отмѣтить, что, кромѣ историковъ (Погодина, Устрялова, Соловьева, Вѣлова—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, №№ 7 и 8); В. Лядова (Критич. обозр. ижтій по поводу вопросовъ объ уб. ц-ча Дмитрія и о личности Д. Самозванца—послѣдняя незначительна, тамъ же, ч. LXXXIX); пр. Филарета (въ Чт. Моск. общ. ист. 1858, I, съ церковно-истор. точки зрѣнія), объ этомъ дѣлѣ писалъ—Н. М. Кошницъ (Отчетъ И. Пуб. библ. 1876, с. 172, рукоп.) и дѣлалъ докладъ въ М. юридич. общ. Муратовъ (Порядохъ 1881, № 300, с. 3). Любопытно смское дѣло 1726 г. по поводу попрековъ въ происхожденіи отъ убійцы ц-ча—Качалова и разъясненіи этого дѣла (Рус. Стар., т. XXXIX, 430). Между тѣмъ какъ въ былинѣ о смерти ц-ча Дмитрія говорится: «а Годуновыхъ бояръ проклинають навсегда», въ пѣснѣ про Д. царевича поется:

«Убили же царя Дмитрія въ гуляньи на игрищахъ;

«Убили же его Гринша Розстриженный,

«Убилиши его, самъ на царство сълъ,

«И не сколько царилъ, только семь годовъ».

Р. Стар., т. IX, 200). Любопытна также зам. о глубочной картинкѣ (Историческій Вѣстн. 1892, VIII, 702—703). Въ свое время г. Вѣлову возражалъ Н. И. Костомаровъ (О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убійства царевича Дмитрія, Вѣст. Евр. 1873, № 9; Истор. моногр. т. XIII, 319—350) и нѣкоторые изъ его доводовъ представляются неопровержимыми. Вѣское замѣчаніе сдѣлалъ нѣкогда на сеймѣ въ Польшѣ Замоискій (Соловьевъ, VIII, 125). По связи съ этимъ вопросомъ заслуживаетъ упоминанія статья В. И. Лѣвстицкина: «Ссылалъ ли Борисъ Годуновъ угличанъ въ Пелымъ?» (Яросл. Губ. Вѣд. 1872, № 17), но мы не могли ею воспользоваться. Ср. также дѣло объ угличкомъ колоколѣ (Ист. Вѣст. 1888, № 10, 255—256).

²⁾ Авторъ Повѣсти сообщаетъ о *многочисленныхъ* посѣщеніяхъ со стороны Бориса на живыи ц-ча Дмитрія (20), а поздѣйшая *эпоска* говоритъ уже о преслѣдованіи памяти его Борисомъ и по смерти («но хотяше и по смерти память его отъ земли истерти и преславная чудеса его въ иверѣнціи поеложити» и т. д. Платоновъ, 36, прим.).

и обстоятельности показаній“. Исследователь выражает даже удивление по поводу отсутствия какихъ либо убѣдительныхъ данныхъ въ Повѣсти противъ Бориса: „со времени преступленія, говоритъ онъ, прошло уже 15 лѣтъ; свидѣтели были на лицо и служили обвинителямъ“. Таковъ выводъ автора объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ Повѣсти (19—22).

Изъ другихъ эпизодовъ той же Повѣсти заслуживаютъ вниманія весьма подробныя свѣдѣнія, сообщаемыя ею о походе Гр. Отрепьева въ Россіи до его бѣгства въ Литву: „Рѣдкій оффиціальныи актъ можетъ сравниться съ Повѣстью количествомъ свѣдѣній о первоначальныхъ походахъ Отрепьева, замѣчаетъ г. Платоновъ. Поэтому намъ кажется, что Повѣсть въ этихъ своихъ показаніяхъ объ Отрепьевѣ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди прочихъ источниковъ“. Разсказъ о немъ, какъ „написанныи въ годъ смерти Самозванца, имѣетъ поэтому большую важность“ (28—30). Есть нѣкоторыя мелкія, но любопытныя подробности, относящіяся къ этому послѣднему (32—33). Наконецъ авторъ Повѣсти упоминаетъ и о печальной судьбѣ ц-ны Ксеніи, взятой Лжедмитріемъ для гнусныхъ цѣлей. Нашъ исследователь сопоставляетъ это извѣстіе съ другими русскими (кн. Катыревъ-Ростовскій и кн. Шаховской) и иностранными извѣстіями (какъ письмо Мнишка къ Самозванцу, Буссовъ, Петрей, Масса ¹). Еще недавно Костомаровъ указалъ на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для характеристики Д. Самозванца ²).

¹) Ibid. стр. 32—33.

²) Рус. Стар. 1876, т. XVI, с. 1—8: «По поводу современ. портр. Лжедм. I» и «Ксенія Бор. Годунова», его же (Ист. Вѣст. XV, с. 1—23). Поступокъ съ Ксеніей здѣсь Костомаровъ выставляетъ уже, какъ самый убѣдительный доводъ въ подтвержденіе его сознательнаго обмана. «Какъ будто, замѣчаетъ Е. А. Вѣловъ, это былъ новый фактъ для историка, какъ будто онъ этого факта не зналъ, когда писалъ свою диссертацию: «Кто былъ первый Лжедмитрій», а онъ раздѣлялъ тогда убѣжденіе Соловьева, что Самозванецъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». И далѣе прибавляетъ: «Да еще надобно провѣрить, фактъ ли это насліе или только слухъ?» (Вѣловъ, Объ историч. значеніи рус. боярства до в. XVII в. Спб. 1886, 143). Въ письмѣ одного современника-итальянца, адресованномъ къ герц. тосканскому изъ Архангельска, отъ 4 іюля 1605 г., сообщается, будто бы Д. Самозванецъ хотѣлъ оказати помилованіе семейству Годунова (Рус. историч. Вѣдл., т. VIII, стр. 74). Однако, устранить предыдущія свидѣтельства трудно, какъ идущія съ разныхъ сторонъ. Правда Масса выражается дипломатически: «Дочь Бориса Ксенію, одно время зависѣвшую отъ воли Лжедмитрія, онъ велѣлъ постричь въ монахини и сослать въ Кирил. монастырь» (171); но Пьеръ де-Лаваль, служившій подъ нач. Делгарди (1610), передаетъ даже слухъ, что Ксенія разрѣшилась въ монастырѣ отъ бремени

Повѣсть о смутномъ времени 1606 г. въ письменности XVII вѣка сдѣлалась весьма популярною. Такъ, она дошла до насъ въ сокращенномъ видѣ въ нѣсколькихъ спискахъ, съ разными вариантами; часть Повѣсти вошла въ житіе ц-ча Дмитрія 1607 г., внесенное въ Минеи-четьи Германа Тулупова; затѣмъ въ разное время къ ней было сдѣлано нѣсколько дополненій, какъ-то грамотъ ц. Василія Шуйскаго, повѣствованія о первыхъ смутахъ при ц. Василіѣ, въ которое цѣликомъ вошла повѣсть протоп. Терентія о чудесномъ видѣніи 1606 г.; а послѣ 1617 г. прибавлено еще нѣсколько статей изъ хронографа 2-й редакціи; наконецъ онѣ были дополнены лѣтописными замѣтками, доходящими до пол. XVII в. Такъ составилъ сборникъ, получившій потомъ названіе Иного сказанія. Необходимо еще замѣтить, что и въ вариантахъ сокращенной передѣлки Повѣсти (Пов. како восхити неправдою на Москвѣ царскій престоль Борисъ Годуновъ) выдержано тоже враждебное отношеніе къ Борису Годунову, преобладающее въ самой Повѣсти: въ нихъ мы встрѣчаемъ рассказы о лицемѣрїи и жестокостяхъ Бориса, а онъ самъ сопоставляется съ Фокой мучителемъ, императоромъ византійскимъ. Точно также въ „Житїи“ Борисъ является преслѣдователемъ даже памяти ц-ча Дмитрія (стр. 34—81).

Впрочемъ, какъ ни хлопоталъ авторъ „Повѣсти“ о помраченіи имени Бориса Годунова и о прославленіи подвиговъ Вас. Шуйскаго, онъ не могъ достигнуть этой цѣли вполне. Между тѣмъ, какъ его патронъ не нашелъ себѣ сочувствія почти ни у одного изъ историковъ и, напротивъ, встрѣтилъ весьма суровый приговоръ своей дѣятельности¹⁾, Б. Годуновъ нерѣдко возбуждалъ симпатїи у историковъ и желаніе найти объясненіе его дѣйствіямъ и оправданіе въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ.

сыномъ (Аделунгъ, II, 135). Письмо итальянца было извѣстно Аделунгу по другимъ спискамъ (ibid., 97—99), а впервые напечатано въ 1658 г.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Ксенїи въ Горицкомъ мон. и хожденїи на богомолье въ Кирилло-Вѣловск. мон. находятся въ документахъ этого монастыря, откуда она была освобождена въ окт. 1606 г., чѣмъ и рѣшаются сомнѣнія, высказанныя нѣкогда по этому поводу (Акты историч. II, примѣч. 34; ср. Извлеч. изъ арх. Кир.-Вѣловск. мон., Древн. Моск. археолог. общ., т. VIII, с. 140). Разысканія о ней Н. Д. Иванчина-Писарева (Москвитян. 1842, № 2, с. 557—563). О судьбѣ семейства Годунова см. письмо Д. Самозванца изъ-подъ Тулы (прилож. къ соч. Вареццо-Варецци, изд. кн. Авг. Голицыныхъ, Р. 1858, по рук. Пар. нац. библ.).

¹⁾ Таковъ и отзывъ о немъ наиболѣе объективнаго историка (Соловьевъ, VIII, 155—159).

Уже историографъ Миллеръ, въ своемъ весьма обстоятельномъ по тому времени очеркѣ царств. Бориса Годунова. (Опытъ новѣйшя исторіи о Россіи, Сочин. и переводы къ пользѣ и уредел. служащія, 1761, Спб., № 1—6, стр. 1—63, 99—154, 195—244), въ русскомъ изданіи, по независящимъ отъ автора причинамъ, не оконченомъ¹⁾, при всемъ своемъ несочувствіи нѣкоторымъ нравственнымъ чертамъ его, далъ весьма обстоятельное и подробное изображеніе умной политики и правленія Бориса Годунова. Карамзинъ, въ своихъ „Замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ“, писанныхъ въ 1803 г., болѣе десятка страницъ посвящаетъ характеристикѣ Бориса Годунова, дѣятельность котораго заставила автора критически отнестись къ мнѣніямъ русскихъ лѣтописцевъ²⁾; однако въ своей исторіи, изданной въ 1823 г., онъ уже вполне послѣдовалъ тѣмъ же лѣтописцамъ. Но что авторъ и тогда еще думалъ иначе, свидѣтельствуетъ рассказъ Погодина, который со словъ Карамзина, ожидалъ увидѣть въ его исторіи оправданіе Годунова -- и печально разочаровался въ томъ³⁾. Самъ Погодинъ до конца былъ послѣдовательнымъ по-

1) Объясненіе нѣ у Печарскаго (Ист. Ак. Наукъ I, стр. 380; подробности: Редакт., со труд. и цензура въ русскомъ журн. 1755—1764 гг., 51—55; Жизнь и литер. переписка П. И. Рнчкова, Спб. 1867, стр. 46—47); отзывъ о соч. Миллера—Соловьева въ его статьѣ: Г. Ф. Миллеръ (Современ. 1854, т. XLVII, отд. II, 126—128); мнѣніе Миллера о Дмитріѣ Самозванцѣ (Записки Умд. Бокса, Рус. Стар. 1877, т. XVIII, 820—822; иное—см. его же Sammlung Russischer Geschichte, V, 207—11; idem 1777, 52—54: здѣсь онъ признаетъ сам. Отрепьевымъ, но подставленнымъ полякамъ).

2) Собр. сочин., т. I, 487—499.

3) Н. М. Павловъ (Видный), въ статьѣ своей о Д. Самозванцѣ (Рус. Арх. 1886, II, 599—600), по этому поводу замѣчаетъ: «Я увѣренъ, что если Карамзинъ въ X томѣ прежде написалъ одно, а потомъ напечаталъ другое, тутъ некого винить: это нѣмъ сдѣлано вполне добровольно. Въ рѣшительный мигъ на него напала нерѣшительность, вотъ и все». И объясненіе тому онъ находитъ въ тѣхъ же «Замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ». Выразивъ мнѣніе въ возможности клеветы на Бориса, вызванной враждою или бессмысліемъ, Карамзинъ однако выходитъ изъ затрудненія слѣд. образомъ: «Но что *принято*, утверждено *общимъ мнѣніемъ*, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторнетъ *лѣтописи*»... «Именно такъ, прибавляетъ г. Павловъ, безъ критики писалъ Карамзинъ весь этотъ мелодраматическій рассказъ о душевномъ глэдѣ, коняъ томился Борисъ», и т. д. слѣдуютъ возраженія со стороны Павлова. Предположеніе послѣдняго вполне подтверждается и словами Д. Н. Влудова. «Карамзинъ говорилъ ему, что хотя точныхъ доказательствъ нѣтъ противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія ц-ча Дмитрія, однако у него полное внутреннее убѣжденіе въ его соучастіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулся мыслию, что не можетъ не остаться осужденнымъ въ мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, лицо, оклеветанное *несиимо*. Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассационный судъ, который разбираетъ истинно и дѣла прошедшихъ временъ... и что, по словамъ Юг. Миллера: die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht» (Воспом. гр. А. Д. Влудовой, Рус. Арх. 1889, № 1, с. 105—106).

читателемъ и защитникомъ Бориса Годунова. Еще въ 1829 г. онъ напечаталъ въ „Москов. Вѣстн.“ статью: „Объ участіи Годунова въ убіеніи ц-ча Дмитрія“, направленную собственно противъ доводовъ Карамзина, исторію котораго онъ такъ уважалъ¹⁾; онъ допустилъ на страницахъ „Московского Вѣстника“ возраженія по адресу Карамзина со стороны Арцыбашева, которыя причинили ему много неприятностей²⁾; а въ 1858 г., въ статьѣ: „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права“ (Рус. Бес. 1858, IV) и возраженія своемъ Костомарову онъ выступилъ въ защиту Бориса по поводу этого спорнаго вопроса³⁾. Мало того. Погодинъ является ревностнымъ защитникомъ его и въ своихъ лекціяхъ: „Только одинъ разъ оживлялся онъ необычно и голосъ его принималъ живое, сердечное выраженіе, — когда онъ говорилъ о Борисѣ Годуновѣ и съ увлеченіемъ доказывалъ намъ, что Борисъ Годуновъ не былъ убійцей ц-ча Дмитрія и не могъ быть“, сообщаетъ одинъ изъ его слушателей⁴⁾.

Но Погодинъ встрѣтилъ поддержку своему мнѣнію въ другомъ историкѣ, извѣстномъ въ свое время рядомъ статей, направленныхъ противъ исторіи Карамзина, — то былъ Н. С. Арцыбашевъ. Статя его „О кончинѣ ц-ча Дмитрія“ служитъ возраженіемъ противъ излишняго довѣрія Карамзина къ лѣтописнымъ повѣствованіямъ, „въ ущербъ документальнымъ даннымъ, и дополненіемъ къ дѣльнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ Погодина касательно до невинности царя Бориса въ убіеніи ц-ча Дмитрія“ (Вѣстн. Евр. 1830, №№

¹⁾ Ср. Телескопъ, т. VII, 438—448; также т. X, 524—532 (о сказаніяхъ, изд. Устряловымъ).

²⁾ Любопытны черты тогдашней литературной полемики по поводу историческихъ мнѣній Карамзина и отраженіе ея на Погодинѣ (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, II, 185—140, 284—276; также П. М. Строевъ, 147—149, 239; ср. Моск. Телегр. 1833, т. XLIX, 429—457, по поводу изданій Устрялова).

³⁾ Означенная статья и «отвѣтъ Костомарову на его разборъ разсужденія Погодина» (Арх. ист. и практ. свѣд. 1859, III) перепеч. въ «Историко-критич. отрывкахъ» (т. II, 1867).

Какъ извѣстно Карамзинъ заподозрѣвалъ указъ Шуйскаго (X, пр. 359), на которомъ главнымъ образомъ основывается закрѣпощеніе крестьянъ Борисомъ (Соловьевъ VII, 395; П. В. Павловъ, Объ ист. знач. царств. В. Годунова, 45); но В. О. Ключевскій не придаетъ такого значенія этому акту (см. Рус. Мысль 1885, № 9, стр. 14, пр.). «Крѣпостное право утверждено было жизнью, а не законодательнымъ актомъ, какъ думали долго», замѣчаетъ К. Н. Вестужевъ Риминъ (Обзоръ соб. отъ смерти ц. Іоанна Вас. до избр. Мих. Фед., Ж. М. Н. Пр. 1887, № 7, с. 78).

⁴⁾ Москов. университетъ въ 1840-хъ годахъ, П. Д. Шестакова (Рус. Стар. 1887, т. LV, 657); ср. Воспом. Я. И. Костенецкаго (Р. Арх. 1887, I, 322). Этому мнѣнію Погодинъ остался вѣренъ до конца (см. его моногр. о Карамзинѣ, II, с. 5).

9—12, сс. 241—266, перепеч. въ Рус. Арх. 1886, т. III, 273—284). Однако нѣсколько позже (1841 г.) тѣ же мнѣнія автора встрѣтили затрудненія при печатаніи его „Повѣствованія о Россіи“ и соотвѣтственныя имъ мѣста, согласно съ заключеніемъ Н. Г. Устрялова, были нѣсколько видоизмѣнены; но еще болѣе замѣчательно то, что самъ Устряловъ, въ разборѣ того же акта въ своихъ изданіяхъ выразился уже, что „углицкій розыскъ не наводитъ и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова¹⁾“. Мнѣніе Арцыбашева нашло себѣ отголосокъ въ небольшой монографіи А. Краевскаго (Царь Борис Годуновъ, Спб. 1836, с. 31—37²⁾). П. В. Павловъ, въ своемъ специальномъ изслѣдованіи „Объ историческомъ значеніи цар. Бориса Годунова“ (М. 1850), не входитъ въ разборъ дѣла 1591 г., но въ одномъ изъ частныхъ положеній выражается такъ: „Борисъ Годуновъ не былъ *единственнымъ* виновникомъ смерти ц-ча Дмитрія Углицкаго“ (стр. 130). Что же касается его дѣятельности, какъ правителя, то авторъ замѣчаетъ: „Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Борисъ Годуновъ является болѣе сознательнымъ, нежели его предшественники“ (ib.). „Ему было на роду написано сыграть важную роль въ землѣ русской и онъ превосходно выполнилъ свое призваніе“ (110).

С. М. Соловьевъ, напротивъ, по своему взгляду на дѣло 1591 г., непосредственно примыкаетъ къ мнѣнію Карамзина. Передавъ сообщенія лѣтописцевъ объ этомъ событіи, онъ замѣчаетъ такъ: „Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ *ни одной черты*, которая заставила бы заподозрить его подробности самаго убіенія, предшествовавшей разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ нашей статьѣ: Арцыбашевъ и Устряловъ (Р. Арх. 1886, III, 523—527). Въ письмахъ же къ Строеву, Устряловъ, соглашаясь съ нимъ, весьма лестно отзывался о трудахъ Арцыбашева (Варсуковъ, 289—240). Любопытно съ этой стороны недовольство Устрялова изложеніемъ и критикою Карамзина въ отношеніи исторіи смутнаго времени (Сказанія современ. о Д. Самозванцѣ, I, предисл., стр. ix—x, писано въ 1831 году).

²⁾ Первоначально въ Энциклоп. Лексиконѣ, изд. А. А. Плюшаромъ (т. VI); но въ т. XIV того же изданія напечатана статья въ противномъ духѣ, а въ предисловіи осуждается статья VI тома. Объясненіе литературныхъ столкованій по этому поводу (Воспом. А. В. Старчевскаго Ист. Вѣст. 1888, № 10, ст. 131).

Э. Герману принадлежитъ статья: Russland unter der Regierung Boris Godunow's und des ersten unter dem Namen des Zarewitsch Dimitri auftretenden falschen Pretendenten (Neue Jahrb. der Gesch. und Politik, v. Bülow, 1844), не представляющая впрочемъ ничего выдающагося,

взять на себя совершение злодѣйства, указанія на Клепшина, какъ на главнаго дѣателя. всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку“ (VII, 424). Напротивъ, разсматривая слѣдственное дѣло, авторъ заключаетъ, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно (430), и въ особомъ примѣчаніи (131) подробно разбираетъ сомнѣнія, высказанныя нѣкогда Погодинымъ¹⁾.

Въ свое время выводы Соловьева подверглись замѣчаніямъ со стороны К. С. Аксакова (разборъ VII т. Истории Россіи, Рус. Бес. 1858, II, 23—28), снова попытавшася защитить память Бориса Годунова. Въ томъ же направленіи, но съ особенною настойчивостью въ защиту мнѣнія Погодина, было разобрано слѣдственное дѣло въ статьяхъ Е. А. Бѣлова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, №№ 7 и 8), вызвавшихъ въ свое время возраженіе со стороны Костомарова (Вѣстн. Евр. 1873, № 9)²⁾. Изъ другихъ исследователей—А. П. Барсуковъ „не рѣшается стать на сторону обличителей Бориса Годунова“³⁾; К. Н. Бестужевъ—Рюминъ не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія, однако и не осуждаетъ Бориса Годунова (Обзоръ событій отъ ц. Іоанна Васил. до избранія на прест. Мих. Ѳед., Журн. Мин. Н. Пр., № 7, отд. 2); С. Ѳ. Платоновъ примкнулъ къ сторонникамъ официального акта. Наконецъ, въ послѣднее время, противъ Годунова и въ защиту мнѣнія Карамзина и Соловьева, рѣшительно высказался Д. И. Иловайскій⁴⁾.

Впрочемъ, въ защиту Бориса Годунова появлялись мнѣнія не только въ средѣ ученыхъ. Такъ, Петръ В. старался „почтить память великаго человѣка“ и къ такому мнѣнію, очевидно, склоняется Екатерина II⁵⁾, а извѣстный публицистъ Чаадаевъ писалъ А. С. Хомякову: „Не вѣрю, чтобы царствованіе Ѳедора столько же было счастливо безъ Годунова, сколько оно было при немъ“⁶⁾. Возбуждалъ иногда сим-

1) Исторія Россіи, т. VII, стр. 445—450.

2) Тоже въ Историч., моногр. т. XIII, 319—350.

3) Родъ Шереметевыхъ, II, 31—33. Также смотри и П. С. Казанскій (Рус. Вѣст. 1877, № 8, 467).

4) Русскій Архивъ 1889, № 2: По поводу розыска о смерти ц-ча Дмитрія, стр. 368—370).

5) Сборникъ XVIII вѣкъ, IV, 291.

6) Вѣст. Европы 1871, VI, 340.

патіи къ себѣ и Д. Самозванецъ¹⁾; но Шуйскій, какъ мы сказали, не нашель защитника въ исторической литературѣ.

Перейдемъ къ другимъ произведеніямъ, разсматриваемымъ въ книгѣ г. Платонова.

II.

Вторая глава (стр. 82—127) изслѣдованія г. Платонова посвящена разбору слѣдующихъ шести сказаній: 1) Повѣсть патр. Іова о честнѣмъ житіи ц. Феодора Ивановича; 2) Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ; 3) Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства; 4) Повѣсть о нѣкоей брани, налезающей на благочестивую Россію; 5) Сказаніе о видѣніи, бывшемъ человѣку благочестивому именемъ Григорію въ Нижнемъ Новгородѣ (26 мая 1611 г.) и 6) Сказаніе (краткая записъ), неизвѣстно кѣмъ составленное, о видѣніи, бывшемъ во Владимірѣ въ ночь съ 24-го на 25-го августа 1611 г.

Что касается перваго изъ нихъ²⁾, то, не смотря на положеніе автора ея, она не представляетъ какихъ либо выдающихся чертъ въ историческомъ отношеніи. Авторъ счумѣлъ сохранить оффиціальнѣйшій тонъ похвального слова относительно обоихъ государей, о которыхъ ему приходится говорить (т. е. о цц. Федорѣ и Борисѣ). Притомъ, какъ писанная въ началѣ цар. Бориса Годунова, Повѣсть эта и не относится непосредственно къ смутному времени. Прочія же сказанія по времени составленія, приходятся на промежутокъ времени съ конца 1610—1612 гг. Не смотря, однако, на такую близость авторовъ къ описываемымъ событіямъ, нашъ изслѣдователь придаетъ имъ мало историческаго значенія. „Новая повѣсть“³⁾—„естъ подметное

¹⁾ Письмо Д. В. Давыдова (Рус. Стар. 1884, т. XIII, 136); Дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣстн. 1882, т. VII, с. 331—32, весьма патетическое мѣсто, относящееся правда къ порѣ молодости авторѣ); Н. Г. Устряловъ (предисл. къ хроникѣ Вуссова, с. vi); Д. Самозванецъ, А. С. Хомякова (Р. Арх. 1886, т. II); ср. многія любопытныя замѣчанія у С. М. Соловьева (т. VIII, стр. 119, 122, 123, 124, 129, 147—148, 149, 155—156; т. IX. 471).

²⁾ Никонов. лѣтоп., т. VII, 316—359.

³⁾ Рук. библ. Моск. дух. ак. Арх. Леонидъ видитъ въ ней одно изъ троицкихъ посланій (Свѣд. о славян. рукоп., поступив. изъ книгохр. Троиц. лав. въ библ. Троиц. дух. сем. въ 1747 г., Чт. Моск. общ. ист. 1884, III, 182); Кедровъ—посланіе, отправл. изъ Кремля какимъ-то женат. лицомъ подъ Смоленскъ (Ар. Палицынъ, ib. 1880, IV, 62); г. Платоновъ—авторомъ ея считаетъ приказнаго дьяка (89).

письмо, заключающее въ себѣ призывъ къ возстанію противъ поляковъ, занимавшихъ Москву и противъ бояръ, повиновавшихся и благопріятствовавшихъ Сигизмунду“ (стр. 87). Она даетъ *весьма мало* фактическаго матеріала, а страстность, съ какою написана Повѣсть, заставляеть съ осторожностью относиться къ ея фактическимъ показаніямъ (102),—таковъ общій отзывъ о ней автора изслѣдованія. Третій памятникъ—„Плачь“¹⁾, по отзыву того же автора, не требуетъ доказательствъ, что изложеніе событій смутнаго періода представлено въ немъ *далеко не вѣрно*. Источниками для него служили—процальная грам. патр. Іова и Гермогена и грамоты 1611—13 гг., которыя рассылались по городамъ изъ ополченій Прок. Ляпунова и кн. Д. М. Пожарскаго²⁾. Такимъ образомъ авторъ „Плача“ вполнѣ усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія на событія, какую давали грамоты 1611—1612 гг. Но простой языкъ грамотъ не удовлетворялъ его и онъ считалъ необходимымъ украшать свое произведеніе цвѣтистыми оборотами книжной рѣчи (стр. 111). Мало этого, изслѣдователь „Сказаній“ замѣчаетъ, что авторъ „Плача“ не былъ даже москвичемъ, такъ какъ ни одна черта не даетъ намъ права заключать, что онъ былъ свидѣтелемъ московскаго разоренія; онъ судилъ объ этихъ событіяхъ по грамотамъ, причемъ простыя фразы грамотъ, легшія въ основу его разсказа, подверглись въ „Плачь“ риторической переработкѣ и въ новой формѣ потеряли свою прежнюю выразительность (115). Все это приводитъ автора къ заключенію, что „Плачь“, какъ произведеніе, составленное на основаніи извѣстныхъ намъ документовъ и не заключающее въ себѣ новыхъ фактическихъ данныхъ, имѣетъ *весьма малую историческую цѣнность* (114)³⁾. Остальные три сказанія (№ 4, принадлежащее подъячему или дьяку

¹⁾ Рукоп. Импер. публ. библ. (стр. 103); другіе списки Моск. публ. м. и библ. гр. Уварова (Царскаго).

²⁾ Собр. Госуд. грам. II, №№ 251, 262, 281; Акты Арх. Экспед. II, №№ 185, 188, № 203.

На стр. 106—112 авторъ представляетъ примѣры цѣлаго ряда заимствованій изъ указанного источника и тождества выраженій и фразъ (примѣч.).

³⁾ Сопоставленіе нѣкоторыхъ фактовъ, не заключающихся въ главныхъ источникахъ сказанія—грамотахъ и встрѣчающихся, въ свою очередь, въ другихъ современныхъ памятникахъ, позволяетъ даже думать, что они принадлежатъ не ему, а заимствованы и тѣмъ, и другими изъ одного общаго источника (стр. 114, примѣч.).

Посольскаго приказа ¹⁾); № 5—пов. Григорія и № 6²⁾) представляють уже въ своемъ основаніи *смѣсь чудеснаго съ дѣйствительнымъ*: они говорятъ о небесныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, призывавшихъ къ посту, покаянію и мимоходомъ только касаются современныхъ событій. Нѣкоторыя изъ нихъ даже заканчиваются молитвами (стр. 116, 119). Разсмотрѣвъ содержаніе этихъ произведеній, г. Платоновъ говоритъ: „Всѣ разобранныя нами сказанія, сами по себѣ являясь весьма любопытными для изученія литературными фактами, или вовсе не даютъ фактическаго матеріала для историка, или даютъ такія свѣдѣнія, которыя нуждаются въ строгой критической провѣркѣ“ (127).

Впрочемъ, такой строгій выводъ относительно содержанія указанныхъ памятниковъ, не лишаетъ ихъ извѣстнаго историческаго значенія. Какъ произведенія литературныя и публицистическія, они знакомятъ насъ съ современнымъ состояніемъ общества, съ настроеніемъ общественной мысли; а нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ и болѣе реальныя черты. Такъ, авторъ „Новой повѣсти“, служившій боярскому правительству 1610—1611 г., главные удары своего воззванія направляетъ именно *противъ бояръ*, которыхъ онъ называетъ не иначе какъ „измѣнниками“, „богоотступниками“, „кривителями“, „братьями Іуды предателя“, которые и „не могутъ ничего учинить“, (стр. 88, 100), а съ другой стороны—противъ извѣстнаго выскочки смутной эпохи—Андропова, намеки на котораго представляются весьма прозрачными (89—90, примѣч.). Но авторъ не падаетъ и духовенства, которое, по его мнѣнію, не стояло на высотѣ своего призванія („Гермогенъ способниковъ себѣ не имѣетъ никого же... и тѣ славою міра сего прелестнаго прельстишеса, просто рещи подавилися... и творятъ ихъ волку“ ³⁾). Въ виду такого положенія вещей всю свою надежду авторъ возлагаетъ лишь на народъ (100). Въ свою очередь, авторъ „Плача“ всю вину сверженія Шуйскаго относитъ на счетъ *боярства* ⁴⁾. Въ тѣхъ же сказаніяхъ мы находимъ

¹⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. (стр. 116—121).

²⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. (121); Никон. лѣт. VIII, 172—173; Лѣт. о ятежахъ 231—233; Нов. лѣтоп., 143.

³⁾ Стр. 88, примѣч.

⁴⁾ Въ рукоп. гр. Уварова читаемъ: «Властодержцы московскіе бояре сатанинскою завистью и дьявольскимъ гордініемъ не восхотѣша царю Василю поклонитися.. восхотѣша пріяти королевича на Московское государство царствовать». Замѣчательно, что въ другихъ спискахъ это мѣсто о «боярахъ» вышучено, а читается только—«людіе же» и пр. (стр. 107, прим.).

еще живыя черты, свидѣтельствующія о положеніи Москвы подъ властью поляковъ (стр. 96, 97, 101, 114). Всѣ эти данныя, не лишены, конечно, извѣстнаго историческаго интереса.

При всемъ томъ, мы не можемъ признать распредѣленіе авторомъ изслѣдованія сказаній въ принятомъ имъ порядкѣ вполне правильнымъ. Положивъ въ основаніе хронологическую послѣдовательность (ср. с. 82), автору приходилось до сихъ поръ говорить больше объ отрицательныхъ достоинствахъ разсматриваемыхъ памятниковъ, не смотря на то, что составители ихъ, повидимому являлись ближайшими свидѣтелями смуты. Между тѣмъ, онъ самъ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе: „Сравнивая немногія строки „Плача“ о разрушеніи Москвы съ показаніями о немъ Новаго лѣтописца и Рукописи Филарета, въ которыхъ видны впечатлѣнія очевидцевъ, мы можемъ только удивляться *безцѣпности* и неопредѣленности разсказа „Плача“ (115). И далѣе: „Болѣе объективныя и содержательныя описанія смуты явились въ нашей письменности *позднѣе*, въ тѣхъ сказаніяхъ, которыя были составлены или приняли окончательную литературную форму въ царств. Михаила Ѳеодоровича“ (127). Тоже самое слѣдуетъ сказать и о первой главѣ автора, гдѣ ему пришлось имѣть дѣло съ „сборникомъ“, а не цѣльнымъ произведеніемъ. Намъ кажется, что авторъ поступилъ бы правильнѣе, начавъ свое изслѣдованіе съ болѣе полныхъ и обстоятельныхъ изложеній событій смутнаго времени, которыя, однако, принадлежали очевидцамъ ихъ и имѣютъ несомнѣнно историческій характеръ, а затѣмъ уже перешелъ бы къ произведеніямъ, касающимся отдѣльныхъ эпизодовъ и сочиненій публицическаго направленія.

III.

Третья и четвертая главы разсматриваемаго изслѣдованія составляютъ главный отдѣлъ всей книги, какъ по характеру входящихъ въ него произведеній, такъ и по ихъ объему. И самъ авторъ озаглавилъ его такъ: „Важнѣйшія произведенія о смутѣ времени ц. Михаила Ѳеодоровича“. Дѣйствительно, говоря объ этихъ произведеніяхъ, становится возможнымъ называть имена ихъ авторовъ, да и эти послѣдніе являются болѣе или менѣе видными дѣятелями въ эпоху смуты.

Прежде всего считаемъ необходимымъ замѣтить, что г. Платоновъ оказалъ весьма большую услугу исторической литературѣ, помѣстивъ въ своемъ изслѣдованіи (с. 128—168) подробное изложеніе „Временника“ дьяка Ивана Тимоеева, извѣстнаго всего въ одномъ спискѣ, принадлежащемъ библ. Флорищевой пустыни. Правда произведеніе Тимоеева отличается излишнею высокопарностью и многословіемъ, впрочемъ свойственными вообще означенному періоду литературы¹⁾, но это не лишаетъ его значительной оригинальности, заявляющей себя независимостью мнѣнія и новизною фактовъ — качества, которыя уже успѣлъ въ свое время оцѣнить въ авторѣ „Временника“ такой знатокъ историческихъ памятниковъ, какъ П. М. Строевъ²⁾. Притомъ нашъ авторъ свидѣтельствуетъ о неисправности даже единственнаго извѣстнаго ему списка (стр. 131). Какъ приказный дьякъ при ц. Борисѣ до отправленія своего на службу въ Новгородъ (въ нач. 1610 г.), гдѣ онъ оставался долгое время (по 1618 г.), а затѣмъ исполнявшій разныя порученія въ поволжскихъ городахъ, при очевидной своей любознательности и вниманіи къ современнымъ событіямъ, Тимоеевъ могъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ прослѣдить за важнѣйшими явленіями и ознакомиться со многими очевидцами и дѣятелями смуты³⁾. Повидимому авторъ „Временника“ прекрасно понималъ обязанность историка: „поносно бо есть писателю, говорить онъ, *нелзя въдуше*, сущая вещи описывать“. Не разъ онъ отказывается подробно говорить объ извѣстныхъ событіяхъ или потому, что не помнитъ ихъ, или потому, что мало о нихъ знаетъ (134). Онъ считаетъ недостойнымъ историка умалчивать о хорошихъ качествахъ Бориса Годунова при упоминаніи о дурныхъ, и опасается въ этомъ случаѣ даже подозрѣнія въ умышленной враждѣ къ нему (135)⁴⁾. По словамъ г. Платонова, Тимоеевъ не вынесъ

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: «Скопинъ—Шуйскій» (Чтенія въ Общ. Нест. гѣтоп., I, с. 159—160).

Въ другомъ мѣстѣ г. Платоновъ называетъ изложеніе Тимоеева утомительнымъ по своимъ *многосказаніямъ* (216).

²⁾ Хронологич. указ. матеріаловъ отеч. ист., литер., правовѣд. (Ж. М. Нар. Пр. 1834, ч. I, с. 175; Библ. Словарь, 269—271).

³⁾ Г. Платоновъ относитъ время составленія «Временника» къ 1616—1619 гг. или нѣсколько позже (стр. 163—166).

⁴⁾ О его извѣстной начитанности свидѣтельствуютъ намъ, какъ употребленіе книжныхъ пріемовъ (напр. сравненіе бѣды Западной Европы въ началѣ 30-лѣтней войны съ бѣдствіями

изъ смуты никакихъ партійныхъ привязанностей и лично враждебныхъ воспоминаній. Свой трудъ онъ писалъ по желанію м. Исидора, ставшагося чтобы не были забыты событія, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Тимоѣевъ не признавалъ за собою достоинствъ, необходимыхъ для писателя. Понятно, что авторъ, по духу своего времени, остается вѣрнѣе общему взгляду на событія — религіозному и видитъ причину смуты въ нравственномъ состояніи общества, о которомъ онъ судитъ какъ суровый моралистъ: „все его повѣствованіе полно обличеніями: это не спокойный бытописатель, а человѣкъ, стремящійся показать читателю, кто былъ повиненъ въ бѣдствіяхъ смуты, кто вызывалъ и поддерживалъ междоусобія и кто палъ жертвою этихъ междоусобій... Въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ онъ даетъ намъ характеристики дѣятелей, останавливается на отдѣльныхъ событіяхъ, которыя почему либо считаетъ важными, и не только описываетъ и рассказываетъ, но и обсуждаетъ факты“ (134).

„Временникъ“ Тимоѣева въ пяти главахъ обнимаетъ время отъ Ивана Грознаго, о которомъ онъ еще помнилъ, до 1619 г. Въ событіяхъ ц. Грознаго и его личномъ характерѣ онъ видитъ корень будущей смутной эпохи¹⁾; но и въ его отношеніяхъ, и послѣдующихъ событіяхъ до Бориса Годунова онъ подмѣтилъ и постоянно противоборствующую силу — *бояръ*, которые всѣ были преодолѣны Борисомъ (138)²⁾. Мимоходомъ авторъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ, не встрѣчающихся въ другихъ источникахъ³⁾. Въ его

Трои, с. 166) и знакомство съ византійской исторіей (148—165), такъ и употребленіе иностранныхъ выраженій, (силентіары, 138 пр.; domestikъ, скимень и т. п. 168, пр.; Луппъ иже толкуется волеъ, 139, пр.); приводитъ онъ въ примѣръ древнія повѣсти (182, 154); дѣлаетъ выписки изъ св. писанія и богословскихъ книгъ (168).

¹⁾ Ср. показаніе Флетчера, гл. 9.

²⁾ Любопытно сравнить это показаніе съ современными иностранными извѣстіями (XVI присуд. награда гр. Уварова, с. 102). Соловьевъ въ началѣ цар. Феодора Ивановича замѣчаетъ: «Борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставится не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи: двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени; третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей» (VII, 247).

³⁾ Таково напр. его сообщеніе о печальной смерти сына И. Грознаго Дмитрія (Платоновъ, 138) при возвращеніи изъ Вѣлозер. мон. (1553): онъ былъ упущенъ сонной кормилицей въ воду, о чемъ не говорятъ другіе русскіе источники, хотя имя его рано сдѣлалось предметомъ борьбы придворныхъ партій (Никон. лѣт. VII, 203, ни даже Курбскій, 47); но рассказъ Тимоѣева вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ голландца Масси, сообщающаго о томъ же фактѣ

„Временникъ“ находимъ живыя подробности объ избраніи на престолъ Б. Годунова, напоминающія сообщенія нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (Буссовъ, Петрей), но которыя въ устахъ враговъ Бориса (Повѣсть 1606 г.) пріобрѣли еще менѣе привлекательныя черты. (стр. 145—146)¹⁾. Онъ указываетъ на свойство съ Борисомъ извѣстнаго Клешинина, близкаго къ нему человѣка (139, прим.)²⁾; сообщаетъ о введеніи Борисомъ, при провозглашеніи многолѣтія, поминанія всей его семьи³⁾; о сокрытіи избирательной грамоты въ рагѣ мощей св. м. Петра, которая никогда до того времени не открывалась (149). Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что по воцареніи Бориса, многіе, чтобы получить отъ него милости, *строили церкви въ честь государева ангела*, и входитъ въ общее разсужденіе по

въ нѣсколько иной формѣ: «Однажды вел. князь поѣхалъ по озеру для осмотра расположеннаго берегомъ его лагеря. Княгиня, имѣя при себѣ ребенка, слѣдовала за нимъ въ другой лодкѣ. Когда ихъ лодки поровнялись, вел. князь попросилъ у нея (передать ему) Дмитрія, чтобы съ нимъ поиграть. Во время передачи ребенокъ внезапно вывернулся изъ рукъ (родителей), упалъ въ воду между обѣими лодками, тотчасъ пошелъ ко дну, какъ камень, и его не могли даже найти. Такъ скончался ихъ первый сынъ» (Сказ. Массы стр. 13). Впрочемъ та же лѣтопись сообщаетъ о погребеніи его въ Арх. соборѣ, въ ногахъ вел. кн. Василія Ивановича.

¹⁾ Любопытно сопоставить эти данныя съ извѣстіемъ Мих. Шиле, представлен. императ. Рудольфу въ 1598, въ которомъ, по горячимъ слѣдамъ, записаны свѣдѣнія объ избраніи Бориса на престолъ и выставлены на видъ, съ одной стороны, вражда народа къ боярству, а съ другой —облегченія, сдѣланныя Борисомъ для крестьянъ и ограничивавшія власть владѣльцевъ (Сборникъ Вихмана и Чт. Моск. общ. ист. 1875, кн. II).

²⁾ Прибавимъ къ этому, что на стѣнѣ церкви Ирины муч. въ Пафн. Боровскомъ мон., построенной, какъ говорятъ, царицею Мариною Феодоровною, П. М. Строевъ нашелъ слѣд. надпись: «Лѣта 1599 апр. въ 6 день преставися рабъ Божій вел. госуд. царя и вел. кн. Феодора Ивановича всея Россіи дятка, окольничій *Лутъ зовомый*, Андрей Петр. Клешининъ, во иноцѣхъ Левкей схимникъ» (Строевъ, Варсукова, стр. 40; ср. у Карамзина, т. X, пр. 247), но выводъ сдѣланный послѣднимъ (CX, 83), не подтверждается обычаями вѣка (см. ст. Н. Я. Аристовъ: «Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ», Древ. и Нов. Рос. 1878, тт. II и III). О Клешиникѣ см. еще у Платонова (с. 267, 285—286).

На близость Клешинина къ Борису, какъ его единомышленника, указываютъ современные свидѣтели (см. XXI-е присуд. награды гр. Уварова, с. 102); но любопытно, что эта близость и извѣстный антагонизмъ между Г. В. Годуновымъ и Борисомъ послужили темою для воспроизведенія ихъ отношенія при избраніи на престолъ послѣдняго въ особомъ сочиненіи, въ которомъ оба противника произносятъ рѣчи за и противъ Бориса, въ духѣ классическихъ писателей. Сочиненіе это было неоднократно напечатано (Сѣв. Архивъ 1825, ч. XVIII, № 21; Сынъ Отеч. 1834, ч. CLXIV; 1847, III; Чт. М. Общ. ист. 1858, кн. II, перев. съ латинск., подъ именемъ секрет. посольства Л. Сапѣги Голята-Гримвскаго, т. е. Ил. Шьльгржимовскаго), хотя также неоднократно признавалось подложнымъ (Журн. Мин. Нар. Пр. IV, 138—139; зам. Н. Сушкова, Рус. Вѣстн. 1858, № 21; Вибл. Зап. I, 735—736; Журн. М. Н. Пр. 1878, № 5, ст. Е. Когубскаго, стр. 4).

³⁾ Впрочемъ отзывъ о присягѣ Борису требуетъ нѣкотораго ограниченія (Соловьевъ, VIII, 12), такъ какъ подобныя клятвы употреблялись и потомъ (1626, 1653 гг., см. Древ. Рос. Вивл. т. VIII; сс. 76—82, 87—101).

этому поводу¹⁾; говорить о намѣреніи Бориса воздвигнуть въ Москвѣ великолѣпный храмъ, который долженъ былъ затмить собою славу Успенскаго собора — извѣстіе, подтверждаемое Авр. Палицынымъ и другими современниками²⁾; съ удивленіемъ упоминаетъ и не книжности Бориса Годунова³⁾. Не смотря однако на то, что общая характеристика Бориса (стр. 151. примѣч.) во Временникѣ Тимофеева, можно сказать, превосходить всѣ другія; но въ общемъ заключеніи о немъ онъ все таки не возвышается, надъ общимъ мнѣніемъ о его царствованіи, сложившимся въ смутное время и причиною всѣхъ бѣдствій Бориса считаетъ тотъ же общій порокъ, какой указываютъ въ немъ и др. писатели этой эпохи — *властолюбіе*⁴⁾ (151); а Д. Самозванецъ въ глазахъ его является карою, посланною свыше (153). И хотя авторъ съ сочувствіемъ говоритъ о бѣдствіяхъ семьи Годунова, но какъ бы въ въ подкрѣпленіе той же главной мысли распространяется, правда болѣе въ намекахъ, о тѣхъ униженіяхъ, которыя испытала въ теченіе многихъ лѣтъ дочь Бориса—Ксенія (стр. 153, примѣч.).

1) «Во имя бо купно державныхъ ангеловъ храмы здаху мнози съ довольствы, яко вѣчны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тѣмъ сотворяюще... И по исходѣ славолюбныхъ отсюду храмы они опустеваеми и небрегоми, иконы же презираеми... ими же прежде почитаеми, сими и оставляеми» (147)—любопытная черта времени.

2) Въ рукоп. спискѣ своего «Сказанія» (148) Палицынъ говоритъ, что Борисъ думалъ въ настоящемъ случаѣ подражать Юстиніану, Массе — Соломону. Последній же сообщаетъ о вылитыхъ для предположеннаго храма ювелиромъ Як. Ганомъ изъ чистаго золота изображеніяхъ 12 апостоловъ, Иисуса Христа и арх. Гавріила. Геркманъ прибавляетъ о модели новаго храма, сдѣланной, по приказанію Бориса и по образцу храма іерусалимскаго, на основаніи данныхъ св. писанія и соч. Іосифа Флавія (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 83, 270—271).

3) «И чудо! яко первый таковъ царь не книгочій намъ бысть»... «И чудо! первый бо той въ Россіи деспотъ безкниженъ бысть» (150 примѣч.). Массе, вообще неблагопріятный къ Борису, замѣчаетъ о немъ такъ: «Онъ имѣлъ огромную память и, хотя не умѣлъ *ни читать, ни писать*, тѣмъ не менѣе все зналъ лучше тѣхъ, которые умѣли писать... и если бы все шло по его желанію, то онъ совершилъ бы много великихъ дѣлъ» (Сказанія Массы и Геркмана, изд. Арх. ком., стр. 137). Припомнимъ, что претендентъ на москов. престолъ кн. В. В. Голицынъ заявлялъ о себѣ такъ: «Самъ я только немножко читаю, писать не умѣю» (Соловьевъ, т. X, дополн., с. III). Однако до насъ дошли грамоты съ подписью руки боярина В. Ѳ. Годунова (С. Отец. 1850: Свѣд. о почеркѣ руки В. Ѳ. Г-ва, П. Иванова, с. 1—8, со снимк. и Историч. рус. альбомъ, М. Погодина, М. 1853, № 87). А. Палицынъ выражается мягче (с. 2).

4) Такъ, онъ допускаетъ всѣ, существовавшія подозрѣнія о его тайныхъ убійствахъ обыкновенно отвергаемыхъ (стр. 139—ц. Теодора, 143—Юанна Датскаго и Густава Шведскаго, см. Соловьевъ, VII, 432—433); въ невѣрномъ видѣ представляетъ походъ Бориса подъ Серпуховъ (142 и примѣч.). За то любопытенъ отзывъ его о значеніи могущественныхъ дьяковъ брат. Щелкаловыхъ и отношеніи къ нимъ Бориса Годунова (150, примѣч.).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Тимофеевымъ о Д. Самозванцѣ, мало отличаются отъ общеизвѣстныхъ ¹⁾. Но къ цар. Василия Шуйскаго онъ относится крайне враждебно, не смотря на то, что Шуйскій дѣйствовалъ во имя тѣхъ же интересовъ, которые такъ дороги были самому автору Временника. Онъ сѣтуетъ какъ на то, что Василий Шуйскій воцарился безъ совѣта всей Земли ²⁾, такъ и на то, что главнымъ дѣятелемъ въ его провозглашеніи оказался тотъ самый Михаилъ Татищевъ, который такъ презрительно относился къ Шуйскому прежде, при Борисѣ Годуновѣ („даже и до *рукобіенія* всеродно той досаждая... онаго Василия всеродно безчестя“). Роль Татищева въ сверженіи Самозванца извѣстна; но здѣсь авторъ Временника прибавляетъ одну новую черту къ его характеристикѣ ³⁾. Шуйскаго онъ считаетъ виновникомъ дальнѣйшей смуты, и характеристика его, представленная Тимофеевымъ, преисполнена самыхъ рѣзкихъ, отрицательныхъ чертъ (156, примѣч.). Повидимому Шуйскій и Татищевъ не могли ужиться вмѣстѣ и послѣдній былъ отправленъ воеводою въ Новгородъ. Въ свое время мы указали на самыя противорѣчивыя мнѣнія о дѣятельности его въ Новгородѣ ⁴⁾ и, пользуясь лѣтописными свидѣтельствами и описью имущества Татищева съ разными отмѣтками, пришли къ заключенію, что Татищевъ позволялъ себѣ произвольныя дѣйствія въ Новгородѣ и тѣмъ вызвалъ неудовольствіе противъ себя, а съ другой стороны, опасаясь самъ дурныхъ послѣдствій, убѣдилъ и Скопина оставить городъ. Г. Платоновъ

¹⁾ По словамъ Тимофеева, русскіе люди, недовольные правленіемъ Бориса и считавшіе Гришку за настоящаго царевича, передались ему еще въ то время, когда онъ былъ въ Польшѣ. Борисъ же, слыша о Самозванцѣ, «съ высоты престола царствія ниввержесе», не потому, чтобы боялся силы Лжедмитрія, но влѣдствие укоровъ собственной совѣсти (153).

²⁾ «Безъ Божія, мно, его избранія же и благоволенія сѣдша, ниже по общаго всея Русіи градовъ людскаго совѣта себѣ составивша; но самоизвольнѣ и единѣмъ нѣкоимъ присоединившимся ему сложеніемъ въ мысль, волкохитиѣмъ лжеислентіаромъ» и т. д. (155, прим.). Далѣе, онъ говоритъ о послѣдствіи, съ какою сдѣлано было провозглашеніе царя «первое въ своемъ дворѣ», безъ участія патріарха.

Псковскій лѣт. говоритъ: «И сѣде царствовать кн. В. Шуйскій *безъ избранія земскаго*, того ради многимъ бысть не возлюбленъ» (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 321). О происканъ его сторонниковъ (Изборникъ Попова, 294).

³⁾ Впрочемъ они сблизились уже по поводу оппозиціи и заговора противъ Д. Самозванца (Маржеретъ 305; дневн. Марины 168; Hist. Russ. Monum. II, 118).

⁴⁾ Князь М. В. Скопинъ Шуйскій (Др. и Нов. Рос. 1875, т. II; Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣтоп. I, 1879, стр. 118—119).

замѣчаетъ, что эти догадки наши вполне подтверждаются теперь показаніями Тимоѣева (160, примѣч.). Послѣдній называетъ даже Татищева прямо „мздоимнымъ“ и подробно рассказываетъ о бѣгствѣ какъ его, такъ и о вліяніи его въ этомъ смыслѣ на Скопина. Тимоѣевъ сообщаетъ и о родѣ смерти Татищева: онъ былъ утопленъ новгородцами (156).

Къ Скопину, напротивъ, авторъ „Временника“ относится весьма сочувственно; онъ говоритъ о его умѣ, талантахъ, приводитъ похвальные отзывы о немъ поляковъ, вполне подтверждающіеся извѣстіями Жолкевскаго и др. иностранцевъ¹⁾. Тимоѣевъ подтверждаетъ и надежды русскихъ на Скопина, какъ избраннаго помазанника Божія (160; ср. наше изслѣд. стр. 133—140)²⁾. Онъ вполне опредѣленно говоритъ, что Скопинъ былъ „смертнымъ узвѣнъ ядомъ“ и „сказуютъ нѣщцы, прибавляетъ авторъ, *носяй отъ нещъ стрый его виновенъ бѣ*“ (160)—новое подтвержденіе вывода, сдѣланнаго нами, на основаніи свода всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, но при этомъ отличающееся, однако, болѣе опредѣленнымъ характеромъ. Въ свое время мы высказали мнѣніе, что вина въ этомъ дѣлѣ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, скорѣе падаетъ на кн. Д. И. Шуйскаго, нежели на его брата—царя Василія³⁾. Впрочемъ г. Платоновъ не входитъ въ критику этихъ извѣстій.

Дѣятельность Гермогена, по представленію автора Временника, не нашла себѣ поддержки, а онъ самъ подъ вліяніемъ бояръ и

¹⁾ См. въ нашемъ изслѣд. о Скопинѣ Ш-мъ. Тимоѣевъ прибавляетъ, что поляки о немъ выражались: «аще возможно бы, яко да имъ всѣми таковой юноша крадствуетъ достоинъ» (160, прим.).

²⁾ «И восхотѣша начальники пакы собѣ царя отъ иноверныхъ, народи же и ратнии не восхотѣша сему быти, но съ презреченнаго мѣсто храбраго князя Мих. Скопина Богъ воздвиже втораго Михаила, нечаемаго, его же и самъ избра» и т. д. (II. собр. рус. лѣт., т. V, 63). Еще при Федорѣ Ивановичѣ русскіе перебѣжчики говорили въ Польшѣ, что Московское государство легко подчинить, вслѣдствіе вражды между боярами (Соловьевъ, VII, 265). О раннихъ симпатіяхъ нѣкоторыхъ бояръ въ пользу польскаго короля (Флорент. архивъ Макушева, с. 11; XXI присуд. наградъ гр. Уварова, рец. на книгу г. Трачевскаго, Г. Θ. Штендмана, 102). Объ экспенсахъ Владислава боярамъ за преданность ему (Археогр. Сборн. т. IV, с. XIII; ср. Лѣтоп. зан. Арх. ком., IV, проток., с. 7).

³⁾ Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій, стр. 146—173.

Прибавимъ еще одного свидѣтеля. Пьеръ де-Лавиль, состоявшій начальникомъ франц. полка подъ предводительствомъ Ян. Делагарди и слѣдовательно бывшій въ Москвѣ, упоминаетъ, что подозрѣвали стараго ц. Василія въ томъ, «что онъ своего побѣдоноснаго брата (sic!) и спасителя, по недоброжелательству и зависти, велѣлъ отравить» (Аделунгъ, II, 135).

двухъ главныхъ сторонниковъ Сигизмунда поддался на избраніе въ цари Владислава (161). Вообще, Тимоѣевъ рисуетъ непривлекательную картину состоянія общественной нравственности, главными чертами котораго являются отсутствіе „мужественной крѣпости“, единства, крайняя подозрительность, взаимное недоувѣріе, страсть къ доносамъ—такимъ были нравственные недуги тогдашняго общества, которые давали право лѣтописцу высказать свое заключеніе, что „не чуждые земли нашей разорители, но мы сами есмы той потребители“ (162).

Говоря о времени Михаила Ѳеодоровича, Тимоѣевъ то называетъ его „триличнымъ царствіемъ“, то выражается, что мать цари „второпрестольствуетъ своему сыну, о всемъ купно повелѣвая съ нимъ“; онъ сравниваетъ ее съ импер. Ѳеодорою (165¹⁾).

Возвращаясь еще разъ къ своему источнику, г. Платоновъ признаетъ за Временникомъ Тимоѣева и ранне появленіе (166), и самостоятельность происхожденія, и оригинальность изложенія—качества, дѣлающія его произведеніе достойнымъ отдѣльной монографіи (167). Онъ отводитъ ему мѣсто рядомъ съ соч. Авраамія Палицына, съ которымъ сближаютъ его и нѣкоторыя общія воззрѣнія (167—168)²⁾.

Гораздо счастливѣе, въ смыслѣ распространенія въ обществѣ его труда, былъ авторъ „Сказанія объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря“—Авраамій Палицынъ, современникъ Тимоѣева. Г. Платоновъ выражается о немъ такъ: „Списковъ сказанія Палицына *нѣтъ возможности пересчитать*; въ одномъ Погодинскомъ древнехранилищѣ И. Публ. библ. ихъ девять“ (168, примѣч.). Вообще, можно сказать нѣтъ библиотекъ, описанія которыхъ намъ извѣстны, гдѣ бы не было не только одного, но даже нѣсколькихъ списковъ этого сказанія³⁾. И такою распространенностью оно пользовалось уже

¹⁾ Вліяніе царицы-матери выразилось въ брачныхъ дѣлахъ Михаила Ѳеодоровича; но изъ отчета Исаака Массы, представленнаго Генер. штатамъ, видно, что при допросѣ царемъ посла Кондырева (1616 г.), вѣдвшаго въ Голландію и Францію, «царица мать была скрыта въ той же комнатѣ» (Исаакъ Масса по изд. кн. Оболенскаго и Ванъ-деръ-Линда, т. II, примѣч., сс. 10—11).

²⁾ Отрицать еще одну характеристическую черту. Тимоѣевъ сообщаетъ, что въ смутное время «отъ нечестивыхъ упразднились великогосударственные вся святодѣйствія каеолическія церкви: крестные ходы, водоосвященія, омовеніе ногъ, омовеніе мощей, пещное дѣйство» и др. (160, прим.).

³⁾ Обзоръ хронографовъ, II, гл. 3-я и Изборникъ с. 213—283.

въ XVII вѣкѣ, причѣмъ переписывалось то цѣликомъ, то по частямъ, входя или въ этотъ видъ въ компилятивные хронографы, или въ видъ отдѣльнаго сказанія (напр. объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича), конечно безъ имени самого автора, что иногда вводило въ недоразумѣніе позднѣйшихъ издателей (168 и 174). Обстоятельныя указанія о заимствованіяхъ изъ Сказанія Палицына, вошедшихъ въ другіе историческіе памятники, сдѣланы были въ свое время Ан. Н. Поповымъ ¹⁾, а также вновь авторомъ разсматриваемаго труда ²⁾. Затѣмъ тоже Сказаніе было дважды напечатано: въ 1784 г. и 1822 г. (М. Син. т.). Въ 40-хъ годахъ „Сказаніе“ Палицына было предметомъ объемистыхъ изслѣдованій и оживленнаго литературнаго спора на страницахъ „Москвитянина“, веденнаго съ одной стороны Д. П. Голохвастовымъ ³⁾, а съ другой—А. В. Горскимъ ⁴⁾. Первый изъ нихъ видѣлъ въ Сказаніи Палицына *духовно-историческую эпопею*, написанную для прославленія чудеснаго избавленія лавры и вообще Россіи, почему авторъ ея не дорожилъ историческою точностью, притомъ онъ стремился угодить новой династіи и въ частности Филарету Горскій, напротивъ, полагалъ, что авторъ „Сказанія“ имѣлъ намѣреніе передать чистую истину и не думалъ украшать свое повѣствованіе эпическими вымыслами. Другіе изслѣдователи признавали относительное значеніе за свидѣтельствами А. Палицына ⁵⁾, или, не допуская безусловнаго довѣрія къ нему, все таки признавали цѣнность многихъ его сказаній, тѣмъ болѣе, что

¹⁾ »Оба печатныхъ изданія Сказанія представляютъ собою текстъ довольно неисправный... Послѣсловія или такъ наз. авторской исповѣди вовсе не напечатано. Не только текстъ, но даже заглавія встрѣчаются въ печати искаженными... »Кромѣ двухъ печатныхъ изданій, Сказаніе Палицына существуетъ во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ и вслѣдствіе имѣетъ несходства, по мѣстамъ значительныя» (Кедровъ, Рус. Арх. 1886, II, 443—444 и далѣе обзоръ списковъ).

²⁾ См. стр. по указателю. Точно также въ описаніи рукописей И. А. Вахрамѣева, сост. А. А. Титовымъ (М. 1888), 7 хронографовъ излагаютъ событія смутнаго времени по Палицыну или заимствуютъ выдержки изъ него (стр. 96—100). Таковъ же хроногр. Нижегород. печерск. мон. (см. Дѣйствія Нижегород. учен. арх. ком., в. 1—3, Н. Новг. 1888, с. 70).

³⁾ Москвитянинъ 1842, № 6, стр. 267—324 и № 7, стр. 125—206; Замячанинъ объ осадѣ Троицкой лавры (1608—1610); Отвѣтъ на рецензію и критику замѣчаній объ осадѣ Тр. лавры (1844, № 6, 275—369; № 7, стр. 65—166).

⁴⁾ Ibid. Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой лавры (1842, № 12, 405—444).

⁵⁾ Соловьевъ (VIII, стр. 230—237 и др.; IX, 465—474); Вестужевъ Рюминъ (Рус. ист. I, с. 53; ср. Обзоръ, с. 260).

для провѣрки его показаній нѣтъ достаточно данных¹⁾, или, наконецъ, склонялись къ мнѣнію Голохвастова²⁾. Уже въ послѣднее время въ защиту Палицына опять выступилъ С. И. Кедровъ³⁾, который отводитъ первенствующую роль въ дѣлѣ освобожденія государства Троицкому монастырю, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что онъ достигъ этой цѣли благодаря дѣятельности и талантамъ своего келаря—А. Палицына; но и авторъ этого обширнаго изслѣдованія признаетъ, что соч. Палицына, кромѣ того, оказывается оправдательнымъ со стороны послѣдняго документомъ, написаннымъ имъ въ защиту своей дѣятельности отъ наветовъ современниковъ.

Начинаясь краткимъ повѣствованіемъ о времени царя Ѳедора, Годунова, Д. Самозванца, ц. В. Шуйскаго, сочин. Палицына доходитъ до 1618 г. (походъ на Москву кор. Владислава); но въ сущности, по мнѣнію изслѣдователей, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ повѣствованій (3—5), написанныхъ въ разное время (1615—1618 гг.) и уже потомъ соединенныхъ авторомъ въ одно цѣлое (1620 г.), т. е. представляетъ собою *сборникъ* (181), въ которомъ отдѣльныя части не приведены къ строгому единству⁴⁾. Кромѣ того, въ начальной своей части (I—VI главы) сказаніе Палицына имѣетъ еще другую⁵⁾, первоначальную редакцію (Платоновъ, с. 147, примѣч. и сс. 178—179, примѣч.), нѣсколько отличающуюся отъ печатной⁶⁾.

Нашъ авторъ не входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого важнаго памятника, принимая главные выводы о немъ своихъ предшественниковъ, между тѣмъ столь противоположныя мнѣнія о „Сказаніи“ Палицына требовали бы, кажется, болѣе тщательнаго

¹⁾ Костомаровъ (Личности смутнаго врем. Вѣст. Евр. 1871, № 6; Кто виноватъ въ смутномъ времени? *ibid.* 1872, № 9; Историч. моногр. XIII, 399—443).

²⁾ Мининъ и Пожарскій, И. Е. Забѣлина (Рус. Арх. 1872 и отд. М. 1883).

³⁾ Авр. Палицынъ Чт. М. О. ист. 1880, IV, и отд.; Авр. Палицынъ какъ писатель (Рус. Арх. 1886, т. II).

⁴⁾ Главную часть «Сказанія» Палицына составляетъ повѣсть объ осадѣ Троицкой лавры и есть списокъ «Сказанія», въ которомъ изложена только одна исторія этой послѣдней (Платоновъ, 175, примѣч.).

⁵⁾ Рукон. Моск. дух. акад.

⁶⁾ Отрывки изъ нея напеч. Кедровымъ по рук. Моск. дух. ак. (Русск. Арх. 1886, гл. II, с. 445—455). Замѣчательно, что эти передѣлки и исправленія сдѣланы въ первыхъ шести главахъ и имѣютъ значеніе для характеристики Бориса Годунова, Д. Самозванца, Шуйскаго, а также касаются печальныхъ сторонъ современныхъ нравовъ—роскоши высшихъ, свѣтскаго и духов. классовъ, отношеній къ крестьянамъ и холопамъ и т. п.

пересмотра вопроса о составѣ и характерѣ его записокъ. Тѣмъ болѣе это было бы необходимымъ, что „Сказаніе“ Палицына, какъ оказывается, легло въ основаніе многочисленныхъ повѣствованій о смутномъ времени въ различныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Опредѣлить такое значеніе памятника значить вмѣстѣ съ тѣмъ дать путеводную нить къ выясненію способа составленія, содержанія и общаго характера записокъ о смутной эпохѣ ¹⁾. Съ другой стороны, сближая изложеніе начала „Сказанія“ Палицына съ изложеніемъ Повѣсти 1606 г. (избраніе Бориса Годунова), также писанной троицкимъ монахомъ и находя въ нихъ полное тожество, г. Платоновъ полагаетъ, что Повѣсть 1606 г. могъ составить тотъ же Палицынъ: вотъ почему Палицынъ, „ни откуда ничего не заимствовавшій, свободно заимствовалъ изъ этой Повѣсти“ (с. 180) ²⁾. Принятіе этого вывода еще болѣе даетъ намъ право сказать, что Сказаніе Палицына, которое въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ можетъ быть отнесено даже къ болѣе раннему періоду и, кромѣ того, оказало такое громадное вліяніе на литературу сказаній о смутномъ времени, должно было бы лечь въ основаніе разработки вопроса о сказаніяхъ смутнаго времени вообще. Допуская же извѣстное соотношеніе между „Повѣстью“ и „Сказаніемъ“, при болѣе близкомъ изученіи, быть можетъ легче было бы выяснитъ и нѣкоторую близость къ „Сказанію“ Палицына изложеніе отдѣльныхъ мѣстъ въ соч. Тимофеева (стр. 151 и 158).

Но если принять во вниманіе строго проведенный отъ начала до конца хвалебный тонъ „Повѣсти“ 1606 г. относительно ц. В. И. Шуйскаго и, напротивъ, рѣзкое отношеніе къ нему въ первоначальной редакціи „Сказанія“ Палицына, то едвали можно придти къ выводу, сдѣланному авторомъ. Во всякомъ случаѣ Авр. Палицынъ окажется здѣсь въ большемъ противорѣчій съ самимъ собою ³⁾.

¹⁾ О замѣтѣ въ историческихъ источникахъ того времени однихъ извѣстій другими, притомъ предпочтительно изъ Сказанія Палицына см. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ (стр. 156).

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ въ авторѣ Повѣсти 1606 г. изслѣдователь указываетъ сторонника партій Шуйскихъ (210), что не вполне согласуется съ его же данными о Палицынѣ (179).

³⁾ См. означенныя мѣста въ статьѣ С. И. Кедрова (Р. Арх., *ibid.* 451—454). Вотъ болѣе рѣзкія изъ нихъ: «И якоже звѣрь гонимый ханя ободу *не отдалъ что*, такжеже и царю Василію случися *многюжды* убивающу повинныхъ съ ними же не согрѣшихъ смертному суду предаваше». «Тому же подобно (т. е. Ивану Грозному) и царю Борису и Василію случися *отщепеніе отъ Бога*...», «Такжеже и Василій пострада: мыслаше бо одолѣти враговъ»

IV.

Въ IV-й главѣ авторъ обозрѣваетъ цѣлый рядъ повѣствованій, относящихся къ смутной эпохѣ и близкихъ по времени къ разсмотрѣннымъ нами выше, которыя онъ вообще характеризуетъ какъ „цѣнные памятники“. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ трудъ кн. И. А. Хворостинина („Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи“) — трудъ, извѣстный уже П. М. Строеву и И. П. Сахарову, которымъ и принадлежалъ прежде, какъ полагаютъ авторъ, единственный, притомъ неполный списокъ его, дошедшій до насъ¹⁾. Предварительно разсмотрѣнію его, авторъ предпослалъ обстоятельный біографическій очеркъ писателя, замѣчательнаго по своимъ рѣзкимъ перемѣнамъ въ мнѣніяхъ и превратностямъ судьбы, вполне соответствующимъ обстоятельствамъ смутной эпохи (стр. 183—190).

Близкій по своимъ отношеніямъ къ Дмитрію Самозванцу, начитанный въ иностранныхъ книгахъ, дважды заточенный, за свои свободныя мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ, въ монастырь (при В. Шуйскомъ — въ Іосифовъ Волоколамскій, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій), рѣзко критиковавшій московскіе порядки вообще („все люди глупые, жить не съ кѣмъ“ и т. п.²⁾, Хворостининъ окончилъ жизнь монахомъ въ Троицко-Серг. лаврѣ³⁾.

По этимъ чертамъ можно было бы судить, что послѣдній сообщитъ въ означенномъ сочиненіи нѣкоторыя любопытныя черты о своемъ времени и отношеніяхъ; но этого въ дѣйствительности не случилось

и безчисленно повинныхъ и неповинныхъ граба животь и наипаче же св. монастыри и церкви Божіи». Но любопытнѣе всего то, что, при замѣнѣ этихъ сильныхъ выходовъ противъ власти, >гнѣвъ Божій» и обличенія перенесены уже на счетъ общества, приписывать которому подобныя мнѣнія и вины повидимому было менѣе опасно для автора.

1) Рукопись Импер. Публ. библ. (183). Въ рукоп. Имп. П. библ. находится обстоятельное изслѣд. о Хворостининѣ Н. Коншина (183), автора вѣсколькихъ другихъ изслѣдованій по русской исторіи, заслуживающихъ быть изданными: «Нѣчто о ц. Борисѣ Годуновѣ», «Еретикъ XVI в.», «Слѣдственное дѣло объ уб. ц-ча Дмитрія», «М. И. Хлопова, царица-невѣста», «Вояринъ М. В. Шенинъ» (Отчетъ за 1876 годъ, с. 171—172).

2) Подробный приговоръ см. въ Собр. госуд. грам., т. III, № 90 стр. 331—332. Поправка хронол. даты у г. Платонова (188, прим.).

3) Будучи самъ еретикомъ, онъ, по указанію Строева, писалъ потомъ трактатъ противъ протестантовъ (Вибл. Словарь, 289).

И вотъ почему: „Хворостининъ, говоритъ г. Платоновъ, больше всего имѣлъ въ виду оправдать свое собственное поведеніе въ смуту, избавиться отъ обвиненій, надъ нимъ тяготѣвшихъ, и заявить о своемъ правовѣрїи и патріотизмѣ...“ Поэтому „полагаться на его кажущуюся объективность историкѣ невозможно и при оцѣнкѣ его показаній всегда необходимо обращать вниманіе на житейскія отношенія автора“ (191—192). Въ оцѣнкѣ царств. Бориса Годунова у него обнаруживается таже двойственность, какъ и у другихъ писателей этой эпохи. Не смотря на свою близость къ Д. Самозванцу¹⁾, онъ не падитъ выражений противъ него теперь и даже старается изобразить себя въ роли обличителя, но близкія отношенія автора къ Самозванцу, о которыхъ сообщаютъ и другіе источники, не ручаются за *искренность* его въ настоящемъ случаѣ (см. стр. 184, примѣч.; ср. оправдательную тираду 195—196, прим.). По нѣкоторымъ выраженіямъ Хворостинина, можно заключать, какъ произошло убїеніе семейства Годунова²⁾. И онъ подтверждаетъ отзывы современниковъ объ умѣ Д. Самозванца³⁾; о высокомъ мнѣніи его на счетъ своей власти („и самодержавіе выше человѣческихъ обычаевъ устроая“, 196⁴⁾). Съ другой стороны, авторъ неблагоклонно относится къ В. Шуйскому, который изъ властолюбія согласился дать извѣстную клятву на себя, и, напротивъ, восторженно отзывается о п. Гермогенѣ. Послѣдній является у него даже постояннымъ доброжелателемъ и защитникомъ царя, постриженіе котораго онъ не хотѣлъ одобрить⁵⁾. Мало этого: авторъ старается оправдать Гермогена отъ тѣхъ нареканій, которыя приходилось ему слышать потомъ на счетъ

1) Хворостининъ свидѣтельствуетъ, что «всѣ русскіе люди увѣровали въ Самозванца и поклонились передъ нимъ» (194).

2) Когда посланные отъ Д. Самозванца размышляли какъ погубить Федора и его мать, то, по словамъ Хворостинина, «*единъ злосостыникъ золь прїиде, якоже самъ сказа мнѣ сіе, и совѣща посланнымъ советъ золь да послють тамо воины, имуща ужа, и подавать ихъ, да не будетъ крамола въ людѣхъ*» (194, примѣч.).

3) «Остротою смысла и ученіемъ книжнымъ себе давно искусивъ» (195).

4) Современникъ - полякъ, по поводу смерти Д. Самозванца, замѣчаетъ: «Видно такъ угодно было Богу, не хотѣвшему долѣе терпѣть гордости и надменности этого Димитрія, который не признавалъ себя равнымъ ни одного государя въ мірѣ и почти равнялъ себя Богу» (Дневникъ Борши, прилож., Рус. вст. Библи., изд. Арх. ком., I, 424).

5) При всемъ томъ его отзывъ о Гермогенѣ подтверждаетъ намъ другія указанія на суровый характеръ патріарха (184, примѣч.; ср. Обзоръ хронографовъ Иванова, с. 75, по рук. Царскаго).

дѣятельности патріарха; а въ своемъ вступленіи онъ уже доказы-
ваетъ, что благочестіемъ Русская земля превзошла всѣ другія
страны.... Такимъ образомъ, судя по этимъ приемамъ, вѣрнѣе
думать, что появленіе его труда совпадаетъ съ временемъ покаянія
автора, хотя ему и воспрещено было писать въ монастырѣ и даже
держатъ у себя книги, кромѣ церковныхъ (см. 202—203), но из-
вѣстно, что подобныя требованія не всегда исполнялись даже въ
болѣе суровыя времена.

При разсмотрѣніи Хронографа, извѣстнаго прежде подъ име-
немъ хрон. Сергѣя Кубасова, г. Платоновъ разрѣшаетъ предвари-
тельно вопросъ о его происхожденіи. Уже П. М. Строевъ, а за нимъ
и Я. И. Бередниковъ сомнѣвались въ принадлежности третьей части
этого Хронографа, заключающей въ себѣ „Повѣсть“ (статьи объ Иванѣ
Грозномъ и о смутѣ) и „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ московскихъ,“—
Кубасову и приписывали ихъ то кн. И. А. Хворостинину, то кн. С. И.
Шаховскому; но А. Н. Поповъ (Обз. хронографовъ, т. II) и Повѣсть,
и Хронографъ считалъ принадлежащими бояр. сыну С. Кубасову.
В. О. Ключевскій впервые указалъ на дѣйствительнаго автора „По-
вѣсти“—кн. И. М. Катырева-Ростовскаго¹⁾, мнѣніе подтвер-
жденное Л. Н. Майковымъ и обставленное біографическими и бібліогра-
фическими данными авторомъ разсматриваемаго нами изслѣдованія
(стр. 203—222). Поповъ считалъ списки хроногр. Кубасова боль-
шею рѣдкостью; г. Платоновъ, напротивъ, называетъ рядъ списковъ
его въ разныхъ бібліотекахъ, притомъ представляющихъ большія от-
личія въ текстахъ²⁾. Пользуясь многими списками, послѣднему удалось
подкрѣпить высказанныя мнѣнія объ авторѣ „Повѣсти“; но вмѣстѣ съ
тѣмъ онъ склоняется къ тому, что Кубасовъ все таки былъ авто-
ромъ компилятивнаго хронографа³⁾, въ который онъ включилъ и „По-
вѣсть“ Катырева безъ всякихъ измѣненій (208).

1) Воарская дума, изд. 2-е, стр. 360.

2) Сюда же относится рукопись Ак. Наукъ, извѣстная Строеву и Бередникову подъ име-
немъ «Едомскаго лѣтописца» (204, прим.) и принадлежащая къ позднѣйшему изводу Повѣсти
Катырева (207).

3) Сынъ боярскій въ Тобольскѣ, С. Кубасовъ въ 1654—1657 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ Ѳ. И.
Байковымъ въ Китай (208). Въ полномъ видѣ Повѣсть Катырева напеч. въ Изборникѣ По-
пова (283—315); отрывки изъ нея въ Рус. Достопамят. (I, 170—175: Написаніе вкратцѣ и т. д.)
и изд. гр. Растопчина (Четыре сказанія о Лжедимитріѣ, 25—52).

Принадлежа къ людямъ родовитымъ и состоя зятѣмъ (по первой женѣ) Ѳед. Ник. Романова, онъ подписался на избирательной грамотѣ Бориса, затѣмъ служилъ при дворѣ Годунова и Д. Самозванца, но въ критическій моментъ для власти онъ измѣнилъ ц. Василю Шуйскому, за что и былъ сосланъ въ Тобольскъ, на воеводство, (1608) и оставался здѣсь до 1612 г. Какъ положеніе, такъ и письменныя сношенія Катывева давали ему возможность знать о происходящихъ тогда событіяхъ. При новой династіи онъ отправлялъ разныя порученія по военной и придворной службѣ и состоялъ первымъ воеводой въ Новгородѣ (1632—35). По изложенію, авторъ характеризуетъ соч. Катывева, какъ выходящее изъ ряда другихъ, ему современныхъ; оно отличается оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ слономъ, почему нѣкоторые видѣли въ немъ даже не историческое произведеніе, а „поэму“; но авторъ настаиваетъ на чувствѣ мѣры, свойственномъ лѣтописцу, какъ въ формѣ рѣчи, такъ и въ отзывахъ его о лицахъ и событіяхъ. Онъ отмѣчаетъ въ Повѣсти Катывева богатство содержанія. „Она, говоритъ г. Платоновъ, впервые даетъ *цѣльное описаніе* всей эпохи (отъ времени І. Грознаго до избр. Михаила Ѳедоровича). Съ одинаковымъ вниманіемъ авторъ ея останавливается на времени Бориса и похожденіяхъ Самозванца, на междуособіяхъ при Шуйскомъ и на обстоятельствахъ борьбы съ поляками...; онъ замѣчательно объективенъ въ сравненіи съ другими современными ему писателями о смутѣ“ (217).

Но такой, безъ сомнѣнія лестный отзывъ, о трудѣ Катывева не проведенъ однако авторомъ изслѣдованія до конца. Напротивъ, онъ отмѣчаетъ тѣ мѣста, въ которыхъ бытописатель измѣняетъ своему обычному безпристрастію; а эти мѣста касаются даже общихъ характеристикъ Б. Годунова, Д. Самозванца и ц. Василя. Отзывъ его о первомъ также двойся, какъ и въ произведеніяхъ большинства писателей смутной эпохи; на втораго онъ исключительно смотритъ какъ на разорителя православной вѣры¹⁾; Шуйскому онъ не сочувствуетъ по тѣмъ же мотивамъ, какъ и предше-

¹⁾ Подобно Хворостинину, онъ замѣчаетъ только, что по поводу побѣды Д. Самозванца «радостимъ бысть вси людѣе, мнѣху его суца царевича Дмитрія быти», хотя въ Москвѣ были и такіе, которые «навѣстно вѣдаше, что джа естъ и начатокъ джи и кровопролитія» (219). У Катывева есть подробности о жизни Отрепьева въ Россіи (219).

ствовавшие бытописатели. Иногда онъ впадаетъ даже въ тонъ обличителя. Съ другой стороны, у Катырева нѣтъ обычныхъ панегириковъ ни Скопину-Шуйскому, ни Гермогену, ни предводителямъ земскихъ ополченій и т. п. (220¹). Подобную сдержанность г. Платоновъ готовъ объяснить его близостью и родствомъ съ ц. Михаиломъ и п. Филаретомъ. „Если въ „Повѣсти 1606 г.“ мы имѣли дѣло со взглядами партіи Шуйскихъ, то въ „Повѣсти“ Катырева можемъ искать взглядовъ той стороны боярства, которая шла за Романовыми“ (с. 210, 211, 220²). Авторъ ея былъ знакомъ съ нѣкоторыми историческими произведеніями (лѣтописями, разрядными записями, быть можетъ Повѣстью 1606 г. и соч. Тимоеева, стр. 220—221, 218), отчасти пользовался собственными свѣдѣніями и отношеніями, но ни у кого онъ не заимствовалъ прямо, а самостоятельно переработывалъ каждое свое показаніе (222³). Если однако „Повѣсть“ Катырева отличается большею сжатостію и систематичностью, то едвали, по представленію изслѣдователя, она обладаетъ большимъ выборомъ фактовъ сравнительно съ трудами Палицына и Тимоеева, а его длинныя отступленія въ видѣ „ужоровъ и поносовъ“, занимающія цѣлыя страницы⁴), едва ли больше прибавляютъ, чѣмъ „нравоученія“ перваго и „утомительныя иносказанія“ послѣдняго (стр. 216).

Повѣсть Катырева въ XVII в. была очень распространена: она вносила въ другія сочиненія и хронографы, передѣлывалась и даже вставлялась по частямъ въ официальные акты; но наиболѣе выдающійся примѣръ передѣлки ея представляется въ такъ наз. „Рукописи Филарета“. Послѣдняя была извѣстна еще Карамзину, но онъ пользовался ею въ неисправной копіи. Вполнѣ точно воспроизвелъ ее П. А. Мухановъ (М. 1837 и Сборникъ, Спб. 1866). Она дошла до

1) Катыревъ не всегда справляется съ противорѣчивыми фактами (напр. о кн. В. В. Голицынѣ, с. 220).

2) Симпатіи эти выразились въ особенности во время дѣйствія войска противъ 2-го Самозванца въ 1608 г. (211), послѣ чего Катыревъ поплатился дальнею ссылкой въ Сибирь.

3) Не смотря на свои очевидныя прѣимущества при собираніи свѣдѣній, Катыревъ пишетъ: «и послалъ (Борисъ) тайбниковъ своихъ Микиту Качалова да Михайла Витяговскаго на Угличъ къ ц-чу Дмитрію и заповѣда имъ да обоевать и предадутъ ц-ча смерти» (Изборникъ, 285), а между тѣмъ извѣстно, что съ этою цѣлью никто тогда нарочно ad hoc не ѣздилъ въ Угличъ. Означенныя лица уже прежде были тамъ (Н. М. Павловъ, Рус. Арх., 1886, II, 600). Какъ иногда соединяли эти обстоятельства сами повѣствователи см. у Платонова (256, 263).

4) Изборникъ, сс. 293, 307 и т. п.

насъ въ единственномъ экземплярѣ—столбцѣ XVII в., притомъ неполномъ и представляющемъ черновой списокъ „разказа о смутномъ времени, тѣмъ болѣе интересный, что онъ знакомитъ насъ съ самымъ способомъ, какимъ создавалась эта новая повѣсть о смутѣ“. Карамзинъ приписалъ происхожденіе ея п. Филарету, слѣдуя свидѣтельству еще XVIII стол. (въ заглавіи рукописи), котораго считали тогда даже поправщикомъ этого труда. Мухановъ видитъ въ одномъ изъ нѣсколькихъ почерковъ, которыми писана повѣсть, руку Филарета. А. А. Кондратьевъ въ своемъ изслѣдованіи о ней (О такъ назыв. рукописи п. Филарета ¹⁾), отвергалъ участіе въ ней п. Филарета, однако признаетъ, что рукопись эта есть *официальная лѣтопись*, составл. въ патриаршество Филарета, въ основѣ которой лежитъ хроногр. С. Кубасова, и, кромѣ того, какъ источники, употреблены были въ дѣло Нов. лѣтописецъ и официальные извѣстія. Г. Платоновъ замѣняетъ, соответственно указаннымъ выше доводамъ, имя Кубасова—Катыревымъ и, въ свою очередь, поддерживаетъ мнѣніе, что къ составленію рукописи причастенъ былъ такъ или иначе патр. Филаретъ, чему подтвержденіемъ должно служить и то, что главнымъ источникомъ для нея былъ избранъ трудъ Катырева, — лица, близкаго къ Филарету (226—27). Г. Платоновъ съ своей стороны отмѣтилъ вставки лѣтописнаго характера, указывающія на то, что у составителей рукописи были богатые источники фактическихъ свѣдѣній о смутѣ, не встрѣчающіяся ни въ одномъ литературномъ памятникѣ, помимо Новаго лѣтописца, и преимущественно *официальные документы*. По времени же составленія „Рукопись“ можетъ быть отнесена къ 1626—1633 гг. (стр. 228—230). И Соловьевъ, какъ извѣстно, признавалъ Рукопись Филарета официальной лѣтописью смутнаго времени ²⁾. Какъ видоизмѣнились извѣстія о смутной эпохѣ, подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на событія прошлаго времени, видно изъ примѣра той же Рукописи, гдѣ несочувственные отзывы Катырева о Шуйскомъ замѣнены уже рядомъ официальныхъ похвалъ ему, а ц. Василій представленъ здѣсь законнымъ монархомъ, мужественно боровшимся съ измѣнниками, простой же рассказъ объ открытіи мощей ц. Димитрія замѣненъ подробнымъ и витѣватымъ описаніемъ (Платоновъ, 224—225) и т. п. Точно такъ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 9.

²⁾ Т. IX, 1-е изд., стр. 463.

же имѣвшіяся подъ руками составителей „Рукописи“ извѣстія о насильственной смерти Скопина-Шуйскаго были исключены затѣмъ изъ текста, какъ видно для предполагавшейся окончательной ея редакціи ¹⁾.

Но трудъ Катыврева, кромѣ того, послужилъ источникомъ для описанія смуты и другаго современнаго писателя—кн. С. И. Шаховскаго, хотя въ иномъ отношеніи.

Кн. С. И. Шаховской (по прозванію Хара), родственнѣй по происхожденію съ кн. Хворостининымъ (изъ кн. Ярославскихъ), подобно ему и кн. Катывреву-Ростовскому испыталъ всѣ превратности сѣдбы, свойственныя людямъ смутной эпохи, которыя и описалъ (1601—1649) отдѣльно въ автобіографіи ²⁾. То жалуемый, то подвергаемый опалѣ ц. Шуйскимъ, онъ измѣняетъ ему, служить въ Тушинѣ, переходитъ къ Сигизмунду и получаетъ онъ него помѣстья, а потомъ служить ц. Михаилу, также подвергается опалѣ, но затѣмъ участвуетъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава. Служба и опалы переносили его изъ одного конца Россіи въ другой. Вступленіе въ четвертый бракъ (1619) вызвало противъ него преслѣдованіе патріарха, а опала, постигшая его родственниковъ за дѣло политическаго характера, отразилась на его положеніи ссылкой въ Тобольскъ (1622—25 ³⁾). Впослѣдствіи онъ былъ воеводою въ Енисейскѣ (1628—31) и

¹⁾ См. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ (154—156).

²⁾ Она издана, подъ заглавіемъ: «Домашнія Записки кн. С. Шаховскаго» (Москов. Вѣст. 1830, ч. V, №№ 17—20, с. 61—70, по списку, принадл. П. П. Бекетову, а нынѣ И. Моск. общ. исторіи). Онѣ важны для характеристики служилаго человѣка того времени: «Въ 7123 г. послали насъ съ Пожарскимъ на Сѣверу противу Лисовскаго, и мы о томъ били челомъ, что *зазолочены съ службы да на службу*, и за то челобитье мимо всѣхъ нашей братьи меня сослали на Унжу; въ искорѣ пожаловалъ Государь—велѣлъ взять къ Москвѣ» (65). О службѣ его въ Родосл. княз. Шаховскихъ (Древ. Рос. Вивліюв, IX, 279—281); преписка его съ тоб. дьякомъ Т. Васильевымъ 1647—48 гг. (Времен. М. О. ист., кн. IX).

³⁾ Дѣло это весьма любопытно по своему характеру и могло имѣть значеніе при новомъ правительствѣ: «Великія вины» ихъ состояли въ томъ, что они, будучи на вечерѣ у Ильи Бочкена, «затѣйнымъ воровскимъ обычаемъ (кн. Аванасій, Андрей и Иванъ и самъ Ил. Бочкинъ) называли кн. Матвѣя царемъ, а кн. Матвѣй князя съ братією называлъ *бокрами*», въ чемъ они и повинились. Кн. Шаховскіе были приговорены къ смерти, но затѣмъ разосланы по тюрьмамъ въ нѣкоторые города, откуда отпущены по смерти п. Филарета, въ 1633 г. (у автора, 235—236; Рус. ист. Вибл. IX, стр. 550, 559).

Припомнимъ, какую роль играли кн. Шаховскіе въ смутную эпоху. Кн. С. И. Шаховской (родной племянникъ Г. П. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 г.) потерпѣлъ вмѣстѣ со своимъ роднемъ, хотя въ нач. XVII в. существовало уже сознаніе въ несправедливости подобныхъ опалъ. Въ условіи, поставленномъ ц. Вас. Шуйскому, говорилось, чтобы безъ суда ни на кого опалы своей не налагать и не преслѣдовать братьевъ, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (А. Арх. экспед. II, № 44).

только по смерти п. Филарета онала съ него была снята. Послѣ этого онъ принималъ участіе то въ военныхъ, то въ дипломатическихъ дѣлахъ; однако и подъ конецъ жизни не избѣгнулъ новыхъ опасъ, которыя привели его на службу въ отдаленныя воеводства и снова въ ссылку—въ Томскъ. Такимъ образомъ лишь послѣдніе годы своей жизни кн. Шаховской провелъ въ Москвѣ (біографич. очеркъ, с. 231—239).

По своему времени, кн. Шаховской былъ человекъ начитанный и много писавшій ¹⁾; но, „какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ; его излюбленныя темы—похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы ²⁾; въ своихъ посланіяхъ и частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непременно обрабатываетъ его въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія“... Такимъ же точно характеромъ отличаются и произведенія Шаховскаго о смутѣ (239—240)—это: 1) „Повѣсть на память велико-муч. благов. ц-ча Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси и о извѣ людствѣй“ и 2) „Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго ц-ча Димитрія“. Въ первой изъ нихъ описаны преступленія Бориса; во второй то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за свои преступленія (240).

Не смотря, однако, на близость къ событіямъ и людямъ эпохи, кн. Шаховской предпочелъ, при описаніи фактовъ, воспользоваться *готовымъ* рассказомъ, находящимся въ „Повѣсти“ Катирева, почти буквально слѣдуя его изложенію и изрѣдка лишь дополняя его рассказъ риторическими вставками; при этомъ онъ часто опускаетъ собственныя имена (240, 241, 245); а въ интересахъ обличенія впадаетъ и въ фактическія ошибки (241, 243), вопреки собственному источнику ³⁾. Сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно о кн. С. И. Ша-

¹⁾ Сводъ данныхъ о его литературной дѣятельности см. на стр. 231—32, прилѣч. Сборникъ его произведеній въ двухъ спискахъ, составленный самимъ авторомъ, находится въ библ. Моск. дух. акад.

²⁾ По порученію патр., Шаховской въ 1625 г. писалъ официальное посланіе персид. шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе (236).

³⁾ Относительно его разсказа о Гермогенѣ (243, прил.) см. у г. Левитскаго: Лжедимитрій I, Спб. 1886, стр. 168—173.

«Повѣсть о Димитріѣ» авторъ эксплуатировалъ въ защиту своего брака (Платоновъ, 241).

ховскомъ, оказывается, что и онъ, подобно Хворостинину, многое обошелъ молчаніемъ въ своей автобіографіи (232).

Обращаясь затѣмъ къ одному изъ важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи смутнаго времени „Новому лѣтописцу“¹⁾, г. Платоновъ видитъ въ немъ сводъ данныхъ, официально собранныхъ при патр. дворѣ для исторіи смуты, приблизительно около 1630 г.; текстъ памятника также указываетъ на близость автора къ Филарету, а религиозное міросозерцаніе обличаетъ въ немъ лицо духовное (250, 259, 269). Авторъ пользовался официальными данными (грамотами, дипломатическими сношеніями, разрядными записями, слѣдственнымъ дѣломъ объ убіеніи ц-ча Димитрія²⁾, но ему были извѣстны и лѣтописи, и сказанія о смутномъ времени (260—261, 267³⁾). Симпатіи автора клонятся, главнымъ образомъ, къ шп. Гермогену и Филарету и къ дѣятелямъ нижегородскаго движенія (259). Василій Шуйскій представляется уже ему какъ Богомъ вѣнчанный царь, много потерпѣвшій отъ мятежниковъ и крамольниковъ, хотя авторъ не скрываетъ его нравственныхъ недостатковъ и вражды къ Скопину-Шуйскому (256—257). Понятно, что къ Б. Годунову онъ не питаетъ никакого расположенія и довѣряетъ всѣмъ неблагопріятнымъ слухамъ, ходившимъ о немъ, не исключая народныхъ толковъ и догадокъ (255, 265—268⁴⁾). Не можемъ однако не замѣтить противорѣчія въ выводахъ ав-

¹⁾ Онъ былъ весьма распространенъ въ XVII в., и напечатанъ трижды въ XVIII в. (Никон. лѣт., т. VIII, Спб. 1792; Лѣтописи о многихъ мятежахъ, Спб. 1771 и М. 1788), а затѣмъ въ 1858 г. кн. М. А. Оболенскимъ (Врем. М. О. И., т. XVII). Вопреки мнѣнію издателя послѣдняго списка, считавшаго его первоначальной редакціей, г. Платоновъ признаетъ за таковую списокъ; напр. въ Никон. лѣт., затѣмъ ближайшую къ ней—въ Лѣт. о мятежахъ и позднѣйшую въ изд. кн. Оболенскаго (246—247, прим.).

²⁾ Впрочемъ онъ сообщаетъ и нѣк. подробности объ угличскомъ событіи, на основаніи ходившихъ тогда слуховъ, объ отношеніи къ нему Гр. Годунова и т. п. (267, примѣч.). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что описаній этого происшествія до 1606—607 г. и не существовало (ib.). Подробный рассказъ Нов. лѣт. (31—35; Никон. 15—20; Лѣт. о мят. 19—26) авторъ, вслѣдъ за Е. А. Вѣловымъ, считаетъ легендарнымъ и позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого составителя Лѣтописца (266).

³⁾ Между прочимъ онъ ссылается на особую «гисторію», въ которой изложены чудеса Сергія и Никона, совершенныя во время осады (Нов. лѣт., 95).

⁴⁾ Напомнимъ, что на слова бояръ польскимъ посланцъ 1608 г., будтобы черные люди вязали бояръ и передавались Д. Самозванцу, послы отвѣчали: «мужикамъ чернымъ за Бориса звышныя прежнихъ господаревъ добро было, и они ему приняли, а нынѣ многіе въ порубежныхъ и въ нымкѣ многихъ городатъ и волостяхъ и тебѣрь Бориса жалуютъ, а тяжело было за Бориса боярамъ и шляхтѣ, *тыя потому ему самому*, жене и дѣтямъ его принять не хотели» (Сборн. кн. Оболенскаго, № 10, с. 46; польскій текстъ въ Suppl. ad Russ. monum., № 163).

тора изслѣдованія, утверждающаго съ одной стороны, что Новый лѣт. не есть лѣтопись въ строгомъ смыслѣ; его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ разновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ разсказомъ, составленнымъ такъ сказать, за одинъ приемъ (сс. 251, 253, 259); а съ другой, что „Нов. лѣт. можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала“ (263—264, 268). Последнее, конечно, исключаетъ первое, но болѣе близко къ истинѣ и этимъ, вѣроятно, объясняются весьма существенныя противорѣчія относительно однихъ и тѣхъ же лицъ и событій (какъ о Борисѣ Годуновѣ, уб. ц-ча Димитрія и др., стр. 256, 262, 263), отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія, отмѣченныя авторомъ (263) и т. п. ¹⁾ Вообще, признавая въ Новомъ лѣт. „цѣнный памятникъ“ о смутной эпохѣ (247), авторъ не входитъ въ болѣе подробное изученіе его сравнительно съ другими произведеніями того времени (стр. 246—269) и не рѣшаетъ категорически вопроса о происхожденіи самаго памятника (269 ²⁾).

По вступленіи своемъ на престолъ Борисъ сдѣлалъ важную льготу въ пользу крестьянъ (Соловьевъ, *УШ*, 20). Любопытно также сообщеніе одного очевидца, что за каретою Бориса возили ащикъ (eine rote Laden), куда были опускаемы всѣ просьбы, которыя подавалъ царю народъ, преслѣдуя его при этомъ громкимъ крикомъ (Аделунгъ, *II*, 72). И лѣтописцы любятъ отгнать правительственную мудрость В. Годунова въ противоположность его гордости, низвергнутой съ высоты престола (Чт. М. О. ист. 1881, *II*, 11—12).

Не менѣе любопытно, что въ 1640—50 гг. Иванъ Насѣдка писалъ Симону келарю: «Да и нынѣ бы у васъ въ монастырѣ градущихъ ради лѣтъ такіа грамоты (т. е. разсказавшіяся въ смутное время) добрѣ бы нужны были, чтобы въ казѣ было на утвержденіе таковому православному и великому мѣсту. А мнитоя мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для предѣ, на *гордость еельможе* лукавыхъ, какъ надъ царствующиимъ градомъ учинилася *отъ нихъ* погибель, какъ царю Борису Федоровичу, какъ ц. Василію Іоанновичу, и что о сихъ глаголати!... Аще ради молитвъ всѣхъ святыхъ... и отдохнули господіе наши, и нынѣ все то забыли и что за четьредесять лѣтъ дѣялося, то де вчера дѣялося, нечего де того и памятовать» и пр. (Рус. Арх. 1886, *II*, 455—456)—свидѣтельство важное, какъ воспоминаніе, записанное долгое время спустя послѣ смуты.

¹⁾ Въ заключеніе главы авторъ коснулся такъ наз. Столѣрова хроногр. (принадл. Каравину, или Лобковскаго хроногр., сходнаго съ нимъ по указанію П. И. Мельникова), который есть собственно разрядная книга частнаго происхожденія (270—273). О Ельнинскомъ хроногр. (304—306).

²⁾ На стр. 259 г. Платоновъ обратилъ вниманіе на одну черту, отличающую близость автора къ патріарху, а именно сообщеніе, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иноверцевъ, «которые подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патріаршѣ дворѣ». (Никон. лѣт. *VIII*, 245; Лѣтоп. о матажахъ, 329). Подтвержденіе этого факта и нѣкоторые выводы относительно его авторъ могъ бы почерпнуть изъ подробнаго акта: «Распросныя рѣчи иноземцовъ и русскихихъ, возвратившихся изъ плѣна, присланныхъ изъ Разряда въ патріаршіи дворцовъ. приказъ для допросовъ, 1624 г.» (Рус. истор. Библ., изд. Арх. ком. *II*, 597—668).

V.

V-я глава книги г. Платонова посвящена менѣе важнымъ памятникамъ смутной эпохи или по ихъ болѣе позднему происхожденію (не ранѣе полов. XVII в.), или по второстепенному значенію самаго содержанія (274). Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ біографическій и эпизодическій интересъ. Таковы: 1) *Сказаніе о поставленіи на патриаршество Филарета Никитича*¹⁾, — произведеніе, носящее на себѣ характеръ оффиціального панегирика и объясняющее событія съ точки зрѣнія позднѣйшей²⁾, установившейся послѣ смутной эпохи; оно касается только нѣкоторыхъ фактовъ, необходимыхъ для освѣщенія главной темы. Какъ источниками, составитель пользуется оффиціальными актами и лѣтописью (275—277). 2) *Сказаніе о рожденіи кн. М. В. Скопина Шуйскаго*³⁾ — оно представляетъ соединеніе историческихъ фактовъ съ народною былинною, причемъ въ изложеніи первыхъ авторъ иногда буквально слѣдуетъ Авраамію Палицыну (278). 3) *Исторія о первомъ патр. москов. Іовѣ*⁴⁾; благосклонная къ послѣднему, съ упрекомъ относится въ нему лишь за его потворство Борису Годунову. Авторъ этого произведенія находился главнымъ образомъ подъ влияніемъ сказанія Палицына и пользовался оффиціальными актами, а частью лѣтописью (Нов. лѣтоп.) и ж. архим. Діонисія. По мнѣнію г. Платонова, авторомъ этой исторіи могъ быть кто либо изъ братіи Троицкаго мон. (279—283). 4) *Житія и-ча Димитрія*, извѣстныя въ трехъ редакціяхъ, при чемъ третья изъ нихъ приобрѣла широкое распространеніе въ многочисленныхъ спискахъ. Впрочемъ авторъ ея слѣдовалъ извѣстнымъ уже источникамъ о смутной эпохѣ и, говоря о винахъ Бориса, впадаетъ иногда въ

Въ виду же большаго значенія, придаваемого авторомъ Нов. лѣтописцу, замѣтимъ, что въ с. Пыскорѣ Солиж. у. Перм. губ., въ библ. купца Шенина (нынѣ у А. Д. Дмитриева) находился сборникъ съ Новымъ лѣтоп., который отличается отъ печатныхъ списковъ и изданіе котораго предположено Казанскимъ общ. исторіи и археологіи (Историч. Вѣст., т. XVIII, 485—486).

1) Изд. въ Допол. къ акт. истор., II, № 76, по сп. Москов. синод. библ.

2) Авторъ записки изрекаетъ полное осужденіе Борису Годунову; упоминаетъ объ убіеніи имъ и-ча Димитрія и гоненіи противъ Романовыхъ; Филаретъ получаетъ санъ митрополита Ростовскаго отъ ц. Василія Шуйскаго, а не отъ Димитрія Самозванца; да и самъ Шуйскій отказывается отъ престола по собственной волѣ, во избѣжаніе кровопролитія... (276).

3) Изборникъ Попова, 379—388.

4) Рукон. Саввина монастыря и Рум. муз.

очевидныя хронологическія несообразности (стр. 286). 5) *Повѣсть о убіеніи ц-ча Димитрія* ¹⁾—пригѣръ передѣлки данныхъ „Слѣдственнаго дѣла“ соотвѣтственно инымъ воззрѣніямъ, т. е. направленнымъ не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса ²⁾. 6) *Житіе Ростовскаго затворника Ирнарха* ³⁾. 7) *Житіе Θεодосія, архіеп. астраханскаго* — имѣеть интересъ по отношенію послѣдняго къ Д. Самозванцу ⁴⁾. 8) *Житіе преп. Діонисія, архим. Троицко-Сергіева монастыря*, троицкаго келаря Симона Азарыина, дополн. ключаремъ московскаго Успенскаго собора Иваномъ Насѣдкою ⁵⁾, и 9) *Книга о чудесахъ (новоявленныхъ) преподоб. Сергія* ⁶⁾ — представляютъ не всегда богатый, но весьма цѣнный, по современному характеру сказаній и бытовымъ чертамъ, матеріаль для исторіи смуты за время съ ц. Василя Шуйскаго до конца ея, а также данныя для характеристики дѣятелей эпохи, значенія Троицкаго монастыря и нѣкоторыхъ мѣстныхъ явленій (300—304 ⁷⁾. 10) *Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царств. градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрѣпьевѣ и о походе его* ⁸⁾—богато легендарными чертами о немъ ⁹⁾, а съ другой стороны написано подѣ сильнымъ вліаніемъ грамотъ Шуйскаго, къ которому авторъ питаетъ большое уваженіе (309—310).

Наконецъ, г. Платоновъ касается произведеній о смутной эпохѣ,

¹⁾ Издана А. Θ. Вычковымъ, по рук. И. П. библ. (Чт. М. О. И. 1864, IV, 1—4).

См. выше о времени появленія сказаній о Димитріѣ. О множествѣ ихъ списковъ (Барсуковъ, *Источники агиографіи*, 153—156). Любопытна краткая записка «Иконописнаго подлинника» о событіи 1591 г. (ib. 153).

²⁾ Авторъ изслѣдованія оспариваетъ мнѣніе издателя «Повѣсти» о болѣе раннемъ ея происхожденіи и важности (289—292).

³⁾ Отрывки его въ Библ. разск. Ундольскаго (Москвит. 1846, №№ 11—12, 187—193) и Древн. святыхъ Ростова Великаго, М. В. Толстого (Чт. М. О. И., годъ II, кн. III, 63—67); вполнѣ изд., съ подновл. слога, арх. Амфилохіемъ, М. 1863; содерж. его у И. Е. Забѣлина: *Безвѣстный герой смут. времени* (Древ. и Нов. Рос. 1875; Мининъ и Пожарскій, 1883, 271—284).

⁴⁾ Рук. И. Публ. библ.; Барсуковъ, *Источ. агиогр.*, 602.

⁵⁾ Изд. М. 1824.—*Віогр. свѣдѣнія о нихъ см. у автора* (297—298).

⁶⁾ Единственный списокъ б. Моск. Дух. акад. въ полномъ видѣ напеч. *Общ. люб. древ. письм.* (Спб. 1888). Соч. того же С. Азарыина.

⁷⁾ Между прочимъ замѣчательно, какъ иногда, пользуется тѣми же фактами, что и Палицынъ, авторъ даетъ другое освѣщеніе имъ (о дѣятельности архим. Діонисія вопреки хвастливымъ показаніямъ А. Палицына, с. 303, примѣч.).

⁸⁾ Напеч. въ *Чтен. М. Общ. ист.* 1846—47, кн. IX.

⁹⁾ Многія изъ нихъ отброшены въ сокращен. редакціи (Платоновъ 307, примѣч.). Уже Карамзинъ признавалъ его баснословнымъ. Къ тому же мнѣнію склоняется и Костомаровъ. При одномъ изъ списковъ простран. сказанія западно-рус. письма помѣщены выписки изъ сказанія Палицына (ibid. 313—314).

имѣющихъ компилятивный характеръ или преслѣдующихъ публицистическія цѣли (какъ повѣсть въ „Погодинскомъ хроногр.“¹⁾; „Повѣсть о разор. Московскаго государства и всея Рос. земли“²⁾, написанная въ 1654 г. и имѣющая цѣлью оправдать войну съ Польшею, какъ достойное воздаяніе за бѣдствія причиненныя поляками въ смутное время³⁾; „Книга объ избраніи на престолѣ ц. Михаила Ѳеодоровича“, состав. въ Посольскомъ приказѣ въ 1672—73 гг. и потому имѣющая вполне оффиціальныи характеръ⁴⁾; какъ „Латухинская степенная книга“, припис. монаху Тихону (1678),⁵⁾ составленная изъ разнообразныхъ источниковъ; „Хроногр. кн. Оболенскаго“, обильный легендарными статьями о смутной эпохѣ (314—328⁶⁾, хотя также не лишенный нѣкоторыхъ особенностей⁷⁾; какъ цѣлый рядъ другихъ сказаній о смутѣ, внесенныхъ въ многочисленные хронографы, лѣтописцы (между прочимъ Морозовскій) и сборники (332—337). Основными источниками этихъ повѣствованій б. ч. служили: Авраамій Палицынъ, Новый лѣт., Повѣсть 1606 г., хронографы разныхъ редакцій, акты смутной эпохи и т. п. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ (Новгородскихъ, Псковскихъ, Нижегородской,

¹⁾ Изборникъ Попова, 413—429; Четыре сказ. о Лжедим., 5—20.

²⁾ Издана А. Н. Поповымъ по двумъ спис. Моск. дух. акад. (Чт. М. О. И. 1881, II, с. 1—51), который приписываетъ ее тому же С. Азарьину, но авторъ «древнихъ сказаній» оспариваетъ такое мнѣніе (с. 319).

³⁾ При всей своей компилятивности, эти произведенія передаютъ, однако, иногда любопытныя свѣдѣнія, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ (315, 318). Такъ, послѣднее сообщаетъ, что вступленіе Бориса на царство, «мнозиѣ яко роженъ въ сердца бысть» и что «дворъ Бориса не можаше вмѣстятъ въ себѣ царскіе савонники на много лѣтъ» (о судьбѣ его ср. «Домъ Бориса Годунова—тѣрѣма для несправныхъ должниковъ», кн. В. Г. Долгорукаго, Вѣсти. Моск. политехнич. вист. 1872, № 121).

⁴⁾ Издана Ком. печат. госуд. грам. и договоровъ (М. 1856).

⁵⁾ Единственный извѣстный списокъ—въ рукоп. Н. М. Карамзина, наход. въ И. Публ. библ. (с. 320). Рядомъ съ извѣстіями этого памятника, взятыми изъ рассмотрѣнныхъ нами выше произведеній смутной эпохи, заслуживаютъ вниманія *оригинальныя* данныя о Годуновыхъ, замѣтно благосклонныя къ Борису и всему его роду (320—324).

⁶⁾ Важный хронографъ особаго состава (Арх. ист. юрид. свѣд. Калачова, кн. 1, съ портр. Василія Ивановича, Ѳеодора Ивановича и Михаила Ѳеодоровича, а въ рукоп. и кор. Сигизмунда Авг.) сообщ. И. Е. Забѣлинымъ. Оконч. выписокъ въ изслѣд. Забѣлина «Мининъ и Пожарскій», М. 1883, 310—312).

⁷⁾ Въ одномъ изъ повѣствованій объ убіеніи ц-ча Дмитрія разсказывается уже, будто бы убійцы ц-ча *сознались*, что дѣйствовали по приказу В. Годунова и будто бы земля не приняла ихъ труповъ, причѣмъ переносятся сюда нѣкоторыя черты изъ Повѣсти 1606 г. о поруганіи трупа Дмитрія Самозванца (329—330); въ томъ же сказаніи сообщаются: пространная легенда объ отравленіи ц. Ѳеодора Ивановича Борисомъ Годуновымъ (331); баснословные разсказы о гибели Д. Самозванца и т. п. (331—332). Со словъ русскихъ, сообщеніе «о повелѣніи» Бориса перешло и въ иностранныя извѣстія (Аделунгъ, II, 135), а нѣкоторыя изъ нихъ не могли себѣ представить убійцъ иначе, какъ замаскированными (хрон. Пясецкаго, Рус. Арх. 1886, II, 286).

Угличской, Двинской и сказаніяхъ: объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 г.; Пов. о явленіи чудотв. иконы пресв. Богородицы иже нариц. Курская¹⁾; Сказ. о нашествіи поляковъ на Устюжну-Желъзопольскую, Сказ. о разор. Пафнутаева мон. и т. п.) также находится не мало болѣе или менѣе важныхъ; или по крайней мѣрѣ любопытныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ эпизодахъ смутнаго времени (328—332, 337—342).

Въ заключеніе авторъ разсматриваемаго труда даетъ общую характеристику произведеній, имѣющихъ предметомъ своего изложенія событія смутной эпохи. Такъ, количество этихъ послѣднихъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокой степени вниманія къ событіямъ смуты со стороны московскаго общества XVII вѣка; онъ отмѣчаетъ свыше 30 произведеній, отличающихся полною литературною самостоятельностью, не говоря о многочисленныхъ компилятивныхъ описаніяхъ. Такимъ образомъ, едвали другая какая либо эпоха древней русской исторіи вызвала въ свое время подобное количество историческихъ и литературныхъ повѣствованій. Но такое обиліе произведеній не служатъ еще мѣриломъ ихъ *исторической цѣнности*. Публицистическія цѣли и задачи болѣе раннихъ изъ нихъ, какъ обличеніе грѣховъ и благочестивая мораль, отвлекали писателей отъ спокойнаго и систематическаго изображенія событій эпохи. Этими недостатками страдаютъ и ближайшіе, слѣдовавшіе за ними писатели, какъ Тимошеевъ и Авр. Палицынъ, при томъ значительномъ количествѣ фактовъ и матеріаловъ, какіе сообщаютъ они въ своихъ трудахъ. Авторъ склоненъ въ сочиненіи Палицына все таки видѣть панегириста дорогой ему святыни и апологію своей собственной дѣятельности, служеніе извѣстнымъ партійнымъ интересамъ. Г. Платоновъ выражается даже, что *ни одно* изъ раннихъ произведеній, посвященныхъ смутной эпохѣ, не можетъ быть названо трудомъ историческимъ или лѣтописнымъ (343—345). Признавая у послѣдующихъ писателей (Хворостинина, Катырева-Ростовскаго,

¹⁾ Списокъ ея, описанный въ Москвитинѣ за 1843, ч. V, № 9, стр. 138—139, принадлежалъ И. П. Сахарову, а не Погодину, какъ полагаетъ авторъ (стр. 341, прил. 5). Въ этомъ можно убѣдиться изъ другихъ замѣтокъ о памятникѣхъ, упоминаемыхъ тамъ же (напр. объ изд. записокъ Медвѣдева) и изъ указателя къ Москвит. (стр. 9), гдѣ всѣ эти замѣтки помѣчены именемъ И. П. Сахарова. Автора ввело въ недоразумѣніе, очевидно, выраженіе «въ моей бібліотекѣ» и отсутствіе подписи, почему онъ отнесъ и замѣтки на счетъ издателя «Москвитянина» — Погодина.

Новаго лѣтописца, въ Рукописи Филарета и др. под.) стремленіе дать собственно фактическое описаніе, авторъ дѣлаетъ тутъ-же оговорку, что объективность изложенія въ этихъ памятникахъ не всегда можетъ быть, однако, ручательствомъ *точности* и *искренности* ихъ показаній (345). „Въ Рукописи Филарета“ можно видѣть любопытные образцы того, какъ простая запись о событіи безжалостно передѣлывалась въ напыщенное риторическое описаніе; точно также простой рассказъ ранняго сказанія объ осадѣ Тихвинскаго мон. былъ передѣланъ затѣмъ въ болѣе витіеватый, но менѣе фактический (346). „Условная правильность внѣшней литературной формы, говорить далѣе авторъ, была писателямъ дороже *исторической точности*... Искусственность формы позволяла писателю съ большимъ удобствомъ *скрывать* фактъ за фразой... Рядомъ съ литературнымъ элементомъ вошелъ въ сказанія о смутѣ и элементъ *апографическій* и даже преданіе о подвигѣ Минина записано было Азарьинымъ въ ряду многихъ чудесъ преп. Сергія...¹⁾ Наконецъ въ произведеніяхъ болѣе позднихъ смута становится предметомъ поэтического творчества.. Составитель сказанія о Скопинѣ-Шуйскомъ цѣликомъ записалъ народную былинку о смерти Скопина и продолжаетъ свое повѣствованіе не менѣе поэтическимъ, но болѣе книжнымъ рассказомъ о погребеніи героя... Повѣсть Катирева, составленная исключительно въ книжномъ стилѣ, уже давно и не даромъ была названа поэмой“ (346—348²⁾). Иногда легендарный элементъ вкрадывался въ произведенія въ видѣ отдѣльныхъ недостовѣрныхъ показаній, которыя затѣмъ получали дальнѣйшее литературное развитіе. Такъ, авторъ приводитъ примѣры подобныхъ видоизмѣненій въ сказаніяхъ о Борисѣ Годуновѣ, ц. чѣ Дмитріѣ и т. п. (348³⁾). Такимъ образомъ, въ „большинствѣ сказаній о смутѣ исследователь имѣетъ предъ собою не безхитростныя записи о фактахъ, не простодушныя впечатлѣнія очевидцевъ, а рассказы, отразившіе на себѣ или *условныя литературныя вкусы вѣка*, или *апографическую точку зрѣнія*, или *поэтическое творчество*, личное и народное“ (349).

1) Сочин. его было вызвано сомнѣніями современниковъ, вѣнявшими многіе рассказы «въ случай, а не въ чуда» (300).

2) Подобными приемами отличается иногда и изложеніе Авр. Палицына (см. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ, с. 160).

3) При этомъ уже не соблюдались самыя обыкновенныя требованія хронологической послѣдовательности (стр. 286), обличающія автора въ тенденціозности.

Разсматривая событія смуты исключительно съ религіозной точки зрѣнія, повѣствователи объясняютъ происхожденіе ея или Божьимъ возмездіемъ за преступленія Бориса Годунова или общимъ паденіемъ нравовъ (350). Въ другихъ случаяхъ подобную участь испытываетъ и Василій Шуйскій, который, какъ и Борисъ, оказывается иногда въ роли еретика и нарушителя древнихъ уставовъ; героями же являются лишь тѣ дѣятели, которые руководили въ борьбѣ за вѣру и народность; но и здѣсь „искусственность общихъ похвалъ постоянно даетъ себя чувствовать. Только изрѣдка, какъ бы невольно, проговаривается тотъ или другой писатель и сообщаетъ иногда какой нибудь живой фактъ или мнѣніе изслѣдователю. Подобное отношеніе къ событіямъ исторіи даетъ право въ тогдашней письменности видѣть отсутствіе сознанія всей цѣнности *искренняго* лѣтописанія“ (352—353).

Такимъ образомъ, историческая достовѣрность разсмотрѣннаго нами выше матеріала, по мнѣнію автора изслѣдованія, представляется во многихъ отношеніяхъ сомнительною, а потому и требующею внимательной, критической оцѣнки. Въ свою очередь, данныя, собранныя авторомъ и заключающіяся въ самыхъ произведеніяхъ, вызываютъ нѣкоторыя дополненія и замѣчанія.

Прежде всего бросается въ глаза то неотразимое вліяніе, какое оказалъ на большую часть разсмотрѣнныхъ нами сказаній трудъ Авр. Палицына: его сказаніе нерѣдко сопровождаетъ другія повѣствованія о смутѣ, вносится въ нихъ по частямъ, извлекается въ отдѣльныхъ отрывкахъ, вліяетъ на замѣну однихъ мѣстъ другими, сообщаетъ опредѣленный тонъ и колоритъ цѣлымъ сочиненіямъ (см. у автора стр. 103, 137, 158, 168, 244, 278, 281, 282, 295, 310, 312, 313—314, 317, 319, 320, 322, 323, 326, 328, 333—335, 336—338, 342). Такимъ значеніемъ въ глазахъ современниковъ сказ. Палицына объясняется и замѣчательное обиліе его списковъ¹⁾; нѣкоторыя главы его переписывались отдѣльно отъ прочихъ частей сочиненія, какъ самостоятельное произведеніе, даже безъ имени автора (174); наконецъ оно появляется вмѣстѣ съ статьями на малороссійскомъ языкѣ въ южнорусскихъ сборникахъ²⁾. Но сочиненіе Палицына—источникъ

¹⁾ «Списковъ «Сказанія» Палицына нѣтъ возможности пересчитать» (168, пр. 2). «Долгое время Сказаніе Палицына было единственною книгою, гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной эпохи и бѣдствія русскихъ людей» (244).

²⁾ Временникъ Моск. Общ. ист., кн. V, стр. 61, прим.

не беспристрастный. Еще Голохвастовъ (въ 1842 г.), замѣтилъ что Сказаніе Палицына „естъ духовно-историческая эпопея, главная цѣль которой—прославленіе чудеснаго избавленія лавры и вообще Россіи предстательствомъ святыхъ Сергія и Никона“. И дѣйствительно эта часть его (58—223, съ особымъ предисловіемъ) повѣствованія занимаетъ много страницъ въ цѣломъ Сказаніи (по 2-му изд. 324 стр.). Въѣтъ съ тѣмъ Палицынъ не былъ чуждъ намѣренія—вписать въ немъ панегирикъ самому себѣ.

И авторъ нашего изслѣдованія, какъ видно, склоняется въ пользу этого мнѣнія, не смотря на нѣкоторыя прежнія и недавнія возраженія по настоящему вопросу (стр. 169 и 345). Самыя взгляды и трудъ Палицына подвергались измѣненіямъ и передѣлкамъ¹⁾, въ особенности если допустить мнѣніе г. Платонова о томъествѣ авторовъ „Повѣсти“ 1606 г. и „Сказанія объ осадѣ Троицкаго монастыря“. Измѣненія эти отчасти вызывались литературными соображеніями, но есть указанія и на другія побужденія автора, зависѣвшія отъ измѣненія обстоятельствъ (178—179; ср. 137, 147—148). У Палицына видна также склонность скрыть ясность факта за витиеватою фразою, и замѣчательно, что эти обороты нравятся уже официальнымъ повѣствователямъ и они охотно замѣняютъ подобными тирадами болѣе прозрачное сообщеніе другого источника²⁾. Авторъ изслѣдованія о сказаніяхъ смутной эпохи отвѣтилъ это стремленіе пользоваться „фразою“, чтобы избѣжать огкровеннаго признанія (196, 216 и др.).

И другія „сказанія“ съ теченіемъ времени могли подвергаться то сокращеніямъ, то передѣлкамъ (Платоновъ, 34, 81, 103, 107—108, 109—110, 123, 222, 259 и др.³⁾; но нагляднымъ образомъ подобнаго обращенія съ чужими произведеніями и способа литературной обработки, сообразно съ установившимися воззрѣніями

¹⁾ Впрочемъ, объ этихъ измѣненіяхъ см. зам. А. Ѳ. Вычкова по поводу своднаго текста сказ. Авр. Палицына, составленнаго Кедровымъ и представленнаго въ свое время на разсмотрѣніе Арх. ком. (Лѣт. зан. Арх. ком., в. VIII, проток., 65—66), а именно, что въ немъ не представлено ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, чтобы первыя шесть главъ дѣйствительно были измѣнены самимъ Палицынымъ противъ первоначальнаго текста его исторіи. Такимъ образомъ вопросъ этотъ требуетъ вообще тщательнаго изслѣдованія.

²⁾ См. наше изслѣд. «Скопинъ-Шуйскій», стр. 156.

³⁾ Нѣкоторыя изъ повѣствованій признавались удобными для официальныхъ актовъ и заносились въ нихъ (222).

на событія смуты, можетъ служить такъ наз. „Рукопись Филарета“, сохранившая до насъ слѣды этой работы¹⁾. Быть можетъ близво къ истинѣ предположеніе автора разсматриваемаго изслѣдованія, что показанія Нагихъ о порчѣ царевича и заявленіе Дмитрія Самозванца въ одной изъ его грамотъ²⁾, что „измѣнники послали многихъ воровъ и велѣли портить насъ и убити“ послужили зерномъ легенды о ядѣ, о которомъ упоминають уже нѣкоторыя сказанія временъ смуты (21—22, 265, 285), а затѣмъ раннія намѣренія объ убійствѣ развились въ преступленіе, совершенное по предварительному совѣщанію и даже повелѣнію (329—330³⁾). Точно также, не смотря на многочисленныя и болѣе авторитетныя показанія современниковъ о естественной смерти Бориса, слагается противоположное мнѣніе о его самоотравленіи (31), которое и обращается потомъ въ укоръ ему. Въ изложеніи фактовъ приходится иногда считаться съ положеніемъ лица соотвѣтственно официальному признанію, хотя существовали рядомъ и другія несомнѣнныя данныя (196, 227, 275, 331, 335). Преслѣдуя же преимущественно моральныя цѣли, составители сказаній не всегда заботились уже о хронологической послѣдовательности представляемыхъ ими фактовъ (286, 342⁴⁾. Съ точки зрѣнія современнаго моралиста въ число *еретиковъ* рисковалъ попасть не только Д. Самозванецъ или Борисъ Годуновъ, но даже и Василій Шуйскій (252⁵⁾. Современный бытописатель склоненъ былъ отыскивать причины смуты въ отдѣльныхъ, частныхъ фактахъ, подводя ихъ подъ свою общую точку зрѣнія⁶⁾; но позднѣйшій историкъ находитъ ихъ въ болѣе глубокихъ явленіяхъ и условіяхъ политической

1) См. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ, стр. 155. Соловьевъ замѣчаетъ: «Эта лѣтопись важна для насъ въ томъ отношеніи, что она черновая съ пометками, изъ нея мы можемъ видѣть, какія извѣстія, о смутномъ времени хотѣли сохранить въ *официальной* лѣтописи, составлявшейся въ Михайлово царствованіе, и какія считали нужнымъ уничтожить, какія, наконецъ, особенно хотѣли распространить и изукрасить» (IX, 463).

2) Акты Арх. экспед. II, № 34.

3) Изъ устъ русскихъ повѣствователей извѣстіе объ этомъ переходитъ и въ иностранныя записки (Аделунгъ, II, 136). Какъ развивалась вообще легенда въ смутное время любопытно сравнить напр. «Извѣстѣ» Варлаама съ болѣе ранними сообщеніями о его похищеніяхъ (Соловьевъ, VIII, 95—99).

4) Обличительный характеръ сказывается даже въ описаніи наружности лицъ: ср. фигюги. опис. Д. Самозванца у Катырева-Ростовскаго (Изборникъ, 314) съ описаніемъ англ. Гильберта—очевидна (Гамель, с. 248; ср. Масса, с. 206).

5) Ср. замѣчанія объ этомъ у Соловьева (IX, с. 469—472).

6) Авраамій Палицынъ, с. 10.

жизни Московскаго государства. Борьба боярскихъ партій, давшая себя чувствовать въ смутное время, обозначилась уже гораздо раньше ¹⁾.

Другой важный матеріалъ, легшій въ основаніе сказаній о смутномъ времени,—это собственно оффиціальныя акты (211, 214, 230 и др.); но и они въ значительной степени подвергались тѣмъ же превращеніямъ. „Вообще, какъ замѣтилъ еще Соловьевъ, въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ“ (IX, 23). При смѣнѣ правительствъ, большое значеніе и вліяніе приобретаютъ московскіе бояре; но объ ихъ роли, какъ мы видѣли, современные писатели отзываются съ негодованіемъ и пренебреженіемъ (Платоновъ, стр. 88, 92, 100, 107, 149, 220 и т. д.). Между тѣмъ эта оффиціальная среда наиболѣе могла оказывать вліяніе на мнѣнія о событіяхъ смуты. Такъ, есть основаніе полагать, что слухъ о подмѣнѣ и появленіи Дмитрія былъ пущенъ самими боярами ²⁾ и потому Борисъ имѣлъ основаніе обратиться къ нимъ съ извѣстнымъ упрекомъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія оффиціальныя колориты нѣкоторыхъ иностранныхъ извѣстій о болѣе важныхъ вопросахъ смуты: такъ, „Краткая повѣсть о злополучіи и счастіи Дмитрія, нынѣшняго кн. Московскаго“, напеч. въ Сборникѣ Вихмана, въ той части своей, которая касается отношенія Бориса Годунова къ ц-чу Дмитрію, сходна съ „Сказаніемъ, еже содѣялся въ цар. градѣ Москвѣ“, какъ указалъ еще Бодянской въ примѣчаніяхъ къ переводу ея, А. Н. Шемякина ³⁾. Уже въ 1589—93 гг. наблюдательные иностранцы указывали на тѣ острыя отношенія къ Борису Годунову со стороны бояръ, которыя обнаружались затѣмъ со всею неразборчивостью средствъ въ началѣ смуты ⁴⁾. Впослѣдствіи бояре сами громко хвалились другъ другу, что они избыли Бориса ядомъ (Буссовъ ⁵⁾), а именно, когда

¹⁾ Соловьевъ, VII, 247; ср. Платоновъ, 210—212.

²⁾ См. письмо изъ Архангельска отъ 4 іюля 1605 г., хран. въ Флор. арх. (Рус. историч. Библ., т. VIII, 63—76, сообщ. Ѳ. И. Успенскимъ).

³⁾ Чтен. М. О. ист. 1875, кн. III, с. 4.

⁴⁾ О донесеніяхъ царскихъ дипломатич. агентовъ, по Вѣнскому архиву, см. въ Рец. Г. Ѳ. Штендмана на книгу пр. Трачевскаго «Союзъ нѣмец. князей» (XXI присуд. наградъ гр. Уварова, 101—102 и 117—118).

⁵⁾ Замѣчательна приписка кн. Конст. Острожскаго на экземплярѣ польскаго перевода грамоты

подобная похвальба могла уже вмѣняться въ заслугу. Точно также въ описаніи посольства Кнуда Гильденстьерне (1614 г.) сообщается рассказъ о смутѣ, отъ имени бояръ, соотвѣтственный тому времени и признаннымъ уже мѣнѣямъ¹⁾. Можно пожалѣть, что авторъ не вошелъ въ разсмотрѣніе этихъ памятниковъ о смутѣ, вышедшихъ изъ русской среды, но записанныхъ иностранцами. Они могли бы послужить ему для выясненія происхожденія нѣкоторыхъ мѣнѣй и взглядовъ на тогдашнія событія.

При этомъ нужно принять во вниманіе, что нѣкоторые акты, имѣющіе отношеніе къ разсматриваемымъ событіямъ, изданы неисправно. Такъ, по поводу небрежно напечатаннаго дѣла Романовыхъ, Н. М. Пявловъ замѣчаетъ: „въ сожалѣнію, это дѣло допущено въ печать съ великими пропусками, во многихъ мѣстахъ поставлены многоточія съ законическою надписью: „за ветхостью не разобрали“ а между тѣмъ не безызвѣстно, что особенныхъ ветхостей нигдѣ нѣтъ“²⁾.

Съ другой стороны, не всѣ памятники того времени дошли до насъ. Не говоря о многихъ актахъ, попавшихъ въ архивы Швеціи и Польши и отчасти потомъ возвращенныхъ, напомнимъ, что акты смутнаго времени, „бывъ, по тогдашней политикѣ, истреблены внутри Россіи, сохранились только въ отдаленныхъ областяхъ, гдѣ и были потомъ найдены исторіографомъ Миллеромъ“³⁾. Нѣкоторые же матеріалы и акты цар. Бориса Годунова исчезли, быть можетъ, даже невозвратно⁴⁾. Точно также, не смотря на тщательные поиски въ XVIII и XIX стол., не удалось разыскать переписки Ѳед. Ив. Шереметева съ Ф. Н. Романовымъ за время нахождения послѣдняго въ польскомъ плѣну и

Борисъ Годуновъ 1605 г.: «Потомъ того-жъ года кн. Дмитрій воссѣлъ на престолѣ спокойно безъ всякихъ войнъ; Годуновъ же, какъ говорили достоверно, увидѣвъ, что подданные того Дмитрія за наследственнаго государя признають,—отравился» (Сборникъ кн. Оболенскаго, № 8, предисл.). Приобщеніи какъ дѣлались иногда наказы при Иванѣ Грозномъ и В. Годуновѣ посламя, для опроверженія неблагопріятныхъ слуховъ. Какъ извѣстно, бояре просили Сигизмунда помогать Самозванцу (Соловьевъ, VIII, 94). Бывшій въ Москвѣ, иезуитъ Лавицкій, говоритъ, напротивъ, объ ударѣ, постигшемъ Бориса (Аделунгъ, II, 102). Ср. русскія извѣстія (Платоновъ, 31).

¹⁾ Магазинъ Вюцинга, VII, 321—322; Аделунгъ, II, 137—140; ср. 129. Прибавимъ, что и «Наказъ думному дворян. Ушакову и Заборовскому», отправленнымъ посламъ къ импер. Матеею въ 1613 г., заключаетъ въ себѣ подробный рассказъ о событіяхъ смутной эпохи (Памят. дипломат. II, 927—958).

²⁾ Правда о Лжедмитріѣ (Рус. Арх. 1886, II, 53); ср. Акты истор., II, примѣч. 6 и замѣч. К. Н. Бестужева-Рюмина (Обзоръ, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 7, с. 98).

³⁾ Собр. Госуд. грам. и дог., т. II, предисл., с. III.

⁴⁾ Платоновъ, стр. 324.

совѣщаній объ избраніи на престолъ Михаила Федоровича; а между тѣмъ она находилась въ архивѣ гр. Шереметева. Матеріалъ этотъ признается настолько важнымъ, что, до разысканія его, рѣшкія сужденія о дѣятеляхъ московской смуты считаются даже преждевременными ¹⁾. Но и другіе архивы въ отношеніи разсматриваемаго времени оказываются еще далеко неисчерпанными: достаточно напомнить о разысканіяхъ въ Вѣнскомъ госуд. архивѣ грамотъ кн. Пожарскаго 1612 г., найденныхъ въ 1840—51 г. Ф. Адельунгомъ и Г. Фидлеромъ; въ библ. гр. Красинскихъ — документовъ, свидѣтельствующихъ объ интригѣ, вѣденной сторонниками Д. Самозванца противъ Сигизмунда III, отысканныхъ Костомаровымъ и недавно подтвержденныхъ документомъ одного монастырскаго архива въ Россіи ²⁾. Нельзя не пожалѣть также, что собраніе весьма важныхъ выписокъ изъ Вѣнскаго архива за время, предшествовавшее смутной эпохѣ, когда повидимому уже обрисовались со всею рѣзкостью отношенія придворныхъ партій, собранныя Г. Э. Штендманомъ, было сожжено и только незначительная доля ихъ появилась въ печати ³⁾.

Поэтому нельзя не признать справедливыми замѣчанія П. С. Казанскаго, занимавшагося однимъ изъ крупныхъ вопросовъ смутной эпохи. Отстаивая установленное прежде мнѣніе по данному вопросу, онъ говоритъ однако: „Предлагаемое нами рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ какое другое оправдывается историческими обстоятельствами, хотя не скрываемъ и того, что и для насъ оно не столь рѣшительно, чтобы не допускало возможности иного рѣшенія. Трудъ нашъ достигнетъ своей цѣли, если вопросъ на той точкѣ, на которую мы его ставимъ, подвергнется новому критическому исследованію. Занятіе этимъ вопросомъ привело насъ къ рѣшительному убѣжденію, что ни одного частнаго извѣстія о Самозванцѣ—будь оно передано современникомъ-очевидцемъ—нельзя признать за несомнѣнно вѣрное ⁴⁾ и положить его въ основу сужденій.

¹⁾ Родъ Шереметевыхъ, II, 255—59; Журн. М. Н. Пр. 1886, № 3, с. 81.

²⁾ Напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1886, III, 123—124.

³⁾ Отчетъ о XXI приузд. награды гр. Уварова, с. 102.

На вѣкоторыя, еще неизвѣд. и важныя свѣдѣнія, указываетъ Минцловъ (Лѣт. зап. Арх. ком., т. VIII, проток., 17—19).

⁴⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

И это большею частію зависитъ отнюдь не отъ недобросовѣстности рассказчика, но или отъ того, что онъ невнимательно наблюдалъ событія, или отъ того, что видѣнное дополнялъ своею догадкою, или, несвоевременно записывая, спуталъ нѣкоторыя подробности. Образованіе подобнаго рода неправильныхъ извѣстій можно наблюдать ежедневно. Еще легче впадаютъ въ заблужденіе рассказывающіе о какомъ-либо событіи только по слухамъ, дополняемымъ обыкновенно отъ всякаго передатчика его своими объясненіями. Потому-то ко всѣмъ извѣстіямъ и современниковъ нужно относиться *съ сомнѣніемъ* и повѣрять ихъ показанія какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и отношеніемъ ихъ къ другимъ историческимъ фактамъ¹⁾. Подобный скептицизмъ въ историческомъ изслѣдованіи имѣетъ свои глубокія основанія. „Совершившееся, говоритъ Вильг. Гумбольдтъ, только отчасти доступно нашему чувственному воспріятію; еще многое остается присоединить къ тому при помощи *соображеній, аналогій, догадки*... Когда желаютъ изложить какое нибудь ничтожное событіе, то тотчасъ же замѣчаютъ, какъ, при отсутствіи осторожности въ выборѣ выраженій, начинаютъ примѣшиваться мимоходныя допущенія, изъ которыхъ потомъ является ложь и неопредѣленность. *Самый языкъ нашъ содѣйствуетъ такому обману*“²⁾.

Итакъ, очевидно, многіе вопросы смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра. Нѣкоторые изъ нихъ поставлены или намѣчены въ разсмотрѣнномъ нами трудѣ; для другихъ въ немъ собранъ значительный и весьма цѣнный матеріалъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что сказанія смутной эпохи имѣютъ не только свой спеціальный интересъ, но и общенсторическій, какъ заключающія въ себѣ обильный матеріалъ для исторической критики. И въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Платонова можно найти не мало весьма цѣнныхъ данныхъ.

1) Рус. Вѣст. 1877, № 8, стр. 464—465 (Изслѣд. о личности перваго Лжедмитрія). Необходимо замѣтить, что автору вообще свойственъ былъ скептицизмъ (такимъ его мнѣніе о древней лѣтописи, вызвавшія въ свое время полемику).

2) Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers, 1820 (Gesammelte Werke, Berl. I, 1841, 1—2).

II. Лжедмитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ. Н. Левитскаго. Спб. 1886, стр. 186.

I.

Сочиненіе г. Левитскаго первоначально было напечатано въ „Христіанскомъ Читеніи“ (1885, май-іюнь, сентябрь-октябрь; 1886, январь-февраль, іюль-августъ) и затѣмъ появилось отдѣльно. Мы не имѣемъ въ виду исчерпать его содержаніе вполне. Наша цѣль другая. Представивъ главные выводы автора, подтвердить лишь ту общую характеристику русскихъ сказаній о смутномъ времени, на которую мы обратили вниманіе въ разборѣ книги г. Платонова. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія исторической критики, они наглядно представляютъ намъ, на сколько личныя отношенія, положеніе автора и духъ эпохи всецѣло вліяли на мнѣнія писателя и его произведеніе ¹⁾. Въ разборѣ соч. г. Платонова намъ приходилось указывать на отрицательные результаты его выводовъ. Къ тѣмъ же выводамъ по существу приходитъ и другой изслѣдователь, посвятившій свой трудъ одному изъ главныхъ эпизодовъ въ исторіи смуты, т. е. царств. Димитрія Самозванца, и едва ли не самой важной сторонѣ въ его дѣятельности, — вопросу, на сколько онъ является пропагандистомъ католичества, а слѣд. лицомъ, дѣйствовавшимъ по внушеніямъ изъ-внѣ, или независимо отъ этихъ послѣднихъ. При появленіи Д. Самозванца, московское правительство уже объявляло, что онъ „имѣетъ намѣреніе въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи

¹⁾ Въ одной изъ своихъ статей о Дим. Самозванцѣ г. Левитскій замѣчаетъ: «Вообще, по нашему мнѣнію, вопросъ о достовѣрности источниковъ для исторіи Лжедмитрія I и смутнаго времени можетъ быть благодарною темою, и добросовѣстное рѣшеніе его, въ видахъ чисто-научныхъ, не можетъ быть не желательнымъ... Источниковъ для этой исторіи много; они разнообразны и разнорѣчивы до противоположности» (Хр. Чит. 1883, сентябрь-октябрь, 410).

разорить и костелы латинскіе и люторскіе учинить“¹⁾; однако эти заявленія не подѣйствовали и московскій народъ преклонился передъ Д. Самозванцемъ, убѣжденный въ его царскомъ происхожденіи. По смерти Димитрія, „когда стали извѣстны его сношенія съ Римомъ, вышеприведенное обвиненіе считалось уже несомнѣннымъ и Самозванецъ явился въ глазахъ русскихъ людей насадителемъ латинства на Руси, проклятымъ еретикомъ, богоотступникомъ, заклятымъ врагомъ православной церкви. Его обвиняли въ томъ, что онъ церкви Божія осквернилъ, мучилъ православныхъ, воздвигъ на нихъ гоненіе и даже хвалился, что во всѣхъ греческихъ странахъ погасить Христово благочестіе“ (Левитскій, стр. 3). Такая точка зрѣнія проводится въ официальныхъ актахъ и въ современныхъ историческихъ повѣствованіяхъ. Д. Самозванецъ, какъ искренній пропагандистъ католицизма, является и въ трудахъ нѣкоторыхъ церковныхъ (м. Платонъ и Макарій) и свѣтскихъ писателей позднѣйшаго времени (Бицынъ—Н. М. Павловъ); но такой взглядъ давно вызывалъ сомнѣнія и даже положительныя опроверженія со стороны многихъ русскихъ историковъ, какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, П. С. Казанскій и нѣк. другіе.

Къ этимъ послѣднимъ авторъ могъ бы присоединить еще Погодина, такъ какъ мнѣніе м. Платона онъ принимаетъ лишь условно, съ извѣстнымъ ограниченіемъ²⁾, и гр. Д. А. Толстого, довольно подробно развивающаго тотъ же взглядъ на личность Д. Самозванца. Такъ какъ г. Левитскій не коснулся мнѣнія послѣдняго, а оно стоитъ весьма близко къ выводамъ автора, то мы приводимъ его здѣсь.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи по исторіи католицизма въ Россіи, гр. Толстой между прочимъ пишетъ: „Вникая во всю послѣдующую дѣятельность Димитрія Самозванца, мы приходимъ къ убѣжденію, что отреченіе его отъ вѣры предковъ и принятіе римско-католической было, съ его стороны, *не искренне*, и что онъ даже мало и, такъ сказать, наскоро былъ приготовленъ къ этой новой для него религіи. Латинскаго языка, нужнаго для пониманія римскаго ученія и обрядовъ, онъ почти не разумѣлъ... При немъ, правда, находились два іезуита, Николай Черницкій и Андрей Лавицкій, но онъ употреблялъ ихъ для дипломатическихъ сношеній, а вовсе не для распространенія въ

¹⁾ Акты Арх. экспед., II, №№ 28 и 29.

²⁾ Историческіе отрывки, I, с. 322. Отчасти такъ смотритъ и пр. Филаретъ (IV, 116—120).

Россіи римско-католической вѣры; такъ, въ концѣ 1605 г., онъ послалъ Лавицкаго въ Римъ для переговоровъ о дѣйствіяхъ противъ турокъ... *Смотря безпристрастно на дѣйствія Отрепьева, мы должны сознаться, что насколько обстоятельства, ставившія его въ зависимость отъ Польши и римскаго двора, позволяли ему уклоняться отъ незавидной роли вѣнчаннаго римскаго пропагандиста въ Россіи, онъ это сдѣлалъ. Прямыхъ покушеній съ его стороны на русскую церковь не было; искаженія греческой вѣры въ Россіи онъ не предпринималъ, и даже въ частыхъ сношеніяхъ своихъ съ римскимъ дворомъ избѣгалъ упоминать о вѣрѣ и о такъ называемомъ соединеніи церквей, другими словами, о подчиненіи русской церкви папѣ. Пришли съ нимъ, правда, нѣсколько латинскихъ священниковъ, но весьма немного, именно столько, сколько необходимо было для его жены и тестя, для польскаго войска и огромной свиты Мнишка, и Лжедмитрій не пособлялъ своею властію ихъ пропагандѣ; хотя бывшіе въ Москвѣ іезуиты и замыслили тайно устроить тамъ свою коллегію, а римскій дворъ даже прислать въ Россію латинскихъ епископовъ, но іезуиты должны были оставаться смиренно, жалуюсь, что до царя труденъ доступъ¹⁾. Для Марины устроена была домашняя католическая каплица во дворцѣ; но, по настоянію Лжедмитрія, и не смотря на всѣ сопротивленія Рима, она вѣнчана была по обрядамъ греческой церкви, приняла причастіе отъ патріарха, ходила въ русскія церкви, и постилась не по субботамъ, а по средамъ, какъ того требуютъ правила церкви восточной. Можно предполагать съ нѣкоторою достовѣрностію, что еслибъ Дмитрій и усидѣлъ на престолѣ, римскій дворъ разочаровался бы въ своихъ надеждахъ точно также, какъ приходилось ему это испытывать въ Россіи до того времени, въ продолженіе шести столѣтій, не смотря на особо счастливыя для него обстоятельства во времена Самозванца²⁾.*

Такимъ образомъ взглядъ г. Левитскаго, посвятившаго недавно цѣлую монографію въ подтвержденіе этого мнѣнія, не составляетъ

1) Apud Czurykowski. См. Adelung, ч. II, стр. 179: «Ad Serenissimum Imperatorem aditus est difficillimus». По русскому изд. т. II, 108.

2) Римскій католицизмъ въ Россіи. Истор. изслѣд. гр. Д. А. Толстого. Т. I, стр. 79—82. Даже М. О. Козловичъ выражается: «участіе іезуитовъ до сихъ поръ не разъяснено» (Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во время самозванческихъ смутъ,—рѣчь, напеч. въ Христ. Чт. 1880, № 3—4, с. 389 и отд., с. 10), признающій однако, «что адскій планъ смуты могъ быть дѣломъ только этихъ ужасныхъ людей»; (ib. с. 9).

собственно новости въ нашей литературѣ; но авторъ ея разсмотрѣлъ этотъ вопросъ съ разнообразныхъ сторонъ, взвѣсилъ всѣ мнѣнія *за* и *противъ* и представилъ полный сводъ данныхъ по этому предмету, такъ что новѣйшій историкъ, касающійся смутнаго времени, справедливо замѣтилъ о его трудѣ: „Г. Левитскій, въ своей превосходной статьѣ, обстоятельно доказалъ, что Самозванецъ былъ скорѣе индифферентъ, чѣмъ католикъ, а изъ писемъ Самозванца никакъ нельзя заключать о его католической ревности“¹⁾.

Посвятивъ рядъ статей характеристикѣ Дмитрія Самозванца, г. Левитскій не входитъ однако въ опредѣленіе его личности. Въ одной изъ этихъ статей онъ говоритъ только: „Лжедмитрій I, *безспорно интересный* личностъ, не разъ уже останавливавшая на себѣ вниманіе историковъ...²⁾. Одни признаютъ, что этотъ Самозванецъ—монахъ Гришка Отрепьевъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Казанскій); другіе (Костомаровъ) отвергаютъ это тождество; въ концѣ концовъ можно считать несомнѣннымъ развѣ только то положеніе, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія Ивановича не былъ сыномъ Грознаго, хотя предубѣжденные изслѣдователи и доселѣ готовы утверждать противное“ (ссылка на соч. о. Пирлинга *Rome et Démétrius*, Paris 1878³⁾).

1) Н. К. Вестужевъ-Рюминъ, см. X-ю главу изъ Рус. Исторіи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, ч. ССII, № 7, 106—109).

2) Интересъ этотъ выразился и въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ, посвященныхъ Д. Самозванцу: у насъ—Сумарокова, М. Д. Чулкова (сатир. поэма), Пушкина, Наръжнаго, Хомякова, Островскаго и др.; въ нѣмецкой литературѣ укажемъ на неоконченное произведеніе Шиллера, на попытку окончить его—Гёте, а также на пьесы Г. Гримма, Ф. Воденштедта, Ф. Геббеля, Лаубе и др. Еще недавно появились француз. траг. Жюль Ф. и англ. романъ о Д. Самозванцѣ Ст. Кольриджа, сильно идеализирующій его. Любопытно, какъ видоизмѣнились взгляды на его характеръ, еообразно съ временемъ и историческими трудами.

3) Изъ исторіи Лжедмитрія I. (Гдѣ, когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедмитрій? (Хр. Чт. 1883, сент.-окт., с. 376—377). Только однажды мимоходомъ онъ упомянулъ объ Отрепьевѣ (Лжедмитрій I, 173).

Въ 1822 г. к. Евгенийъ писалъ В. Г. Анастасевичу: «Если бы вашъ Нѣмцевичъ прочелъ во 2 т. канцлеровыхъ грамотъ (т. е. Собр. госуд. грам. и догов., изд. гр. Румяновымъ) акты о смерти Дмитрія царевича, то не посмѣлъ бы утверждать, что Лжедмитрій былъ истинный Дмитрій. Но полагая и нужно было выставлять его истиннымъ *для извиненія* себя въ кражѣ на Россію и занести на нее вину царевубійства» (Псков. письма к. Евгения Волховитинова, Рус. Арх. 1889, № 7, с. 342; ср. также любопытныя замѣтки его по этому предмету, ib. 345; № 6, с. 234—235). Извлеченіе изъ соч. Нѣмцевича, представляющее сводъ означенныхъ извѣстій, напечатано и въ русскою переводѣ (Москов. Вѣст. 1829, ч. III: О Самозванцѣ, изъ Нѣмцевича). Намъ извѣстна въ томъ же направленіи диссертація Фр. Новаковского, напис. по латыни: „De Demetrio I, magno Russiae duce, Iwani filio, Berol. 1839, pp. 70). Но о. Пирлингъ выходитъ въ своемъ мнѣніи изъ отзыва истор. Миллера (сообщеннаго Коковомъ, см. выше, въ разборѣ книги

Отвергая на первых же страницах своего изслѣдованія возможность подготовки претендента на московскій престолъ именно іезуитами, г. Левитскій высказываетъ слѣдующее вѣрное соображеніе: „Когда русскій престолъ, по смерти царя Ѳедора, сдѣлался свободнымъ и Борисъ отказывался занять его, не было и слуховъ о спасеніи царевича Дмитрія: всѣ почитали его уже умершимъ. А между тѣмъ это была самая удобная минута для заявленія своихъ правъ на престолъ... Ужели такимъ случаемъ не воспользовались бы іезуиты для возведенія своего провельта на царство, если у нихъ подъ руками былъ уже Самозванецъ? Чего еще нужно было дожидаться? Очевидно они не имѣли тогда и въ виду такого искателя московскаго престола. И въ самомъ дѣлѣ, не было ли нѣсколько преждевременно заниматься подготовкой Самозванца при жизни царя Ѳедора? Кто могъ сказать, когда именно престолъ сдѣлается свободнымъ? Можно ли было предполагать навѣрное, что Ѳедоръ умретъ бездѣтнымъ?“ и т. д. (стр. 9). Безъ сомнѣнія, лицо воспитанное для подобной роли, едва ли бы рѣшилось такъ легко порвать связи съ своими покровителями и стать въ явно враждебныя отношенія къ Сигизмунду III ¹⁾. Къ тому же отрицательному выводу приводятъ автора и свидѣтельства о плохомъ знаніи Д. Самозванцемъ латинскаго языка ²⁾. Понятно, что эти доводы не устраняютъ пламеннаго стремленія іезуитовъ и папскаго престола воспользоваться столь удобнымъ случаемъ въ своихъ интересахъ, какъ появленіе претендента на московскій престолъ ³⁾.

г. Платонова, гл. 1-я). Припомнимъ также указаніе на первоначальное мнѣніе Карамзина (дневникъ Кюхельбекера, Рус. Старина, т. XIII, стр. 620) и признаніе Погодина (Историч. отрывки, I, с. 312, 330). Сводъ данныхъ о портретахъ Д. Самозванца см. въ новомъ изданіи Подробн. Словаря рус. гравир. портр., Д. А. Ровинскаго, 4 тт. Спб. 1886 (I, стр. 679—95). Впрочемъ съ выводами автора, основанными на физиогномическихъ соображеніяхъ, едва ли можно согласиться (стр. 680).

¹⁾ См. нашу статью: Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III (Русскій Архивъ 1889 г.).

²⁾ «Латинскія письма мнимаго царевича къ папѣ писаны конечно не имъ, а іезуитами. Велевницкій говоритъ, что первое изъ этихъ писемъ Самозванецъ написалъ на польскомъ языкѣ, а на латинскій перевели его уже другіе» (11—12).

³⁾ Въ Польшѣ эти надежды шли гораздо далѣе, чѣмъ они представлялись болѣе компетентнымъ наблюдателямъ въ Москвѣ. Франц. резидентъ писалъ 1 апр. 1606 г. своему двору: «Toutefois j'ay veu de mes yeux une lettre escripte au General des Jesuites signee de la main de Demetrie et scellee de ce grand sceau Ordinaire, laquelle est datée du 23 Febur». (Акты и письма въ ист. Балт. вопроса въ XVI и XVII стол., Г. В. Форстена, Спб., 1889, 220). Любопытно, какъ Сигизмундъ III предупредительно относился къ представителямъ Дмитрія вначалѣ: «Tout ce qui y a est de singulier, a este la contestation qui a este—entre l'ambassadeur de l'electeur de Brandenbourg qui voloit preceder le Mosovite, mais il n'a este soutenu de personne, ainsi unq»

Къ тому же влекли историческія традиціи папства (12—20). Принимая свидѣтельства о *русскомъ происхожденіи* Дмитрія Самозванца, о знаніи имъ православнаго закона, выходящее изъ ряда по тому времени образованіе, авторъ отвергаетъ и самую мысль о фактической приверженности его къ католицизму, такъ какъ онъ и родомъ, и по воспитанію былъ *русскій* (22—23). Мало этого. По мнѣнію нашего автора, во время пребыванія претендента за границую, а именно на Волини (какъ въ Гоцинской пиколѣ бр. Гойскихъ), на образъ его мыслей оказала несомнѣнное вліяніе одна изъ самыхъ рационалистическихъ арианскихъ сектъ¹⁾, что успѣло посвятить въ душѣ Самозванца съ одной стороны—сѣмена свободомыслія и религіознаго индифферентизма, а съ другой—предотвратило его отъ увлеченія католицизмомъ (26—27). Впослѣдствіи и іезуиты замѣтили, что Дмитрій Самозванецъ зараженъ ученіемъ Социна и они опасались уже его какъ еретика, не пригоднаго для ихъ дѣла²⁾.

Повидимому не много въ пользу католицизма могла сдѣлать и семья Мнишка. Въ одной изъ своихъ статей авторъ такъ характеризуетъ этого послѣдняго: „Это скорѣе былъ человекъ безъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій, чуть-чуть не безъ вѣры. Развитію въ немъ

chascung luy a donné tort. Il a pourtant fait une protestation, et en fin voyant que la volonté du Roi estoit que le Moscovite precedast, il s'est apaise et a assiste a table assis dessous de Moscovite» (за столомъ сидѣли такъ, что московскій посолъ оказался vis-a-vis съ Максимилианомъ австрійскимъ, донес. отъ 17 дек. 1605, ib., 219). Письмо отъ 23 февр. см. у Шпрлинга (р. 170).

1) Необходимо замѣтить, что, во время обнаружившагося антагонизма между Дмитріемъ Самозванцемъ и Сигизмундомъ III, протестантскія секты въ Польшѣ рассчитывали на покровительство Дмитрія (Шпрлингъ, 115). Вучинскій составлялъ планъ сближенія съ протестантами; онъ долженъ былъ стать во главѣ посольства въ Англію, съ цѣлью набрать тамъ инженеровъ и ремесленниковъ (126, 169—170). Дмитрій оказывалъ также покровительство англ. купцамъ (Аделунгъ, I, 300; Hist. Rus. moum., II, 400).

2) Рукоп. Велевицкаго въ прилож. къ Зап. Жолковского, изд. Мухановымъ (171—172). Велевицкій неоднократно замѣчаетъ, что Д. Самозванецъ былъ преданъ разнымъ ересамъ, въ особенности же ереси арианской (120, 125). Французскій резидентъ De la Blanque 17 дек. 1605 г. доносилъ изъ Кракова о Дмитріѣ: „J'ay aprins d'ung gentilhomme de ce pays la, auquel Demetrie demouroit ung temps incogneu, que Demetrie estant fort malade et habandone de chascung pour ne le congnoistre autrement que pour ung garçon de cuisine, que un Arrian par charite le print chez soy, ou il feust longuement malade et estant quasi a passer le pais, il descourrit au dit Arrian qu'il estoit fils de Juan Basilouitz et quil auoit este sauué par son precepteur. Estant quasi cest Arrian le descourrer au gentilhomme nomé Goysky (издатель почему-то ставитъ: или Soysky?) et cest Soysky au Knaes Wisnowiesky —et me disoit ce gentilhomme que Demetrie auoit enuoye querir cest Arrian. Je croy que ung bruit qui a este (mesmes du temps que Demetrie estoit yci a Craco) que Demetrie estoit evangeliste, perdoit de ceste conuersation qu'il auoit eu aueq cest Arrian“ (Акты и письма къ ист. Валт. вопросъ въ XVI и XVII вѣк. Г. В. Форстгана, Спб. 1889, по рук. Пар. націон. библ., стр. 219). Ср. Нѣщевича, II, 197. О значеніи рацион. сектъ въ Польшѣ см. «Исторія реформаціи въ Польшѣ», Н. Н. Любвича, В. 1883.

религіознаго индифферентизма многу способствовали родственныя связи. Кружокъ его родни состоялъ изъ диссидентовъ—кальвинистовъ (Фирлей) и соцініанъ (Олесницкіе, Стадницікій). Его покровитель Сѣнинскій былъ коноводъ аріанской партіи; первая жена Гедвига Тарло—была также аріанка. Могъ ли изъ такого кружка выдти поборникъ папы? Но, какъ человѣкъ придворный, Мнишекъ соображался съ обстоятельствами. Индифферентистъ, скорѣе протестантъ, чѣмъ католикъ, при Сигизмундѣ-Августѣ, онъ при Сигизмундѣ III начинаетъ кадить предъ іезуитами и другими латинскими монахами. Кто не видитъ, что это кажденіе дѣло политики и расчета и нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что Мнишекъ не былъ ревностнымъ папистомъ¹⁾. „Къ огорченію папы, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, Марина никогда не отличалась привязанностію къ іезуитамъ, даже не любила ихъ и въ духовныхъ нуждахъ обращалась исключительно къ францисканцамъ“²⁾. Самъ Мнишекъ говорилъ потомъ, что „онъ наблюдалъ за своею дочерью, какъ бы она ради замужества не отступила отъ своей вѣры“³⁾.

Представивъ характеристику семьи Мнишка, авторъ приходитъ къ заключенію, что послѣдній, вопреки мнѣнію Соловьева, по своему характеру и образу жизни не могъ служить ревностнымъ проводникомъ фанатической приверженности къ римской церкви (29—32); самъ же Дмитрій въ руки іезуитовъ попалъ слишкомъ поздно⁴⁾: по ихъ предложенію онъ принялъ латинство, но не искренно, и впоследствии они откровенно сознавались, что на московскомъ престолѣ онъ не былъ уже похожъ на того Дмитрія, который былъ въ Польшѣ⁵⁾. Общаніямъ, даннымъ въ Польшѣ и въ обращеніи къ папѣ Клименту VIII, о покровительствѣ католицизму, авторъ противопоставляетъ манифесты Дмитрія Самозванца, гласившіе о его желаніи пра-

1) Изъ исторіи Лжедмитрія I (Христ. чт. 1883, сент.-окт., 399—400).

2) Лжедмитрій I, с. 85.

3) Ibid. стр. 81; ср. сс. 88, 89—92.

4) Соловьевъ полагалъ (VIII, 89—90), что начало обращенію Дмитрія Самозванца въ католицизмъ было положено въ Самборѣ францисканцами и довершено въ Краковѣ іезуитами; но г. Левитскій, въ своей статьѣ «Изъ исторіи Лжедмитрія I. Гдѣ когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедмитрій» (Христ. Чт. 1883, № 9—10, стр. 376—411) оспариваетъ это мнѣніе и всецѣло приписываетъ обращеніе его іезуитамъ. Тоже мнѣніе отстаиваетъ и о. Пирлингъ (Roque et Démétrius, 21—29). Въ подробности этого вопроса мы не вводимъ.

5) Велевичскій, 171.

вославленную христіанскую истинную вѣру въ покоѣ и тишинѣ содержать (37). Послѣдній старался даже выказать свое благочестіе въ этомъ отношеніи: такъ, онъ взялъ въ Москву чудотв. образъ Знаменія Богородицы изъ Курска и поставилъ его во дворцѣ (39), а вновь возведенный на патр. престолъ рязанскій архіеп. Игнатій (родомъ грекъ, но учившійся вѣроятно въ западныхъ школахъ ¹⁾), въ своей окружной грамотѣ приглашалъ русскую паству молиться „о здравіи новаго царя и его матери, чтобы Господь возвысилъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ“ ²⁾. „Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ авторъ, что грамота была написана и разслана *съ отдѣлія* Лжедмитрія“ (50). И м. Макарій признаетъ въ этомъ случаѣ, что Игнатій говорилъ здѣсь какъ православный патриархъ ³⁾.

II.

Со вступленіемъ на папскій престолъ знаменитаго Павла V, обмѣнъ сношеній между Римомъ и Москвою значительно оживился, но въ то время какъ съ одной стороны шли настоянія и желаніе немедленно приступить къ дѣлу, съ другой—посылались любезности и несочувствіе слишкомъ ревностнымъ предложеніямъ (какъ напр. присылѣніе монаховъ и епископовъ, стр. 42—49 ⁴⁾). Доступъ къ ^{Д. С.} ~~нему~~ іезуиты получили уже подъ конецъ царствованія и вынесли изъ бесѣды съ нимъ неутѣшительныя для себя мысли—о его еретичествѣ ⁵⁾.

¹⁾ См. статью того же автора: „Игнатій, названный патр. Московскій“ (Странникъ 1881, III, стр. 193—231). Уже здѣсь авторъ замѣтилъ, что непривлекательная характеристика правственности Игнатія, сдѣланная составителемъ „Сказанія еже содѣяса“, должна быть принимаема съ большимъ ограниченіемъ (224).

²⁾ Собр. госуд. грам., II, № 92.

³⁾ Исторія русс. церкви, X, 108. Іезуиты, въ свою очередь, старались прилаживаться къ правамъ москвитянъ; такъ, Лавицкій, прибывъ въ Польшу проѣздомъ въ Римъ, удивилъ своихъ братьевъ внѣшнимъ видомъ: онъ былъ одѣтъ, какъ поимъ московскіе, имѣлъ отпущенную бороду, длинные волосы и висящій на груди крестъ (Велевицкій, стр. 140—141).

⁴⁾ Отъ папы Дмитрій Самозванецъ желалъ прежде всего получить опытныхъ секретарей, инженеровъ, механиковъ, оружейниковъ и т. п. людей, необходимыхъ для задуманныхъ имъ предпріятій (Пирлингъ, 126 и 169); но точно также в. к. Василій III просилъ у папы Климента VII прислать ему архитекторовъ и машинистовъ (Sitzungsber. der phil. hist. Classe d. K. Ak. der Wiss., W., B. XL, J. Fiedler: Ein Versuch der Vereinig. der Russ. mit der Römisch. Kirche im XVI Jahrhunderte, S. 76).

⁵⁾ Впослѣдствіи эти неудачи прямо приписывались вліянію на Дмитрія Самозванца еретиковъ (Соловьевъ, VIII, 198; Левитскій, 79), каковыми были оба его секретаря бр. Вучинскіе, близкій къ нему кн. Хворостининъ и т. п.

Принимая во вниманіе свидѣтельство Маржерета, человѣка близкаго къ Димитрію Самозванцу („если бы онъ покровительствовалъ іезуитамъ, то въ Россіи явилось бы ихъ не трое, и то съ польскими войсками, не имѣвшими другихъ патеровъ“); отвергая намѣреніе его водворить католицизмъ посредствомъ основанія университета или коллегіума, какъ онъ обѣщаль („еще раньше Димитрія Самозванца подобную мысль—завести въ Россіи школы и даже университетъ имѣлъ царь Борисъ, и можно ли подумать, что этотъ человѣкъ хотѣлъ подчинить русскую церковь папѣ?“); объясняя его желаніе предоставить полякамъ имѣть церковь въ Москвѣ—лишь его религиознымъ индифферентизмомъ („я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ отправляли богослуженіе по своему обряду“¹⁾); наконецъ указывая на вполнѣ политической приѣмъ, оказанный папскому послу Ал. Ранчони и такой же политической характеръ миссіи въ Римѣ іез. Лавицкаго (о союзѣ противъ турокъ, о настояніи на признаніи императорскаго титула Сигизмундомъ и на принятіи участія въ томъ же союзѣ²⁾), авторъ замѣчаетъ: „Если бы Лжедимитрій былъ хорошимъ католикомъ, онъ постарался бы и безъ напоминаній и предложеній увеличить ряды католическихъ миссіонеровъ, а папа отправилъ бы тогда въ Россію цѣлые легіоны своихъ усердныхъ слугъ. . Въ Россіи почти сразу возникла бы цѣлая латинская іерархія, которая принялась бы дѣйствовать не менѣе усердно, чѣмъ въ Польшѣ. Къ счастью нашего отечества ничего такого не случилось, благодаря *полнѣйшему* равнодушію Лжедимитрія къ папскимъ предложеніямъ“ (стр. 51—64). И въ то время какъ въ своихъ отношеніяхъ къ Маринѣ и Юрію Мнишку папа обращается съ требованіемъ и настояніями, Д. Самозванца онъ лишь проситъ и умоляетъ (68). Полная предупре-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: „По инициативѣ Бориса Годунова была построена въ Вѣломѣ городѣ протестантская кирка,—указываетъ ли это на его намѣреніе распространять въ Россіи протестантизмъ?“ (стр. 56). Къ этому авторъ могъ бы прибавить еще слѣд. любопытное свидѣтельство Буссова: «11 мая 1606 г. Мартинъ Веръ, урож. нейшадтскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя (т. е. Д. Самозванца), первую лютеранскую проповѣдь для господъ капитановъ, докторовъ и др. нѣмцевъ, коижъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу» (58). Ср. у Левиц. стр. 54, прим. 5 (объ отказѣ католикамъ имѣть церкви при Іоаннѣ Грозномъ и В. Годуновѣ).

²⁾ «Хлопоты объ этомъ союзѣ составляютъ главный предметъ сношеній Лжедимитрія съ Римомъ. Для него папа не болѣе какъ *свѣтскій* государь, человѣкъ необходимый для сношеній съ Польшею и Германскимъ императоромъ» (57—58). Инструкція Д. Самозванца Лавицкому (Пирлингъ, 166—167).

дительность видна со стороны папы и въ вопросѣ о титулѣ (69—70), ясно указывающая на чьей сторонѣ преобладалъ интересъ.

Съ особенною подробностію останавливается авторъ на бракѣ Дмитрія Самозванца съ Мариною Мнишекъ, при осуществленіи котораго обѣ стороны, такъ сказать, обрисовались вполне съ своими истинными намѣреніями и тайными цѣлями. „Лжедмитрій сдержалъ свое слово, данное Мнишку и его дочери, говорить тотъ же авторъ. Это было, кажется, единственное изъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ въ Польшѣ, которое онъ привелъ въ исполненіе“ (65¹). Между тѣмъ, какъ папа всячески торопилъ съ бракомъ и допускалъ даже возможность вѣнчанія въ великій постъ²), Дмитрій Самозванецъ упорно настаиваетъ на исполненіи Мариною открыто обрядовъ православной церкви и заявляетъ, что, только подъ условіемъ исполненія ихъ, она будетъ коронована на московское государство (75). „Упорствовалъ Римъ, но не соглашался и Лжедмитрій, говорить авторъ. А между тѣмъ вопросъ объ отношеніи будущей московской царицы къ православной церкви представлялъ для Лжедмитрія самый удобный случай выказать свою ревность къ католичеству, если только она у него была... И что же обнаружилъ Лжедмитрій? Расположеніе ли къ римской церкви и заботу о распространеніи католичества въ Россіи? Совсѣмъ нѣтъ! Ничего подобнаго не замѣтили слуги папы. Лжедмитрій упорно настаивалъ, чтобы Марина въ глазахъ русскаго народа была православною, хотя, при такой настойчивости, рисковалъ навсегда потерять нѣжно любимую имъ Марину... Если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ ввести въ Россіи католическую вѣру, то долженъ былъ бы не въ Римѣ хлопотать относительно исполненія Мариною обрядовъ православной церкви, а, наоборотъ, въ Россіи—о дозволеніи имѣть себѣ жену—католичку... Настаивая

1) Безъ сомнѣнія оно было слѣдствіемъ искренняго увлеченія Дмитрія Самозванца Мариною, о чемъ свидѣтельствуютъ и частыя письма его къ Мнишку (числомъ 23), побуждавшія его къ скорѣйшему пріѣзду съ невѣстою (66). Современники говорятъ о красотѣ Марины. Къ этому типу ближе подходитъ портретъ ея, издан. по вишневецкой коллекціи (Древ. и Нов. Россіи 1879, II, съ портр. Д. Самозванца; ср. Подр. Словарь Ровинскаго, II, 1223—27).

2) Авторъ замѣчаетъ: „Обрядъ, совершенный въ Краковѣ въ ноябрѣ 1605 г., и у современниковъ, и у позднѣйшихъ историковъ (Карамзинъ, Соловьевъ) обыкновенно называется *обрученіемъ* Лжедмитрія съ Мариной; но въ существѣ дѣла онъ былъ и *вѣнчаніемъ* по уставу римской церкви, какъ и названъ въ церемоналѣ“ (Рус. ист. Вибл. I, 51—71; Левитскій, 68, прим.).

на тояъ, чтобы Марина была принята въ православную церковь и соблюдала ея обряды, Лжедмитрій призналъ неизмѣннымъ то положеніе, что русская царица *de jure* непремѣнно должна быть православною, хотя *de facto* можетъ и не быть ею... Правда, Лжедмитрій не требовалъ перекрещиванія Марины и позволялъ ей быть тайною католичкою; но онъ *и не могъ* поступить иначе и по религіозному индифферентизму, и по случайнымъ обстоятельствамъ“. Соображаясь съ характеромъ Марины, авторъ полагаетъ даже, что „послѣдняя никогда бы не предпочла религіозные интересы московской королевѣ“ (стр. 78—81¹). Мнѣніе это онъ подкрѣпляетъ какъ отношеніемъ Марины къ іезуитамъ, такъ и положеніемъ ихъ по прибытіи ея въ Россіи (87—90); а нѣкоторыя современныя извѣстія говорятъ, что она была даже научена въ правилахъ греческой церкви (какъ *Légende de la vie et de la morte de Démétrius*, р. 10).

Мало этого. „Провозглашенная благовѣрною, т. е. православною, Марина за литургіею была помазана св. мѣромъ и допущена къ причащенію изъ рукъ патріарха. Непосредственно послѣ обѣдни благовѣщ. протопопъ Теодоръ совершилъ вѣнчаніе. Наши историки, обвиняя Лжедмитрія въ нарушеніи церковнаго устава, смотрятъ на дѣло съ точки зрѣнія существующаго теперь порядка и обычая, забывая что нынѣ дѣйствующій законъ... относится ко 2-й половинѣ XVIII в. и вызванъ существующимъ тогда разногласіемъ въ церковной практикѣ“ (подробности см. на стр. 95—97; 148—152²). И авторъ полагаетъ (вопреки Карамзину, Соловьеву, Костомарову и пр. Филарету), что попытка сдѣлать Марину православною по наружности была исключительно дѣломъ Димитрія Самозванца и патріарха, а не всего духовенства (стр. 75, примѣч.). Онъ думаетъ, что исполненіе требованій, поставленныхъ еще прежде Димитріемъ Самозванцемъ и вызвавшихъ теперь заявленіе католическому духовенству, что Марина не будетъ коронована, если не причастится у русскаго патріарха, было результатомъ болѣе ранняго соглашенія съ невѣстою (въ Польшѣ³), гордость которой удовлетворялась созна-

1) Припомнимъ слова Мишки, что онъ наблюдалъ за своею дочерью, какъ бы она „ради замужества“ не отступила отъ своей вѣры (Рус. ист. Вѣст. I, 105; Левитскій, 81 примѣч.).

2) Впрочемъ во многомъ согласно съ Казанскимъ (Р. Вѣст. 1877, № 10, с. 501—502).

3) Ср. инструкцію Я. Вучинскому (Шрлянгъ, 167—168).

нѣмъ ея объ извѣстныхъ правахъ на московскій престолъ (стр. 95—96 ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе подобный шагъ Димитрія Самозванца не избавилъ его отъ нареканій. „Несомнѣнно, говоритъ г. Левитскій, что Лжедимитрій никому не угодилъ—ни католикамъ, желавшимъ видѣть царицу полною и явною католичкою, ни православнымъ, добивавшимся крещенія царской невѣсты. Только религиозный индифферентизмъ безпечнаго Лжедимитрія могъ дѣлать такія странныя попытки соединить несоединимое... Женитьба Лжедимитрія на иноземкѣ, не крещеной въ православную вѣру, можетъ быть была слишкомъ большою ошибкою царя—самозванца, сдѣлалась для него роковою, „пагубною“, какъ говоритъ лѣтописецъ ²⁾ и, какъ замѣчаетъ составитель сказанія о Димитріѣ ³⁾, явилась одною изъ главныхъ причинъ его гибели и несчастія“ (98).

Въ связи съ этимъ авторъ разбираетъ другой весьма важный вопросъ въ исторіи царств. Димитрія Самозванца—это обвиненіе послѣдняго въ намѣреніи *избить бояръ*, чтобы тѣмъ удобнѣе и скорѣе содѣйствовать распространенію католицизма въ Россіи. Главнымъ свидѣтельствомъ противъ Самозванца здѣсь должны, конечно, служить показанія людей, близкихъ къ нему, каковы бр. Бучинскіе, которыми и воспользовался Шуйскій. Но уже Карамзинъ считалъ эти показанія вынужденными страхомъ, если не совсѣмъ вымышленными. „Современники вѣрили, говоритъ онъ; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное“ ⁴⁾. Не довѣряютъ имъ также Устряловъ ⁵⁾, Соловьевъ ⁶⁾ и Костомаровъ ⁷⁾. Съ своей стороны авторъ посвятилъ обширное разсужденіе, направленное въ опроверженіе показаній и свидѣтельствъ, собранныхъ Шуйскимъ и его клеветами. „Совѣсти Шуйскаго, говоритъ онъ, мы имѣемъ полное

¹⁾ Впослѣдствіи она писала королю: «Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обеспеченное коронаціей».

²⁾ Сказаніе еже содѣяся (Чт. М. О. ист. 1847, № 9, с. 22).

³⁾ *Legende*, изд. кн. М. Оболенскимъ, М. 1839, р. 30.

⁴⁾ Карамзинъ, XII, 15.

⁵⁾ Сказанія о Димитріѣ Самозванцѣ, I, 452, примѣч.

⁶⁾ Т. VIII, 152.

⁷⁾ Смутное время, I. Въ пользу показаній Бучинскихъ склоняются пр. Макарій, Н. С. Казанскій и нѣк. др.

право не довѣрять, даже при бѣгломъ знакомствѣ съ характеромъ его двуличной дѣятельности въ дѣлѣ царя Дмитрія. Судя по словамъ Шуйскаго, царевичъ самъ зарѣзался, былъ убитъ по приказанію Годунова и потомъ воскресъ изъ мертвыхъ. Можно ли примирить такія несообразности? Очевидно этотъ человѣкъ нынѣ говорилъ одно, а завтра—другое; увѣрялъ, что говорилъ правду и призывалъ въ свидѣтели Бога; религію онъ употреблялъ для своихъ цѣлей. Возбуждая народъ къ бунту противъ Лжедмитрія, Шуйскій является на площадь съ крестомъ въ рукахъ, именемъ Бога призываетъ русскихъ людей вооружиться противъ „злаго еретика“, выставяетъ себя только ревнителемъ церкви и вѣры, а среди участниковъ заговора—мечтаетъ о коронѣ и царствѣ и ради ихъ лукавитъ и кривитъ душею, желая выставить себя поборникомъ православія“. И далѣе: „Вступивъ на престолъ, Шуйскій имѣлъ причины, по обстоятельствамъ же, говорить неправду, какъ онъ дѣлалъ это, бывши бояриномъ. Вѣдь онъ былъ заговорщикъ, бунтовщикъ и, наконецъ, убійца своего государя. Кто бы ни былъ этотъ государь—самозванецъ или нѣтъ, Шуйскій призналъ его законнымъ правителемъ Россіи, присягалъ ему и даже увѣрялъ, что онъ истинный потомокъ Рюриковичей; возставъ противъ него, Шуйскій явился мятежникомъ противъ высшей, власти, признанной имъ же самимъ, и клятвенно преступникомъ“ (стр. 100—105¹⁾).

Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы сдѣлать поправку къ одному недавно вышедшему труду. П. О. Морозовъ, въ своемъ соч. „Исторія русскаго театра“ (т. I, Спб. 1889), дѣлаетъ слѣд. оглавленіе: Гл. V, стр. 114: „школьная драма въ Москвѣ XVII в. — спектакли при Самозванцѣ“; а въ текстѣ говоритъ: „Попытка завести въ Москвѣ представленія духовныхъ пьесъ была сдѣлана іезуитами, прибывшими сюда вмѣстѣ съ первымъ Самозванцемъ. *Такъ по крайней мѣрѣ понимаемъ мы извѣстіе хронографовъ о сово-*

1) Соловьевъ выражается: «Не смотря на то, что возстаніе было возбуждено во имя вѣры православной, во имя земли русской, въ народѣ не могло не быть сознанія, что совершенно дѣло нечистое или, по крайней мѣрѣ, нечистымъ образомъ... И кто же былъ обманутъ, кто былъ недоволенъ? Масса людей *умиренныхъ*, самая могущественная часть народонаселенія, которая даетъ прочный успѣхъ всякому дѣлу... Вотъ почему 17 мая 1606 г. въ Москвѣ не было ознаменовано тѣмъ одушевленнымъ ликованіемъ, какое обыкновенно бываетъ по совершеніи общаго дѣла» (155—156). И авторитетъ „крестоносца“ и „боголюбиваго“ царя вскорѣ палъ.

рени ада на Москвѣ рѣки Разстригою (Изборникъ Попова, стр. 237, 272, 276). Этотъ адъ, составлявшій, по всей вѣроятности, часть декораціи для духовной пьесы школьнаго типа, послѣ смерти Самозванца былъ сожженъ вмѣстѣ съ его тѣломъ“ и т. д. „*Можетъ быть это былъ Народный аллегорическій спектакль, ludus saevageus*“.

Къ сожалѣнію столь широкое толкованіе автора ничѣмъ не подтверждается. Впервые это извѣстіе появляется въ повѣсти 1606 года („Платоновъ“, 13), откуда перешло въ хронографы и сказанія о Димитріѣ Самозванцѣ (Изборникъ, loc. cit. и Четыре сказ. о Лже-Димитріѣ, Спб. 1863, изд. гр. Θ. Растопчинимъ, стр. 120—121). Прежде всего замѣтимъ, что даже библейско-риторическое описаніе „Повѣсти“ не допускаетъ подобнаго объясненія. Вотъ оно: „Адъ превеликъ зѣло, имѣющъ у себѣ три главы и содѣя обоуду челюсти его отъ мѣди брацало веліе, егда же разверзаетъ челюсти своя, и извну его яко пламя предстоящимъ ту является, и веліе брацаніе исходитъ изъ гортани его, зубы же ему ослабленнѣ и ногти ему яко готовы на ухапленіе, и изъ устію его яко же пламени разпалавшуся; и постави его проклятый онъ прямо себѣ на Москвѣ рѣцѣ, себѣ во обличеніи, даже ему и съ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нанъ всегда“ и т. д. Но простой языкъ голландца Массы, бывшаго тогда въ Москвѣ, вполне разъясняетъ иносказанія, свойственныя вообще русскимъ бытописателямъ и такъ часто затемняющія обыкновенной смыслъ. „Онъ велѣлъ также отлить много орудій, хотя въ нихъ не было недостатка въ Москвѣ, говоритъ Масся. Сверхъ того онъ иногда приказывалъ строить крѣпостцы для осады и обстрѣливанія ихъ большими орудіями. Въ этихъ упражненіяхъ онъ самъ участвовалъ, какъ простой воинъ и не пренебрегалъ никакою работою, очень желая поселить въ москвитянахъ основательное знаніе военнаго искусства. Однажды онъ велѣлъ сдѣлать для образца крѣпость, двинувшуюся на колесахъ, съ нѣсколькими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами. Онъ хотѣлъ употребить эту подвижную крѣпость противъ татаръ и этимъ испугать, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ лошадей. И дѣйствительно, это изобрѣтеніе было очень остроумно. Зимомъ, Димитрій приказалъ для пробы выставить на льду рѣки Москвы эту крѣпость и рота польскихъ всадниковъ должна была ее осаждать и брать приступомъ. Это зрѣлище царь могъ отлично видѣть съ верху,

изъ своего дворца, и ему казалось, что крѣпость вполнѣ удовлетворяетъ его желанію. Она была прекрасно сдѣлана и вся раскрашена; на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ *выходъ въ адъ*, извергавшій пламя, въ нижней части на небольшихъ окнахъ, *имѣвшихъ видъ чортовыхъ головъ*, были поставлены маленькія орудія. Если бы подобное изобрѣтеніе, очень остроумно придуманное, было употреблено противъ такихъ враговъ, какъ татары, то дѣйствительно ихъ тотчасъ же можно было бы привести въ замѣшательство и обратить въ бѣгство. *Москвитяне называли эту крѣпость адскимъ чудовищемъ* и послѣ смерти Димитрія, котораго они называли *чародьемъ*, говорили что онъ на время заперъ тамъ чорта, вполнѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ этою крѣпостью“ (169—170; ср. сс. 210, 213). Понятенъ поэтому весь ужасъ при видѣ подобнаго зрѣлища, выразившійся въ русскомъ сказаніи. Но послѣ означеннаго сопоставленія двухъ почти тождественныхъ текстовъ не можетъ быть и сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о „крѣпости“, а не о „комедійной хранилѣ“. Притомъ, какъ мы видѣли, іезуиты и не успѣли еще такъ устроиться въ Москвѣ, чтобы могли помышлять о заведеніи духовныхъ пещей. Ихъ мысли были направлены въ другую сторону, причемъ прежде всего имъ приходилось думать объ обезпеченіи собственнаго положенія въ чуждой странѣ.

Припомнимъ маневры войска, введенные въ лагерѣ Скопина-Шуйскаго, причемъ устраивались примѣрныя сраженія, также послужившія предлогомъ къ столкновенію между его войскомъ и отрядомъ царя Василя Шуйскаго¹⁾, и знаменитый Кожуховскій походъ Петра В., по поводу котораго до насъ дошло юмористическое описаніе дракъ солдатъ „новаго строя“ со стрѣльцами²⁾. И весьма вѣроятно, что подобныя эзерциціи при Димитріѣ Самозванцѣ послужили предлогомъ къ разговорамъ о намѣреніи его избить всѣхъ бояръ³⁾.

1) См. наше изслѣд. о Скопинѣ Шуйскомъ, стр. 130—131, 140.

2) Воен. Сборн. 1860, № 1; также ст. А. Корниловича (Сѣв. Арх. 1824, № 5).

3) «Во время военныхъ забавъ съ дворянами онъ часто забывалъ о своей безопасности», говоритъ Массе (170; ср. сс. 194, 206).

Буссовъ рассказываетъ слѣдующее: «Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами польской конницы, также со всѣми боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Конницу расположилъ въ недалекомъ разстояніи отъ монастыря; князьямъ и боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ воеводою, а самъ, предводи-

Понятно, что Шуйскому необходимо было подыскать вѣское оправданіе въ пользу совершеннаго имъ переворота, какимъ и явилось обвиненіе Дмитрія Самозванца въ намѣреніи ввести въ Россіи католицизмъ и истребить православную вѣру (стр. 105). „На допросѣ Шуйскій и бояре, изыскивавшіе обвиненія противъ убитаго Лжедмитрія, давали понять свидѣтелямъ Бучинскимъ, чего они добиваются, чего хотятъ отъ ихъ показанія... ¹⁾, а обвиняя убитаго царя въ намѣреніи избить бояръ и истребить православіе въ Россіи, Бучинскіе явно подкупали бояръ въ свою пользу и располагали ихъ къ себѣ... Вотъ почему Бучинскихъ и не обвиняли, какъ соучастниковъ Лжедмитрія, въ заговорѣ противъ бояръ...; интересно, что, рассказывая о распредѣленіи Самозванцемъ, кому изъ поляковъ кого изъ бояръ убить, они по имени называютъ только Федора Мстиславскаго и братьевъ Шуйскихъ, главныхъ вождей заговора и виновниковъ смерти Самозванца“ (105—110).

Возражая по поводу обвиненія послѣдняго въ столь обширномъ замыслѣ, авторъ спрашиваетъ: „Не страшень ли планъ введенія въ Россіи католической вѣры посредствомъ боярской рѣзни? Чтобы рѣшиться исполнить его, нужно быть нафанатизированнымъ католикомъ. Когда же сдѣлался такимъ ревнителемъ папства Лжедмитрій? ...но это не посовѣтовали бы даже и іезуиты, жившіе въ Москвѣ и лучше своихъ начальниковъ понимавшіе неразумность такихъ мѣръ и дѣйствій. Притомъ же, какъ мы знаемъ, Лжедмитрій находился подъ особеннымъ, даже исключительнымъ вліяніемъ еретиковъ“ (111—112).

При такой постановкѣ вопроса, вытекающей изъ всей совокупности обстоятельствъ, является необходимость объяснить самыя мо-

тельствую *нѣмцами*, пошелъ на приетупъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комки. Въ первый день потѣха была чудесная, только *нѣмцы* переранили многихъ бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, *каменьями*. Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ коменданту ледяной крѣпости: «Дай Боже взять со временемъ такимъ же образомъ *Азога*». Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ подали пива, меду и всѣ пили за общее здоровье. Въ это время подходитъ къ царю одинъ бояринъ и проситъ его оставить такія забавы. «Бояре, говорилъ онъ, весьма сердиты на нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между князьями и боярами много тебѣ зложелателей»... Маневры были прекращены; «но вскорѣ, замѣчаетъ Вуссовъ, возникъ слухъ, будто бы царь далъ приказаніе полякамъ и нѣмцамъ умертвить вельможъ» (по изд. Устрялова, с. 53—54). Такъ объяснить возникновеніе этого слуха и К. Н. Вестушевъ-Рюминъ (I. с. 108).

¹⁾ Собр. госуд. грам., II, с. 296.

тивы заговора Шуйскаго. „Заговоръ Шуйскаго и бояръ очень понятенъ, говоритъ авторъ ¹⁾... Въ свое время онъ (Самозванецъ) нуженъ былъ для низложенія ненавистнаго Годунова; бояре призвали его для того, чтобы свергнуть Бориса“ ²⁾... „Чтобы избавиться отъ ига лютаго тирана (т. е. Бориса), говорилъ Шуйскій по низложеніи Самозванца, я подалъ руку Дмитрію, не разбирая его рода и племени“. Такимъ образомъ „цѣль была достигнута: царственный родъ Годуновыхъ истребленъ; для полнаго торжества боярской партіи оставалось низложить самого Лжедмитрія. Оба заговора Шуйскаго несомнѣнно имѣютъ въ виду именно эту послѣднюю цѣль. Первая неудача научила заговорщиковъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе и выждать самой удобной минуты для своихъ дѣйствій ³⁾. Такая минута дѣйствительно и представилась въ разгаръ свадебныхъ пиршествъ, когда Лжедмитрій, увлеченный весельемъ, былъ до крайности безпеченъ и когда наглое и буйное поведеніе поляковъ озлобило противъ нихъ русскій народъ“ (116—117). Въ самомъ заговорѣ авторъ видитъ „лишь дѣло небольшой боярской партіи, сообщниковъ Шуйскаго“ (118 ⁴⁾).

Отсюда ясно, что въ настоящемъ освѣщеніи разсматриваемаго вопроса авторъ примыкаетъ къ тому мнѣнію, которое впервые было высказано еще кн. Щербатовымъ ⁵⁾ и затѣмъ поддержано и проведено въ исторіи Соловьева, а именно, что появленіе Д. Самозванца есть дѣло бояръ, всецѣло направленное противъ ненавистной имъ власти Бориса Годунова ⁶⁾.

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: «По словамъ одного хронографа (Изборн. Попова, с. 228), Лжедмитрій хотѣлъ всѣхъ православныхъ «побити». Кого бы онъ сталъ обращать въ католичество?» (с. 99, примѣч.).

²⁾ Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозванцѣ, I, 52 (Буссовъ). О склонности нѣк. бояръ къ кор. польскому см. выше, а также донес. венец. Гритти, 1586 г., на основаніи сообщеній Посевина (Le Saint Siège, la Pologne et Moscou, 1582—1587., р. le P. Pierling, 175).

³⁾ Прощеніе Шуйскихъ было личнымъ дѣломъ Дмитрія (Собр. госуд. грам., II, 261).

⁴⁾ Въ грамотѣ, разосланной по областямъ, Шуйскій говоритъ, что Самозванецъ погибъ, но какъ погибъ?—объ этомъ ни слова (Соловьевъ, VIII, 162).

⁵⁾ Рос. исторія, XIII, 207.

⁶⁾ «Соловьевъ, по словамъ Казанскаго, не досказалъ своего взгляда на перваго Лжедмитрія. Онъ называетъ его также Гр. Отрепьевымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ того, чтобы онъ былъ обманщикъ, а признаетъ, его человѣкомъ *впривидимъ*, что онъ есть Дмитрій. Рождается вопросъ, какъ же могъ Гр. Отрепьевъ вѣрить, что онъ былъ Дмитрій?» (Рус. Вѣст. 1877, № 8, с. 463—64)—замѣчаніе весьма вѣское, но легко впрочемъ устраняемое, если признать заявленія того же Казанскаго, что «теперь рѣдко можно встрѣтить интересующаго русскою исторіей человѣка, который бы признавалъ, что первый Лжедмитрій былъ Г. Отрепьевъ» (464). Между тѣмъ

По поводу изложеннаго эпизода авторъ коснулся самыхъ источниковъ, сообщающихъ о немъ, и въ этомъ вопросѣ пришелъ къ тому же выводу, какъ и авторъ разсмотрѣннаго нами выше сочиненія,—о несомнѣнномъ вліяніи официальныхъ источниковъ на мнѣнія и взгляды современныхъ лѣтописцевъ. „Сказанія эти, говоритъ онъ, дышатъ непримиримою ненавистію къ Лжедмитрію и стараются возвести на него множество явно несправедливыхъ обвиненій,—такимъ свидѣтельствамъ нужно вѣрить съ осторожностію и осмотрительностію. Во вторыхъ, откуда наши хронографы и сказанія почерпаютъ свои свѣдѣнія о боярской рѣзнѣ? *Всѣ—изъ одного источника*—показанія Бучинскихъ, къ которому относятся съ полною вѣрою, потому что считаютъ Лжедмитрія способнымъ на всякое злодѣйство; *многія изъ сказаній вполнѣ воспроизводятъ* обвиненіе, высказанное Бучинскими противъ Самозванца“¹⁾. Но, прибавляетъ тотъ же авторъ, „во всѣхъ сказаніяхъ есть одна черта, заслуживающая вниманія—ясное указаніе на то, что Самозванецъ до своей свадьбы рѣшительно ни чѣмъ не выразилъ своей особенной привязанности къ римской церкви“ (118—120).

Подтверженіемъ этого служить, какъ категорическій отвѣтъ, данный Д. Самозванцемъ польскимъ посламъ на ихъ требованіе о

самъ Казанскій, отстаивая прежнее мнѣніе, прибѣгаетъ къ фикціи, а именно, что Гр. Отрепьевъ не былъ сынъ Богд. Отрепьева, но *побочный сынъ какаго либо знатнаго лица*, приписанный къ семейству Отрепьева, чтобы дать ему имя (*ibid.* № 9, стр. 29—31); какъ поступаетъ и Вичинъ, полагающій, что изъ Москвы уѣхалъ одинъ Самозванецъ, подставленный боярами, а изъ Польши явился другой, выставленный поляками (Рус. Арх. 1886, II, 549—550). При этомъ, напрасно Казанскій исправляетъ сообщеніе Маржерета о раннемъ появленіи (1600) въ Польшѣ Д. Самозванца (*ib.*, № 8, с. 498—500), такъ какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и бывший въ Москвѣ Масса (75, 85, 102), и даже русскія извѣстія (Соловьевъ, VIII, 93). Съ другой стороны, Казанскій замѣчаетъ: «Въ сказаніи Массы и А. Палицына есть указаніе, что попытки уяснить (подробности о Самозванцѣ) были, но почему либо признано нужнымъ *умолчать* объ нихъ» (№ 9, с. 27). Отвѣтъ Соловьева Костомарову на сдѣланное ему, по существу его мнѣнія, возраженіе (Рус. Арх. 1868: Замѣтки о самозванцахъ въ Россіи, стр. 271—273). Къ такимъ «убѣжденнымъ» самозванцамъ Соловьевъ относитъ и Лубу. Любопытно показаніе (1641 г.) о послѣднемъ Матвѣя Сосновскаго, провинившагося въ кражѣ въ Томскѣ, «какъ онъ былъ въ Польшѣ въ Брестъ-Литовскомъ и учился вѣстѣ грамотѣ и въ то же время называли поляки изъ учениковъ одного человѣка московскимъ царевичемъ и хотѣли идти, какъ онъ выростетъ, къ Москвѣ съ силою» (Зап. Рус. Арх. общ. по отд. русс. и слав. арх., II, 19). О Лубѣ см. Діаріушъ иг. Аѳ. Филипповича, его наставника (Рус. ист. Библ., т. IV, с. 82—107).

¹⁾ Иное сказ. о Самозванцѣ (Врем. М. О. И., т. XVI, 46—47); Сказаніе еже содѣяся, (Чт. М. О. И. 1847, № 9, с. 22—23); Изборн. Попова, 273. Понятно, почему Я. Бучинскій устранялъ себя отъ участія въ замыслахъ, приписываемыхъ Дмитрію (Масса, 207).

допущеніи въ Московское госуд. католическаго духовенства и позволеніи строить церкви („церквей латинскихъ и іезуитовъ не хочу“¹⁾); такъ и мнѣніе римской куріи о его дѣятельности, высказанное уже послѣ его смерти. По поводу слуха о спасеніи Дмитрія Самозванца кард. Боргезе писалъ папскому нунцію въ Польшѣ: „Начинаемъ вѣрить, что Дмитрій живъ; но такъ какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды, чтобы онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи. Бѣдствія должны бы побудить его къ оказанію знаковъ истиннаго благочестія; но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства“ (125—126²⁾).

Ө. И. Успенскій, въ своемъ разборѣ труда о Пирлинга (рецензентъ пользовался лишь 1-мъ изд., Л. 1877; 2-е Р. 1878, значительно переработано, пополнено и снабжено обширными приложеніями), замѣтилъ: „Словомъ, Самозванецъ старался встать къ Риму въ тѣ отношенія, которыя ему были предписаны его настоящимъ положеніемъ и московскими традиціями; въ Римѣ же повидимому забывали это послѣднее, а помнили лишь легкомысленныя обѣщанія искаателя престола“³⁾. Такъ, Д. Самозванецъ, при посредствѣ папы задумывалъ вступить въ близкія сношенія съ европейскими державами⁴⁾; намъ приходилось уже упоминать о взглядахъ Д. Самозванца на свою власть⁵⁾, которые привели его къ разрыву съ Сигизмундомъ III и вызывали неудовольствіе въ окружающихъ⁶⁾. Въ свою очередь

¹⁾ Соловьевъ, VIII, 143. Тоже сообщаетъ и рус. лѣтопись, но съ недоумѣніемъ и обвиненіемъ Дмитрія въ коварствѣ (Никон. Лѣт. VIII, стр. 73; Лѣт. о мятеж., 99; Нов. Лѣт., 73). Допущеніе имъ уніи съ римскою церковью г. Левитскій относитъ лишь къ началу его царствованія (124).

Отвергая указанное предложеніе относительно распространенія католичества, Д. Самозванецъ думалъ вообще отдѣлаться отъ обязательствъ (какъ отдача Сѣверской земли, помощь противъ Швеціи) деньгами (О поискахъ моихъ въ Позн. библ., О. М. Водянскаго, Чт. М. О. И., годъ I, № 1, с. 35—36). Въ донесеніяхъ того же S. de la Blaque (дек. 1605 г.) мы находимъ слѣд. любопытное мѣсто: «Le Demetrius est paisible en Moscovie apres avoir escarte une nouvelle conspiration contre sa personne, et exterminé soixante et dix familles principales, et fait profession de la Religion Grecque renvoyant les Jesuites en Poulongne» (Сборникъ Г. В. Форстена, 219). Значительныя суммы, отправленныя Д. Самозванцемъ въ Польшу, за исключеніемъ семьи Миньска, объясняются долгами, сдѣланными имъ для предстоявшаго его предпріятія (Масса, 161; Аделунгъ, II, 120).

²⁾ Соловьевъ, VIII, 210.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. ССХХV, сс. 330—331.

⁴⁾ Пирлингъ, прилож., стр. 168, 170.

⁵⁾ См. 1-ю статью гл. IV-ю, примѣч.

⁶⁾ Масса, 214. Я. Вучинскій (со словъ пановъ) писалъ ему: «И по твоей де той великой спеси и гордости, подлинно тебя Богъ сохпаетъ съ столицы твоей» и т. д. (Собр. госуд. грам., II, № 121, с. 259).

Пирлингъ по этому поводу замѣчаетъ: „Удача бываетъ часто гораздо опаснѣй, чѣмъ несчастье.... Власть ослѣпила его и увлекла на фатальный путь. Между тѣмъ, какъ царь вполнѣ отдался грезамъ о счастіи и радостяхъ, Павелъ V писалъ письма, датированныя мѣсяцемъ апрѣлемъ. Одно мѣсто въ этихъ письмахъ даетъ понять, что въ Римѣ сознавали необходимость сказать строгое слово тому, къ которому доселѣ относились какъ къ представляющему самыя утѣшительныя гарантіи за будущее. Въ Римѣ знали однако не всю истину. Въ Дмитріѣ мало по малу совершилась печальная и радикальная перемѣна.... Горячую ревность неопита во время похода смѣнилъ теперь холодный расчетъ политика, который думаетъ воспользоваться религіей только какъ средствомъ.... Въ Москвѣ стало еще хуже. Онъ не только вполнѣ удалилъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ...., но и окружилъ себя совѣтниками—еретиками, пользовавшимися всѣмъ его довѣріемъ.... Соединяя низость съ лицемеріемъ, онъ ласкалъ вниманіемъ папу и короля, когда того требовали обстоятельства; но, сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, съ презрѣніемъ говорилъ о священной главѣ церкви и замышлялъ пагубныя намѣренія противъ Сигизмунда III.... Слишкомъ балуемый счастіемъ, Дмитрій впалъ въ несносную гордость. Онъ имѣлъ такое преувеличенное мнѣніе о своей мудрости, справедливости и могуществѣ, что, считая себя выше всѣхъ другихъ государей, думалъ, что онъ призванъ наполнить міръ шумомъ своей славы и поразить однимъ ударомъ, какъ новый Геркулесъ, страшнаго врага, знамя котораго съ береговъ Босфора угрожало самымъ отдаленнымъ провинціямъ Европы.... Трудно удержаться отъ догадки, которая здѣсь приходитъ на умъ: въ этомъ сластолюбивомъ и гордомъ чловѣкѣ есть что-то напоминающее героя опричины“¹⁾.

Въ связи съ указанными фактами стоитъ вопросъ объ императорскомъ титулѣ. Вопросъ этотъ не былъ совершенною новостью въ исторіи русской дипломатіи и, кромѣ того, имѣлъ большую важность въ глазахъ поляковъ. Уже въ договорѣ Россіи съ Даніей 1493 г. Иванъ III называется „totius rutzcie Imperator“²⁾; въ нѣмец. грам. импер. Максимилиана I (1514) вел. кн. Василій Ивановичъ именуется „Kaysar und

¹⁾ Pierling, p. 141—142.

²⁾ Два посольства при Иванѣ IV Васил. (Рус. Вѣст. 1887, № 7, с. 92).

Herscher aller Reussen“, а въ латинской грам. Альбрехта Бранденбургскаго (1517)—„Imperator ac Dominator totius Russiae“¹⁾. Папа Юлій III обращался къ Ивану IV такъ: „Universorum Ruthenorum Imperatori“; англійская корол. Марія и супругъ ея Филиппъ писали Ивану IV, а кор. Елисавета ему же и сыну его Ѳедору—„Imperatori totius Russiae“, „The Emperor of Russia“ (писался такъ и самъ Иванъ IV), въ обращеніи же свосмъ называла Ивана IV „Lord Emperor“²⁾. Ѳедоръ Ивановичъ писался иногда „Imperator“³⁾; но Иванъ Грозный, постоянно ссылавшійся на свое происхожденіе отъ имп. Августа (теорія эта усердно пропагандировалась писателями XVI и XVII вв.), титуловалъ себя также „Dominus Caesar“⁴⁾. Мало этого: употребленіе императорскаго титула распространяется и въ обществѣ⁵⁾. Такимъ образомъ, требованія Димитрія имѣли извѣстныя основанія: теперь была составлена историческая записка о правахъ его на этотъ титулъ⁶⁾, а въ своихъ притязаніяхъ онъ постоянно опирается на примѣръ предшественниковъ⁷⁾.

Но эти притязанія въ средѣ извѣстной части книжниковъ вызвали неудовольствіе⁸⁾, какъ нѣкогда и Псковской лѣт. отнесся съ негодованіемъ къ принятію царскаго титула Иваномъ Грознымъ⁹⁾. Другіе мотивы руководили, конечно, Сигизмундомъ III, не слушавшимъ въ этомъ случаѣ даже настояній папы; но и онъ въ настоящемъ дѣлѣ слѣдовалъ традиціи. Уже въ 1553 г. Сигизмундъ-Августъ заявлялъ

1) На грамоту Максимилиана I, въ подтвержденіе своихъ правъ, ссылался Иванъ Грозный (Соловьевъ, VI, 171), а потомъ Петръ В., при которомъ грам. Максимилиана и Альбрехта были напечатаны (Памятн. диплом. снош., II, 1433—1448).

2) Исторія титула государей Россіи, А. Лакіера (Журн. Мин. Нар. Просв. 1847, ч. LVI); О значеніи царскаго титула, Д. Н. Прозоровскаго (Изв. Арх. Общ., т. VIII, 459—460, 463, 474—77); Россія и Англія 1553—1593, собр. грамотъ, изд. Ю. В. Толстымъ, Спб. 1875.

3) Hist. Russ. monum., II, 24.

4) Ibid., I, 269.

5) См. письмо итальянца (Рус. историч. Библ., т. VIII, № 8, с. 64 и д.). На Западѣ принятіе Иваномъ Грознымъ титула царя также отождествлялось съ понятіемъ *цезаря* (Fiedler, Sitzungsber., XI, 108—116); а Текандеръ свидѣтельствуетъ о распространеніи импер. титула между русскими (Два сватовства, Чт. М. О. ист. 1867, IV, предисл., с. viii).

6) Пирлингъ, прилож., стр. 217—218.

7) Въ инстр. Бучинскому къ нунцію К. Рангони читаемъ: «Ut il-mus Legatus Sac. R. M. exponat nos male habere denegatum nobis a S. S. titulum Caris; in aliquot enim suis etiam per modernum Nuncium ad nos datis literis non nisi Gubernatorem sive Gospodarem nos nominat, cum certo nobis constet, nos Dei gratia non modo Carem verum etiam Caesarem, seu Imperatorem esse; uti et Sanctiss. Pater et Imperator Romanus antecessores nostros piae memoriae titulo Caesaris insignire solebant; ac proinde nostro nomine apud S. S. id evincat». (ib., 168, 217).

8) Иное сказаніе, 33; Палицынъ, 28; протестъ дьяка Осипова (ibid. 29).

9) П. С. Рус. лѣт., т. IV, 307.

патѣ слѣдующее: „*Намъ* особенный и народа *нашего* интересъ, чтобы *московитъ* никогда не получилъ королевскаго титула.... *Навѣрное* можно опасаться, что если московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, *то русскіе, находящіеся въ нашей власти*, воспользовавшись какимъ либо маловажнымъ поводомъ и подстрекательствомъ, будутъ стараться отпасть отъ насъ къ нему, какъ къ патрону и исповѣднику ихъ обряда, въ особенности, если увидятъ расположеніе къ нему папы и какъ бы одобреніе его догматовъ.... Ибо для русскихъ тяжело и невыносимо повиноваться королямъ не православнаго закона, гдѣ они не пользуются тѣми же правами, какъ исповѣдники латинскаго обряда“ ¹⁾. Опасенія эти постоянно давали себя чувствовать въ сношеніяхъ Россіи съ Польшею ²⁾. И Польша всегда стояла на стражѣ сношеній Россіи съ Римомъ, а когда послѣдній рѣшался на болѣе дѣятельное участіе въ нихъ, то вынужденъ былъ даже прибѣгать къ такому средству, какъ отправка посла въ Москву черезъ Швецію ³⁾.

III.

Вторая половина монографіи г. Левитскаго посвящена „отношеніямъ Д. Самозванца къ православной церкви“ (129). Выходя изъ той точки зрѣнія, что Д. Самозванецъ былъ еретикъ и ревнитель латинства, а въ отношеніи къ православной церкви поступалъ какъ второй Юліанъ, современники его въ каждомъ его поступкѣ и дѣйствіи видѣли „нѣчто недоброе“. Вотъ почему, по замѣчанію г. Левитскаго, въ исторіи этихъ отношеній мы знаемъ „исключительно лишь темныя стороны“, „какъ будто въ этихъ отношеніяхъ дѣйствительно не было ни одной доброй черты“ (129).

Возвращая противъ такого взгляда, изслѣдователь безусловно отвергаетъ мнѣніе, что вновь поставленный патр. Игнатій былъ склоненъ къ латинству, какъ ни на чемъ не основанное ⁴⁾. Самое *назначеніе* Игнатія

¹⁾ Fiedler, loc. cit.

²⁾ Соловьевъ, VI, 163--165, 254.

³⁾ Rome et Moscou, p. Pierling, 131—132.

⁴⁾ Подробнѣе обстоятельства жизни патр. Игнатія изложены авторомъ въ его статьѣ: «Игнатій, назван. патріархъ» (Странникъ 1881, III, 197 и 199). На лѣтописной точкѣ зрѣнія стоятъ авторъ статьи, напечат. въ Чт. М. О. ист. (годъ III, кн. VIII), м. Макарій и др.

патріархомъ, помимо собора русскихъ святителей, авторъ ослабляетъ бывшими до того примѣрами личнаго назначенія митрополитовъ (131—136). Точно также, доступъ, открытый въ русскіе храмы пришлымъ въ Москву полякамъ, вызывался обстоятельствами времени (какъ свадьба и коронованіе Марины), а не умышленнымъ намѣреніемъ Димитрія нанести оскорбленіе церкви. Притомъ отдѣльные случаи допущенія иновѣрцевъ (католиковъ) въ храмы существовали и ранѣе (напр. при Иванѣ Грозномъ). По дневнику же Марины (Сказ., изд. Устряловымъ, II, 157) поляковъ пустили въ церковь немного и пустили разумѣется тѣхъ, которые находились въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ царскою невѣстою, а эти лица принадлежали къ католическимъ семействамъ (139¹). Иное дѣло поведение самихъ поляковъ при посѣщеніи храмовъ; но ихъ поступковъ не могъ одобрить и Д. Самозванецъ. Впрочемъ, авторъ думаетъ, что впоследствии сами поляки приписали ему такіа дѣйствія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ (140—142). Между прочимъ, когда послы Сигизмунда потребовали, чтобы имъ дано было мѣсто для сидѣнья въ церкви во время коронованія Марины, Д. Самозванецъ отвѣчалъ имъ, что у русскихъ нѣтъ обычая сидѣть въ церквахъ; однако, по окончаніи церемоніи, послы отошли въ сторону и сѣли²).

Гораздо существеннѣе представляется обвиненіе Самозванца, что

Замѣчательно, что патр. Никонъ въ домовой церкви своихъ палатъ помѣстилъ портреты всѣхъ *шести* русскихъ патріарховъ, бывшихъ до него, слѣд. и Игнатія, и свой собственный. И въ недѣлю православія при Никонѣ поминались всѣ шесть патріарховъ и гѣли имъ вѣчную память (Макарій, XII, 295 и 296). «Игнатія считали современники патріархомъ, а не лжепатріархомъ, хотя и признали потомъ еретикомъ» (ib. X, 122—123).

¹) Русскіе говорятъ, правда, что въ церковь вошли «и люторы и кальвинисты» (Сказ. еже содѣяся, 22); но и Марина не разъ называется у нихъ «люторкою», «дѣвкой люторской вѣры» и даже «люторкою бесерменной вѣры» — понятія очевидно несовмѣстимы, (ibid., 21; Иное сказаніе, 32); Ак. Арх. экспед., т. II, № 67, с. 155.

Попытка датск. кор. Христіана IV (1552) склонить Ивана Грознаго въ пользу лютеранскаго ученія не могла имѣть успѣха (см. ст. И. Снегирева, Сборн., изд. М. О. ист., IV, с. 117 и д.), а затѣмъ лютеранамъ воспрещенъ былъ и входъ въ греческія церкви (Левитскій, 138—139). Борьба съ Литвою и Ливоніей при Иванѣ Грозномъ создала ему славу небывалаго тирана, перешедшую и въ исторію, какъ видно изъ современной публицистической литературы (см. Польская и нѣмец. печать о войнѣ Баторія съ Иваномъ Грознымъ, по рукоп. И. Пуб. библ., В. Г. Васильевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1889, №№ 1 и 2; ср. также многочисл. диплом. док. въ сборн. Г. В. Форстена); но уже одинъ современникъ итальянецъ, Дж. Тедалди, жившій долго въ Москвѣ, сообщалъ Посевину, что въ Польшѣ и Литвѣ распространены *преувеличенные* слухи о жестокости Ивана Грознаго (Pierlieng, Un ponce du Pape en Moscovie, P. 1884, прил. VIII-е).

²) Сказанія, изд. Устряловымъ, II, 220—221; I, 186.

онъ обошелъ вопросъ о крещеніи Марины въ православную вѣру, ограничившись лишь помазаніемъ ея св. муромъ¹⁾ и въ этомъ вина одинаково падаетъ какъ на него, такъ и на патр. Игнатія. „Но гдѣ же, спрашиваетъ авторъ, въ церк. правилахъ есть повелѣніе подвергать вторичному крещенію католиковъ, переходящихъ въ прав. церковь? Даже русская церковь не знала такого правила до патр. Филарета“. И Маржеретъ, современникъ Самозванца, притомъ долго жившій въ Москвѣ, хотя и говоритъ, что католики презираются русскими, однако замѣчаетъ, что ихъ увольняютъ отъ втораго крещенія. Въ средѣ самихъ рус. архіереевъ были такіе, которые не считали нужнымъ требовать перекрещиванія латинянъ, какъ напр. крут. митр. Іона, мѣстоблюститель патр. престола послѣ Гермогена. Уже по смерти Д. Самозванца русскіе (по свид. Велевицкаго) принимали католиковъ въ свою вѣру *не иначе*, какъ окрестивъ ихъ по своему обряду²⁾; но это, по замѣчанію г. Левитскаго, было плодомъ ближайшаго знакомства нашихъ предковъ съ поляками (145—146); а митр. Іона „былъ осужденъ за свою снисходительность уже съ точки зрѣнія строгихъ постановленій патр. Филарета, которыя раньше, конечно, не могли имѣть значенія обязательныхъ законовъ“³⁾. Такимъ образомъ и всѣ лѣтописцы смотрятъ на освобожденіе Марины отъ крещенія съ точки зрѣнія постановленія *собора 1620 г.*, слѣдовательно не безпристрастно (146⁴⁾). И авторъ скорѣе склоненъ обвинять въ данномъ

1) Патриархъ Филаретъ признавалъ однако, что Марина присоединена къ прав. церкви муропомазаніемъ.

2) Прилож. къ зап. Жолкевскаго, 189.

3) Ант. патр. Макарій, по вопросу о перекрещиваніи латинянъ, писалъ патр. Никону слѣдующее: «Кальвинистовъ и лютеранъ должно перекрещивать, потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинства и т. д. А латинянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ семь таинствъ... Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ... Мы признаемъ ихъ священство...; также должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики, а схизма не творитъ человѣка невѣрнымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ Ефесскій, противникъ латинянъ, никогда не требовалъ перекрещиванія ихъ и признавалъ крещеніе ихъ правильнымъ» и пр. (Макарій, XII, 196—197).

4) Казанскій замѣчаетъ: «Филаретъ участвовалъ во всѣхъ церемоніяхъ бывшихъ при Д. Самозванцѣ, и въ вопросѣ о томъ, крестить ли Марину прежде вѣнчанія, *не присталъ* къ строгому мнѣнію Гермогена и Іосифа Коломенскаго, хотя послѣ самъ сдѣлалъ постояннымъ правиломъ присоединять католиковъ къ православію черезъ крещеніе» (Рус. Вѣст., 1877, № 10, с. 480—481). Въ XVI в. и въ Польшѣ стали было требовать перекрещиванія русскихъ, но это требованіе вызвало и возраженія (Н. Н. Любичъ, Ист. реформ. въ Польшѣ, с. 75).

случаѣ соборъ русскихъ іерарховъ, на рѣшеніе которыхъ былъ предложенъ настоящій вопросъ „за угодливость ихъ свѣтской власти“, нежели Д. Самозванца „за поруганіе православія бракомъ съ непорочной католичкой“ (146—147).

Точно также авторъ смягчаетъ суровый приговоръ, произнесенный надъ Д. Самозванцемъ за совершеніе свадьбы наканунѣ пятницы и дня св. Николая, т. е. 8 мая (Иное сказаніе, нѣкоторые хронографы), а равно и недоумѣнія, высказанныя по этому поводу нѣкоторыми историками (Жарамзинъ, Соловьевъ и Костомаровъ). Нашъ авторъ думаетъ объ этомъ иначе. „Насколько намъ извѣстно, говоритъ онъ, въ русской церкви до *смутнаго времени* не существовало опредѣленнаго и точнаго постановленія, въ какіе именно дни бракъ могъ быть совершаемъ. Изъ обычая, практики и постановленій церкви греческой было взято рѣшительное запрещеніе совершать браки въ посты (особенно великій) и только“ (149). Въ подтвержденіе настоящаго мнѣнія онъ приводитъ примѣры изъ XVI в., показывающіе, что браки совершались въ четвергъ, и постановленіе полов. XVII в.— о дозволеніи совершать браки въ этотъ день. „Наши свѣтскіе историки, прибавляетъ авторъ, смотрятъ на это дѣло съ точки зрѣнія существующаго теперь порядка и обычая, забывая, что нынѣ дѣйствующій законъ, запрещающій совершать браки наканунѣ постныхъ дней и великихъ праздниковъ, въ число которыхъ включенъ и праздникъ св. Николая (9 мая), относится ко 2-й половинѣ XVIII в. и вызванъ существовавшимъ тогда разногласіемъ въ церковной практикѣ“ (151—152¹). По этому вполне вѣроятно предположеніе автора, что обвиненіе современныхъ лѣтописцевъ исходило собственно изъ того, что брачное торжество сопровождалось необычными для русскихъ ликованіями и потѣхами. Вотъ почему въ первый день, во избѣжаніе соблазна, Д. Самозванецъ даже отмѣнилъ музыку (151—153²).

Другія обвиненія, болѣе мелочнаго свойства, авторъ не считаетъ существенными съ точки зрѣнія церковной вообще, но имѣвшими лишь значеніе по тому времени. Онъ признаетъ вполне справедливымъ отзывъ Маржерета, что Д. Самозванецъ вообще исполнялъ

¹ Объ особенномъ честв. св. Николая русскими см. у Массы (214) и др. Москвитяне были въ особенности недовольны пирами въ этотъ день (193).

² Во дворцѣ дѣлались приготовленія для маскарада (Масса, 197); а маски были приняты потомъ за изображенія боговъ (200); о маскѣ, брошенной на трупъ Димитрія (Буссовъ, 72).

церковные обряды ¹⁾. „Посты онъ вообще исполнялъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ и *описаніе обѣдовъ въ постные дни*, и настойчивое требованіе его, чтобы Марина постилась въ среду вмѣсто субботы“ (156—157 ²⁾). Точно также, отправляя львовскому братству на постройку храма соболей на 300 руб., въ грамотѣ своей онъ писалъ: „да созиждется храмъ сей въ утвержденіе истинной нашей непорочной христіанской вѣры и въ прибѣжище православнымъ христіанамъ“ ³⁾. Вообще, замѣчаетъ авторъ, Лжедмитрій при жизни не казался такимъ „злымъ еретикомъ“, „богоотступникомъ“, какимъ выставляютъ его *послѣ смерти его враги*, устроившіе ему погибель (162 ⁴⁾).

Весьма важнымъ обличеніемъ противъ Д. Самозванца было бы его „гоненіе“, направленное противъ лицъ высшей духовной іерархіи; но, разобравъ всѣ данныя, относящіяся къ указаннымъ случаямъ, авторъ не видитъ въ нихъ ни преднамѣренности, ни жестокости. Такъ, случай насильственного низведенія патр. Іова съ патриаршества представляется не исключительнымъ и не единственнымъ въ нашей исторіи (мм. Данилъ, Іоасафъ, Діонисій, архіеп. Варлаамъ). „При изложеніи Іова, какъ сторонника Годунова, никто и не видѣлъ въ немъ страдальца за вѣру; такимъ онъ явился уже *послѣ* того, какъ Лжедмитрій былъ признанъ самозванцемъ и еретикомъ“ (165). Притомъ „лишеніе престола Іова оказывается единственнымъ случаемъ такого рода, за который можно упрекнуть Лжедмитрія. На другіе подобные факты нѣтъ указаній и такихъ фактовъ не было“; такъ какъ

¹⁾ Онъ имѣлъ православнаго духовника (Макарій, X, 112). Лѣтописецъ выражается: «показался благъ и благочестивъ» (И. С. Р. лѣт. V, 57). Духовные витіи привѣтствовали его благочестіе не только вначалѣ, но и въ 1606 г. (Левитскій, 160—161). «По рожденію и воспитанію Лжедмитрій былъ русскій, православный. Никто изъ москвичей не признавалъ въ немъ иностранца, а на оборотъ всѣ видѣли въ немъ великорусскаго грамотѣя... Все ему было извѣстно въ ней: языкъ, нравы, обычаи, характеръ народа» (ibid. 21). Сообщеніе Чиржовскаго іез. провинціала въ Польшѣ о занятіяхъ Дмитрія на пути въ Москву (Пирлингъ, 205—208) вполне опровергаетъ сообщеніе Вассенберга о семилѣтнемъ пребываніи его въ іез. школахъ (Gesta Vladislai, IV, p. 14).

²⁾ См. внушительную инстр. его секретарю Я. Бучинскому относительно Марины, адресованную къ нуцію Кл. Рангони (Пирлингъ, 167—168). Марина была обучена и московскимъ обычаямъ (Масса, 179).

³⁾ Собр. госуд. грам., II, № 130.

⁴⁾ Припомнимъ, что съ такимъ-же негодованіемъ относятся къ реформамъ Бориса, къ сближенію съ Западомъ, распространенію брадобритія и т. п. современные писатели—его противники (Палицынъ, стр. 20). Между тѣмъ о распространеніи брадобритія въ XVI в. говоритъ уже въ своихъ обличеніяхъ м. Данилъ. Ср. письмо И. Куріанова къ ред. Москвитян. (1853, № 8, с. 131—о бритвѣ бородъ даже крестьянами при В. Годуновѣ и Михаилѣ Федоровичѣ).

„ко времени вѣнчанія Шуйскаго на царство въ Москвѣ изъ русскихъ пастырей не доставало только казан. м. Гермогена, высланнаго въ епархію; всѣ остальные были тѣ же, что и до Лжедмитрія, кромѣ вновь посвященнаго (при немъ) м. ростовскаго Филарета“ (167—168). Изъ членовъ духовнаго собора—двое, м. Гермогенъ и архіеп. колом. Іосифъ, требовавшіе переименованія Марины, нисколько не потерпѣли, такъ какъ Гермогенъ былъ высланъ лишь въ свою епархію, а Іосифъ совсѣмъ оставленъ въ покоѣ (169¹). Не былъ тронутъ и астр. архіеп. Θεодосій, обличившій Дмитрія въ самозванствѣ (171²).

Мало этого. Авторъ находитъ, что вообще Д. Самозванецъ относился къ духовенству съ почтеніемъ и уваженіемъ. „Всѣмъ архіереямъ Самозванецъ далъ самыя первыя мѣста въ государственной Думѣ... При всякомъ выдающемся, торжественномъ случаѣ приглашалъ къ участію и русскихъ пастырей. Важныя дѣла онъ передавалъ на ихъ разсмотрѣніе“ (172³). Понятно, что авторъ уже совершенно отвергаетъ, какъ голословныя, показанія нѣкоторыхъ источниковъ о предполагавшемся гоненіи противъ монаховъ и совершенномъ уничтоженіи монастырей; онъ указываетъ, напротивъ, на подтвержденіе послѣднимъ прежнихъ привилегій и выдачу новыхъ (175⁴).

При всемъ томъ, мы не можемъ согласиться въ настоящемъ случаѣ съ окончательнымъ выводомъ автора. Существуетъ показаніе весьма компетентнаго свидѣтеля (Буссова), что Д. Самозванецъ распорядился произвести опись монастырскихъ имуществъ и подвергнуть ихъ секуляризаціи. Какъ извѣстно, вопросъ объ ограниченіи церковной собственности, поднятый еще при Иванѣ III, не былъ новостью въ Россіи, и Иванъ

1) Заточенія Гермогена въ монастырь, какъ принимаетъ даже Соловьевъ, не было (171) и вообще отношеніе Самозванца въ этомъ дѣлѣ авторъ находитъ «въ высшей степени снисходительнымъ» (170—171).

2) Впрочемъ, быть можетъ, справедливѣе взглядъ г. Платонова, который видитъ въ «житіи Θεодосія» легендарный рассказъ, притомъ обильный анахронизмами (Сказанія, 296—297). Любопытно въ рассказѣ лишь то, что Θεодосій говорилъ такъ: «знаю, что ты называешься царемъ, но *прямое твое имя Богъ есть*» (Левитскій, 171; ср. Іерархія Астр. еп., Пл. Любарскаго, Чт. М. О. ист. 1848, VI, 65—66)—быть можетъ самое вѣроятное изъ всѣхъ мнѣній, при настоящемъ состояніи источниковъ.

3) Любопытна картина, изображ. приемъ польскаго посольства, въ которомъ участвовали свѣтскіе и духовные чины (см. въ Труд. Моск. Арх. общ., т. IV, прилож., съ историч. объясн. гр. А. С. Уварова).

4) Пр. Макарій, не отличающійся вообще снисходительностью къ Д. Самозванцу, выражается однако: «Самозванецъ благодѣтельствовалъ и православнымъ архіереямъ, и обителямъ» (т. X, 113); ср. Соловьевъ, VШ, 146.

Грозный поступалъ въ этомъ отношеніи не менѣе рѣшительно (Горсей), чѣмъ предполагалъ сдѣлать то Д. Самозванецъ, хотя тотъ же Иванъ Грозный одновременно съ тѣмъ много благотворилъ монастырямъ. Есть также указанія, что Д. Самозванецъ неоднократно пользовался монастырскими суммами ¹⁾, за что заслужилъ у нѣкоторыхъ писателей не менѣе рѣзкіе отзывы, чѣмъ Борисъ Годуновъ и потомъ В. Шуйскій, прибѣгавшіе въ необходимыхъ случаяхъ къ тому же средству ²⁾. Вотъ почему Шуйскому удалось такъ легко найти серьезную поддержку своему дѣлу отчасти въ духовенствѣ, но преимущественно среди монаховъ ³⁾. Такое объясненіе ни сколько не приторочиваетъ выводамъ автора, но оно будетъ ближе къ истинѣ.

Въ чемъ же заключается причина паденія, Д. Самозванца по мнѣнію нашего автора? „Самозванство Лжедмитрія, говоритъ онъ, — вотъ кажется первый и главный источникъ предубѣжденія противъ него и вражды къ нему. Самъ Лжедмитрій могъ подать поводъ къ недовольству имъ. Далекій отъ гоненій на православіе, онъ, однако, не былъ ревнителемъ старины, которая въ умахъ русскихъ людей являлась чѣмъ-то неприкосновеннымъ, божественнымъ... Лжедмитрій думалъ распространить въ Россіи западную цивилизацію; но такое дѣло, по мнѣнію *ревнителей старины*, грозило цѣлости вѣры... Окалоличеніе—вотъ что ожидало, по мнѣнію русскихъ, наше отечество въ цар. Самозванца... Трудно сказать, что вышло бы впоследствии изъ предприимчиваго, либеральнаго царя, зараженнаго иноземщиной, но несомнѣнно, что онъ для русскаго общества былъ челоуѣкъ, призывавшій его къ *новой жизни, къ новому пути*“ (178—180). И въ окончательномъ своемъ выводѣ, авторъ согласенъ съ Соловьевымъ, что „Лжедмитрій явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше“ ⁴⁾. „Онъ выступилъ съ новыми порядками тогда

¹⁾ Палицынъ, стр. 224; Извлеч. изъ арх. дѣлъ Кир. Вѣловер. м. (Труды Моск. Арх. общ. ист., т. VIII, с. 152—153). Также говоритъ и Массы (214).

²⁾ Палицынъ, 224—225.

³⁾ Буссовъ, 51—52.

⁴⁾ Исторія Россіи, IX, 425. Ср. замѣч. Массы (215).

Коснувшіеся характеристики Дмитрія, Казанскій главнымъ образомъ опровергаетъ отзывы Маржерета, какъ лица пристрастнаго (№ 10, с. 486—498); но онъ игнорируетъ отзывы Буссова (по изд. Устрялова, 49—50), признающаго его самозванцемъ, и Массы, крайне неблагосклоннаго къ нему (стр. 107, 172, 176—177, 182—206, 208), который, вопреки указанію Казанскаго (№ 9, с. 15), постоянно говоритъ о немъ какъ очевидецъ (209, 227, 250, 259); ср. также Аделунга (II, 120). Чирзовскій замѣчаетъ о Д. Самозванцѣ: «Memoriae est singularis, et ingenio peracuto» (Ширлингъ, прилож., 207).

еще, когда старина считалась неприкосновенною святынею и борьба съ ней была или преждевременна, или непосильна. Лжедмитрій самъ сдѣлался жертвою этой борьбы, можетъ быть, легкомысленно и безъ такта веденной. Впрочемъ его гибель была устроена путемъ *заговора* и *будто бы* для спасенія вѣры,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ глава возстанія—Шуйскій“ (180—181¹).

Таково мнѣніе автора. Но для насъ, съ точки зрѣнія исторической критики, не менѣе важно, каковъ долженъ быть выводъ относительно самыхъ источниковъ. А въ этомъ отношеніи заключеніе г. Левитскаго весьма близко сходится съ выводами г. Платонова. Такъ, разобравъ отношенія Д. Самозванца къ церкви и духовенству, онъ замѣчаетъ: „Если мы отбросимъ эту *предвзятую идею* лѣтописныхъ сказаній, то всѣ преслѣдованія Лжедмитрія, какія только ему приписываются, окажутся не имѣющими *никакого отношенія* къ вѣрѣ и церкви, и слѣдовательно не подлежащими нашему разсмотрѣнію“ (176); „но это-то и указываетъ, что свидѣтельства русскихъ людей XVII вѣка о Лжедмитріѣ *не отличаются должнымъ безпристрастіемъ* и отзываются полною ненавистью къ царю“ (160²).

Обличительное настроеніе, усвоенное русскимъ лѣтописаніемъ въ разсматриваемую эпоху, выразилось между прочимъ въ томъ, что о самомъ времени Д. Самозванца въ современныхъ сказаніяхъ почти не находится необходимыхъ фактическихъ данныхъ, а ихъ приходится искать въ правительственныхъ актахъ и сказаніяхъ иностранцевъ. Проникнутыя обличительнымъ характеромъ, русскія извѣстія отличаются главнымъ образомъ отрицательными чертами и пренебреженіемъ къ фактамъ, безъ которыхъ исторія обращается въ риторическое упражненіе на извѣстную тему.

Постараемся сдѣлать еще нѣсколько обобщеній. Изслѣдованіе г. Левитскаго съ успѣхомъ освѣщаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ смутнаго времени и тѣмъ самымъ вызываетъ иную постановку

1) Замѣчательно, что для успѣха, дѣла Шуйскому пришлось прибѣгнуть къ помощи новгородцевъ, псковитянъ и др. иногороднихъ людей (Масса, 193—194, 199). Народъ же, напротивъ, не зналъ о заговорѣ и думалъ, что поляки посягаютъ на жизнь царя (ib. 200; Буссовъ, 57, 59, 63); «но еслибъ заговоръ не удался, прибавляетъ Масса, то народъ перебилъ бы всѣхъ вельможъ и заговорщиковъ» (200). Ср. еще замѣчанія Казаискаго (Рус. Вѣст., № 10, с. 504).

2) Любопытно, что въ доношеніи 1755 г. противъ извѣстныхъ вольнодумцевъ Коржавиныхъ выставлялись ихъ свободныя рѣчи о Д. Самозванцѣ (Воронц. арх., Ш, 313).

другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, въ его трудѣ мы находимъ одинъ пробѣлъ, который считаемъ необходимымъ пополнить здѣсь: это отношеніе къ Д. Самозванцу протестантскихъ писателей. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ обошелъ этотъ вопросъ, но онъ недостаточно остановился на его выясненіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Вопросъ о томъ, кѣмъ былъ выдвинутъ Самозванецъ, принадлежитъ къ числу историческихъ проблемъ; историки до сихъ поръ не пришли къ соглашенію, кто именно виновенъ въ подстановкѣ Лжедмитрія. Многіе видѣли въ этомъ дѣлѣ работу ловкихъ и усердныхъ слугъ папы—іезуитовъ и обвиняли ихъ въ подготовкѣ и воспитаніи Самозванца для своихъ цѣлей—окатоличенія Московіи и подчиненія восточной церкви римскому престолу. Такого именно убѣжденія держались многіе *протестантскіе писатели*;¹⁾ современники Самозванца. Одни изъ нихъ утверждали, что Лжедмитрій—креатура іезуитовъ и слѣпое орудіе въ ихъ ловкихъ рукахъ. Не самъ онъ рѣшился принять на себя имя Дмитрія, а іезуиты почти страхомъ принудили его выдать себя за сына Грознаго, заставили идти въ услуженіе къ Вишневецкому и продѣлывать тамъ извѣстную комедію—притворяться больнымъ, призывать духовника и секретно объявлять ему о своемъ царскомъ происхожденіи. Другіе говорили, что іезуиты были главными руководителями Самозванца, давали ему приличныя наставленія, словомъ учили его лицедействовать и актерствовать. Такой взглядъ *протестантскихъ писателей* вовсе не былъ основанъ на какихъ нибудь несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ; онъ вытекалъ лишь изъ ихъ нерасположенности къ римской церкви и изъ предположенія (и почти убѣжденія), что только такіе коварные и несовѣстливые люди, какъ іезуиты, способны на такую фальшь, на такую поддѣлку. Но этотъ взглядъ уже ясно опредѣлялъ тонъ и дѣятельность Лжедмитрія, какъ пропагандиста католичества въ Москвѣ¹⁾. Въ нашей исторической литературѣ мысль о томъ, что Лжедмитрій былъ подготовленъ и воспитанъ

¹⁾ Любопытно, что первыя обвиненія Самозванца въ этомъ направленіи идутъ отъ протестантовъ же—Вучинскихъ, конечно послѣ гибели послѣдняго. Такимъ образомъ, они прямо отстраняли отъ себя обвиненіе въ замыслахъ Самозванца. И на сеймѣ 1606 г. одинъ польскій дворянинъ, доказывая необходимость изгнанія изъ Польши іезуитовъ, выражался о Дмитріѣ, какъ креатурѣ іезуитовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на ихъ планы относительно Россіи (Дух. Вѣст. 1864, №№ 41—44, сс. 216 и 261).

іезуитами, высказалъ и оставилъ довольно вѣскими доказательствами м. Платонъ (гл. 67 и 68), а потомъ Бицынъ (Н. М. Павловъ ¹). (Левитскій, стр. 7—8).

Какъ извѣстно, м. Платонъ позаимствовалъ это мнѣніе изъ Лексикона Гофмана, изд. въ Лейденѣ въ 1698 г., а ему послѣдовали м.м. Евгеній и Макарій ²) и нѣк. др. Иначе, какъ мы видимъ, смотрятъ на этотъ вопросъ свѣтскіе историки ³) и книга г. Левитскаго вполне подтверждаетъ мнѣнія этихъ послѣднихъ ⁴). Въ ней недостаетъ лишь объясненія другой стороны вопроса, почему въ данномъ случаѣ существуетъ такое полное согласіе между русскими и протестантскими писателями о Самозванцѣ, а оно также имѣетъ свои историческія основанія.

Время Д. Самозванца было эпохою католической реакціи на Западѣ. Потерпѣвъ весьма много въ предѣлахъ своей власти со времени реформаціи, Римъ старался возстановить прежнее свое вліяніе другими средствами.

Религіозная борьба, тянувшаяся въ теченіе всего XVI стол. въ Западной Европѣ, коснулась и двухъ, сосѣднихъ съ Россією, державъ Швеціи и Польши, и такимъ образомъ стала угрожать церковному единству Московскаго государства ⁵). Въ замѣвъ потерянныхъ земель въ Германіи, папскій престолъ стремится осуществить свои завѣтныя цѣли въ предѣлахъ Восточной Европы. Папа Григорій XIII, въ тѣхъ же интересахъ, основываетъ рядъ духовныхъ коллегій,

¹) Правда о Лжедмитріѣ (День, 1864, №№ 51 и 52; перепеч. въ Рус. Арх. 1886, II).

²) Ист. рус. церкви, т. X, с. 99—123. М. Евгеній допускалъ возможность, что Самозванцемъ былъ одинъ изъ посланныхъ при Борисѣ учиться за границу (Исков. письма къ В. Г. Анастасевичу (Рус. Арх. 1889, № 6, с. 234—235; № 7, с. 360); но м. Макарій къ личности Самозванца относится безразлично (с. 101).

³) Погодинъ, приводя мнѣніе м. Платона, допускаетъ его лишь условно (Отрывки, 310). Перечень мнѣній о Д. Самозванцѣ см. у Бестужева-Рюмина (Обзоръ, с. 96—98).

⁴) «Изъ писемъ Д. Самозванца, особенно изъ письма къ папѣ отъ 30 нояб. 1605 г. (Собр. гос. грам., II, № 107) и изъ послѣдняго письма у Пирлинга (171—172) никакъ нельзя заключить о католической ревности Д. Самозванца» (Бестужевъ-Рюминъ, Обзоръ, с. 108). Указатель докum., кас. этихъ сношеній и вновь напечатанныхъ см. у Пирлинга (с. xlv—xlvi).

⁵) Въ Западной Россіи по этому поводу, въ 1599 г., состоялось соглашеніе между православными и протестантами, въ интересахъ противодѣйствія католицизму (И. Чистовичъ, Очеркъ ист. западно-рус. церкви, II, 15—17). Заслуживаетъ вниманія, что на Западѣ защитники протестантизма со вниманіемъ слѣдили за религіознымъ движеніемъ въ Восточной Европѣ. Такъ Ол. Кромвель писалъ В. Хмельницкому, именуя его: «Вождемъ милостію генералиссимумъ греко-восточной церкви, вождемъ всѣхъ казаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель лямчичковъ, аммигариста и іудеевъ» (изъ сборн., издад. Инст. Осоловск. во Львовѣ, Киев. Стар. 1882, I, 212). Такое обращеніе вполне соответствуетъ личному настроенію Кромвеля (Гизо, Ист. англ. револ., II, с. 99—100).

въ которыхъ воспитывались бы молодые люди, предназначавшіеся для распространенія католицизма. Такъ, въ 1573 г. была преобразована германская коллегія; въ 1577 г. основывается коллегія для магометанъ, евреевъ и т. п.; въ 1579 г. возникаютъ коллегіи—англійская и венгерская въ Римѣ, гельветическая въ Миланѣ и еще ранѣе греческая (булла 1577 г.). Последняя получила весьма обширныя привилегіи и должна была готовить опытныхъ учениковъ для католической пропаганды „какъ въ Греціи, такъ и въ странахъ всего Востока“¹⁾. Вскорѣ за тѣмъ папскому нунцію въ Польшѣ поручено было отыскать 5 или 6 мальчиковъ въ Западной Россіи и столько же въ Московскомъ государствѣ отъ 12—18 лѣтъ, притомъ предпочтительно изъ *благороднаго* сословія и прислать ихъ въ Римъ; но на первыхъ порахъ пришлось ограничиться лишь двумя мальчиками изъ Западной Россіи, знавшими полатыни, и однимъ мальчикомъ изъ Московской Руси, 13 лѣтъ, *благороднаго* происхождения, хотя и признаннаго даровитымъ, но не умѣвшимъ ни читать, ни писать. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ во время ливонской войны²⁾. Съ другой стороны, въ цар. Ивана Грознаго и Ѳеодора велись оживленныя сношенія о политическомъ соединеніи Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, которыя должны были еще болѣе поддерживать эти виды папскаго престола.

Понятно, что появленіе Д. Самозванца въ Польшѣ, какъ нельзя болѣе соответствовало пламеннымъ желаніямъ и надеждамъ Рима. И религіозный вопросъ играетъ весьма важную роль, какъ въ судьбѣ

1) Въ другихъ странахъ основывались для протестантовъ и православныхъ семинаріи: въ Браунсбергѣ—преимущественно для шведовъ, въ Вильнѣ—для лифляндцевъ и русскихъ, во Франціи и Испаніи—для англичанъ и т. п. (Равке, Римскіе папы, I, 481—483). Кромѣ того, появляются коллегіи, съ цѣлью пропаганды, въ Пултускѣ, Ярославлѣ на р. Савѣ, Люблинѣ (Къ исторіи іезуитовъ, Н. Любвича, сс. 7, 9, 11, 16).

2) Папскій нунцій Коммедоне въ Польшѣ (изъ эпохи начала катол. реакціи), Н. Н. Любвича (Ж. М. Н. Пр., чч. ССХLIX, 68—98; 203—239); Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., его же (Варш. Ун. Изв. 1888 г. и отд.); Отношенія Россіи къ Польшѣ въ 1574—1578 гг., по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео, на основаніи матеріаловъ Ватиканскаго архива, Ѳ. Вержбовскаго (Ж. Мин. Нар. Пр. 1882, № 8, 236—242). Ср. переписку папъ съ рус. посуд. въ XVI в., по рук. Барбер. библ., Спб. 1834; *Historica Russiae monum.*, тт. I и II.

Впрочемъ, еще въ 1562 г. I. Джиральду, отпр. въ Москву, поручалось хлопотать о наборѣ въ Россію молодыхъ людей и о послыскѣ ихъ въ Римъ для обученія (*Hist. Rus. mon.*, I, 199—202). Уже тогда прививалась вся важность введенія русскаго языка въ католическое богослуженіе и школу, но только на оборотъ, въ интересахъ обращенія русскихъ, жившихъ въ Литвѣ—такова была мысль вил. еп. Радзивила (*Un ponce du pape en Moscovie etc.*).

Димитрія, такъ и въ событіяхъ смутной эпохи вообще. Виды на послѣднего не оправдались, но дѣйствія римской куріи и вѣрнаго исполнителя ея желаній—Сигизмунда III вполне подтверждаютъ ихъ. При этомъ не была забыта ими и ревностная въ своихъ католическихъ стремленіяхъ—Испанія¹⁾. Послѣ смутнаго времени вызовъ иностранцевъ въ Россію подвергся значительнымъ ограниченіямъ, направленнымъ главнымъ образомъ противъ католиковъ²⁾.

Вѣрными исполнителями означенныхъ плановъ являются іезуиты. Такъ, на знаменитаго Поссевина возложена была миссія въ Польшѣ, Московіи, Швеціи, Молдавіи и Валахіи; а Сигизмундъ мечталъ уже не только о распространіи католицизма въ Россіи, но и о возстановленіи его въ Швеціи³⁾. Понятны поэтому всѣ антипатіи къ нему въ этой послѣдней. Но католическая ревность его встрѣтила одинаковый отпоръ и тамъ, и здѣсь. „И здѣсь существеннымъ элементомъ была религія, замѣчаетъ Ранке. Въ Россіи такъ же, какъ и въ Швеціи, возникла сила, которая, по своему источнику была противоположна тенденціямъ католицизма“⁴⁾. По вступленіи своемъ на престолъ, Д. Самовлавецъ угрожалъ Швеціи войною, но, послѣ размолвки съ Сигизмундомъ, онъ отказался отъ этой мысли (Масса, 206). Понятно, что шведы должны были особенно враждебно относиться къ этимъ попыткамъ и они напѣли

¹⁾ См. Рус. Вивлио., изд. Н. Полевымъ, I, М. 1833, с. 325; инстр. Сигизмунда III Сам. Грушецкому 1612 г. (Чт. М. Общ. ист., годъ III, кн. IV, с. 4—6); письмо Сигизмунда III къ Хр. Зеновичу (Рус. Стар. 1878, т. XXII, 135—137). Планы эти подкрѣпляются обширнымъ наказомъ, даннымъ второму Самозванцу (Соловьевъ, VIII, 211—218), и выводами новѣйшихъ католическихъ писателей (P. Pierling, Rome et Démétrius).

²⁾ Въ новыхъ приглашеніяхъ москов. правительства прибавляется «кромя французовъ и другихъ папистовъ» (Арцыбашевъ, Повѣств. о Россіи, VI, пр. 321).

³⁾ См. Hist. Rus. mon., т. III (бумаги Поссевина); Antonii Possevini Missio moscovitica, ed. P. Pierling, P. 1882; Le Saint Siège, la Pologne et Moscou, его же, P. 1885. Ср. также переписку Поссевина 1581—83 (по Ватик. арх.) и докумен. о духовномъ и политич. состояніи Швеціи и о средствахъ ввести въ ней католицизмъ, 1587; о средствахъ къ утвержд. католицизма и искор. еретиковъ, 1595 (по Ватик. арх.) въ сборникъ Г. В. Форстена: «Акты и письма къ ист. Балт. вопроса въ XVI и XVII стол.» Сиб., 1889, стр. 186—191; 194—210.

⁴⁾ Римскіе папы, II, 168—169. Пробываніе Поссевина въ Москвѣ между прочимъ было омычено подачею сочин. англійск. купцами противъ папы, которое, по распоряженію Ивана Грознаго, было переведено на рус. языкъ (quo haereticus quidam ostendere conabatur Pontif. Max. esse Antichristum) и противъ котораго написалъ тогда же свой трактатъ Поссевинъ (Аделунгъ, II, 220). Обширный планъ завоеванія Московіи, въ связи съ католическою миссіею, которая должна была обнять даже Азію, принадлежалъ Ст. Ваторію. См. соч. о. Пирлинга: Le saint Siège, la Pologne et Moscou, 1582—87, P. 1885 и разборъ его, сост. Ф. И. Успенскимъ (Ж. М. Н. Пр., ч. CXXI, 311—325)

основаніе своимъ мнѣніямъ о Димитріѣ въ отзывахъ русскихъ временъ Василя Шуйскаго. Такъ дѣлаетъ П. Петрей, состоявшій посломъ отъ Карла IX при Василіѣ и находившійся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему ¹⁾. Вслѣдъ за нимъ, шведъ Петръ Патерсонъ, также бывшій въ Москвѣ, написалъ исторію Димитрія (1608), въ которой рассказываетъ уже съ большими подробностями о подготовкѣ Гр. Отрепьева для извѣстныхъ цѣлей іезуитами. „Такимъ-то образомъ, заключаетъ онъ, Гришка явился орудіемъ папы, который, чрезъ посредство его, хотѣлъ искоренить греческую вѣру и вмѣсто нея ввести папское суевѣріе. И это навѣрное случилось бы, если бы нынѣшній вел. князь, Василій Ивановичъ, не предупредилъ того“ и т. д. сообщается о насильственномъ обращеніи русскихъ въ католицизмъ и др. репрессаліяхъ въ томъ же смыслѣ ²⁾. Нѣмецъ Матвѣй Шаумъ (Tragoedia Demetrio-Moscovitica, 1614), служившій въ Швеціи и посвятившій свой трудъ Г. Адольфу, въ Д. Самозванцѣ видитъ лишь орудіе іезуитовъ, а авторъ *Newe Zeitung aus der Moscau*, со словъ воеводы Ивангорода (1606), доносилъ, что Димитрій былъ человѣкъ, „завлеченный интригами папы и іезуитовъ и наученный овладѣть Московскимъ государствомъ и совсѣмъ истребить греческую вѣру“ ³⁾. Замѣчательно, что уже въ 1613 г. русскіе послы, бывшіе въ Копенгагенѣ, выставляли на видъ датскому канцлеру, что Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ орудіе папы, съ цѣлью насадить въ Россіи католичество ⁴⁾.

Несомнѣнно однако, что шведская политика въ отношеніи къ Россіи въ смутное время преслѣдовала своекорыстные интересы и была направлена исключительно къ территоріальному расширенію Швеціи на Востокъ ⁵⁾. Въ 1604 г. Карль IX уполномочивалъ губернаторовъ Финляндіи заявить представителямъ Россіи, что онъ готовъ доста-

¹⁾ Аделунгъ, II, 143—144. Шведское изд. 1615 г., нѣмец. 1620; рус. переводъ въ Чт. М. О. ист. 1865—66 гг.

²⁾ Аделунгъ, II, 126—130. Во время сверженія Д. Самозванца Шуйскій, говоритъ Патерсонъ, нмѣлъ въ одной рукѣ крестъ, а въ другой длинный ножъ (130; ср. Буссовъ, 56 и 63).

³⁾ Три записки о Лжедимитріѣ. (46). «Намѣреніе его было утопить два славныя царства, именно Московское и Шведское, и въ этой крови обмытъ себѣ руки» (48).

⁴⁾ Архивныя занятія въ Парижѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, по ист. Скандин. и Москов. государствъ въ XVI и XVII стол., Г. В. Форстена (Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, № 6, с. 62).

⁵⁾ Политика Швеціи въ смутное время, Г. В. Форстена (Жур. Мин. Нар. Пр. 1889, № 2, стр. 349).

вить большое войско *той изъ партій*, которая имѣетъ наибольшія права къ занятію моск. престола; а въ своемъ первомъ воззваніи къ новгородцамъ въ 1605 г. онъ изобличаетъ коварную политику римскаго *папы*, учиняющаго въ Россіи великую смуту и кровопролитіе съ цѣлью искоренить въ ней греческую вѣру. Карль говоритъ, что онъ не допуститъ осуществленія этихъ плановъ папы и готовъ оказать русскимъ дѣятельную помощь. Не питая довѣрія къ Д. Самозванцу, онъ титулуетъ его, однако, „царемъ“. Болѣе всего онъ опасался союза Димитрія съ Польшею, а по смерти послѣдняго прямо предлагалъ русскимъ помощь противъ папистовъ и поляковъ ¹⁾. Онъ указывалъ неоднократно, что въ интересахъ Польши ратуютъ противъ Россіи Императоръ, Римъ и Испанія и что эти державы готовятъ многочисленный флотъ и намѣрены отправить его къ св. Николаю, чтобы оттуда вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства, причемъ польскій король въ союзѣ съ папой и Испаніей, стремится искоренить въ Россіи православіе и захватить духовенство, князей и бояръ. Въ виду этого, онъ предлагалъ съ своей стороны необходимую помощь и союзъ, надѣясь, конечно, добиться за это, въ пользу Швеціи, уступки прибалтійскихъ и приладожскихъ городовъ. Въ письмахъ къ Скопину-Шуйскому Карль IX трогательно заявляетъ, что для него дѣло русской націи—его собственное дѣло; но, въ сношеніяхъ съ своими ближайшими совѣтниками, онъ не скрываетъ настоящихъ видовъ на присоединеніе новыхъ областей, а въ обращеніи къ сословіямъ и чинамъ Россіи опять продолжаетъ выставять дѣло Самозванца какъ интригу папы и Испаніи ²⁾.

Положеніе, занятое Швеціей относительно Россіи послѣ печальнаго исхода предпріятія Скопина-Шуйскаго хорошо извѣстно. Вскорѣ недавній союзникъ торжественно отпраздновалъ занятіе Новгорода Я. Делагарди; а Карль IX готовъ былъ даже вступить въ соглашеніе съ Лжедимитріемъ II и даровать ему въ ленное владѣніе какую нибудь область въ Швеціи, гдѣ онъ съ честью могъ бы окончить дни свои, если онъ отдастся подъ покровительство Швеціи ³⁾. Густавъ-

1) Письмо Карла къ Арвиду Тэннессону гласитъ: «Если вѣрны новости, пришедшія изъ Выборга, то Димитрій убитъ русскими за то, что хотѣлъ ввести въ Россію папистскую религію; сдѣлавшись царемъ, онъ будто бы велѣлъ убить нѣсколько православныхъ монаховъ».

2) Политика Швеціи въ смутное время (по арх. докум., Журн. Мин. Нар. Пр., 1889, № 2, с. 325—349, ст. 1-я).

3) Ibid. 348—349.

Адольфъ слѣдовалъ тѣмъ же принципамъ своего отца; а когда его военное предпріятіе закончилось Столбовскимъ договоромъ, то онъ со всею откровенностью высказалъ радость, по поводу сдѣланныхъ Россіей уступокъ, въ слѣдующей рѣчи, сказанной имъ на сеймѣ въ 1617 году:

„Русскіе опасные сосѣди; границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей, у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могутъ выставить въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“¹⁾.

Между тѣмъ опасенія Густава-Адольфа на счетъ притязаній Сигизмунда III и защита протестантскихъ интересовъ въ Германіи привели къ сближенію Россіи съ Швеціей. Теперь Густавъ-Адольфъ увѣдомляетъ уже Михаила Ѳеодоровича о своихъ успѣхахъ въ Пруссіи и предлагаетъ царю открыть одновременно военныя дѣйствія въ Польшѣ. Онъ указываетъ на опасность „папешскаго заговора“ и союза католическихъ державъ; онъ извѣщаетъ о своихъ военныхъ успѣхахъ; о готовящейся со стороны католическихъ державъ морской экспедиціи въ Варяжское море съ цѣлью помѣшать торговлѣ и подчинить папству Швецію, Пруссію и Данію. „Его корол. велич. напоминаетъ, писалъ онъ, чтобъ ваше цар. велич. заранѣе подумали, какая великая опасность вамъ и государствамъ вашимъ грозитъ, если только цесарь съ папешскими заговорщиками одолѣютъ Шведскую землю. Тогда они станутъ искать погибели русскихъ людей и искорененія старой греческой вѣры, о чемъ надобно заранѣе подумать“.

Не менѣ замѣчательнъ и отвѣтъ бояръ на это предложеніе.

¹⁾ Гейсеръ, Исторія реформаціи, 464—465; Соловьевъ, IX, 125; Н. П. Лыжинъ, Столбовскій договоръ, Спб. 1857, сс. 15 и 97.

Поляки давно (1562) предупреждали другія державы, чтобы не допускать москвитянъ къ морю, которые, въ противномъ случаѣ, сдѣлаются еще *вреднѣе* и *опаснѣе* (Fiedler, loc. cit.). Появляются цѣлыя записки, въ родѣ «Разсужденія объ опасности для христіанства и въ особенности для Римской имперіи и близлежащихъ королевствъ и земель отъ усиленія Московита въ Лифляндіи и на Балт. морѣ», 1560 г. (Берлин. тайн. арх., сборникъ Форстена, 14—28 и мн. др. записки и мнѣнія, тамъ же, 48, 128 и т. п.).

„Великій государь, говорили они, крѣпко мыслить и хотеть польскому королю противъ его неправдъ мечь воздать; государю вашему и другимъ государствамъ *евангелической вѣры* помогать всякими мѣрами“. Они заявляли о готовности царя не ожидать окончанія перемирія и помочь Швеціи запасами и дарованіемъ права беспошлинной торговли шведскимъ купцамъ. Дѣйствительно, въ 1630 г. московское правительство разрѣшило шведамъ купить беспошлинно 75.000 четв. ржи и 4000 четв. проса, 200 бочекъ смолы и селитры, а въ 1631 г. еще 50.000 четв. хлѣба. Теперь при московскомъ дворѣ является первый шведскій агентъ Яганъ Мёллеръ, а послѣ него—Петръ Крузевіорнъ, для ускоренія сношеній между обоими государствами ¹⁾. Съ своей стороны, король соглашается дать московскому правительству два шведскихъ полка; шведы называютъ уже себя *передовымъ помомъ*, бьющимся въ Германіи *за русское царство*. Они успѣли даже убѣдить моск. правительство пропустить шведскихъ гонцовъ въ Запорожье, чтобы поднять казаковъ противъ Польши. И здѣсь главнымъ мотивомъ войны выставалась защита вѣры и вольностей отъ посягательствъ католическихъ державъ и польскаго короля, а также борьба съ иезуитами. При Густавѣ-Адольфѣ и преемницѣ его Христинѣ производится уже въ Швеціи наемъ солдатъ и пушечныхъ мастеровъ для московскаго правительства, покупка мушкетовъ и посылаются подарки въ Москву, состоящіе изъ военныхъ снарядовъ и т. п. принадлежностей; а московское правительство, въ свою очередь, разрѣшаетъ покупку хлѣба по своей цѣнѣ, снабжаетъ шведовъ селитрою и деньгами ²⁾. Наконецъ, 14 ноября 1631 г. Мёллеръ отправилъ любопытное донесеніе—*о празднованіи въ Москвѣ победы шведовъ при Лейпцигѣ* ³⁾. Точно также гол. послы Альбертъ Бургъ и Юг. Фельддриль (1630), отстаивая торговые интересы Штатовъ, сообщали москов. правительству, что послѣдніе ведутъ войну противъ Испаніи, императора и папы, какъ враговъ вмѣстѣ съ тѣмъ православной вѣры. Поэтому имъ также разрѣшена была покупка значительнаго количества хлѣба и лѣса около Ар-

¹⁾ Въ Стокгольмѣ состоялъ русскимъ агентомъ Дмитрій Фаренсбахъ—крещеный иноземецъ.

²⁾ Соловьевъ, IX, 177—182, 218, 265—268. При этомъ заключеніе договора съ Даніей ставилось даже въ зависимость отъ союза ея съ Швеціей (200).

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1887, № 6, стр. 72.

хангельска и по Двинѣ¹⁾. Предвидя угрожающую опасность, и Сигизмундъ III хлопоталъ объ укрѣпленіи союза Польши съ Австро-Испаніей, какъ для борьбы съ Швеціей, такъ и съ цѣлью лишенія торговли голландцевъ съ сѣверными государствами, а въ особенности съ Московіей, для чего Испанія должна была укрѣпиться на берегахъ Балтійскаго моря²⁾.

Въ 1632 г. дѣйствительно открылась война противъ Польши а посольство имп. Фердинанда II, прибывшее на московскую границу, не было даже пропущено, какъ состоявшее изъ поляковъ³⁾.

Въ смутное время долго проживалъ въ Москвѣ и въ предѣлахъ Россіи голландецъ Ис. Масса (1601—1610), о которомъ намъ приходилось неоднократно упоминать, извѣстный своими замѣчательными письмами изъ Архангельска къ Ген. Штатамъ (1614, 1616—1618, Вѣстн. Евр. 1868, № 1, стр. 233—245; № 8, стр. 797—814), въ которыхъ онъ такъ настойчиво поддерживаетъ интересы гол. торговли съ Москвою, и записками о смутномъ времени (изд. кн. Оболенскимъ и Вандъ-деръ-Линдомъ, а потомъ Арх. ком.), отличающимся обильнымъ матеріаломъ данныхъ о событіяхъ и дѣятеляхъ послѣдняго. Для насъ важенъ его трудъ и въ другомъ отношеніи—по взгля-

¹⁾ Соловьевъ, IX, 196—198. Любопытно «секретное предложеніе маркиза де-Бальбасъ о средствахъ къ уничтоженію торговли голландцевъ на Сѣверѣ и въ частности съ Москвою» (Сборн. Форстена, с. 302—307, изъ Брюсс. архива).

²⁾ Архив. занятія Г. В. Форстена (Брюссельскій архивъ), Ж. М. Н. Пр. 1887, № 6, с. 59—60). Въ числѣ рукоп. Париж. национ. библ. есть записка 1638—донес. S. du Maurier'a изъ Дандига—о намѣреніяхъ Испаніи завладѣть Зундомъ и всею сѣвѣрною торговлею Европы. По этому плану необходимо было усилить королевскую власть въ Польшѣ и такимъ образомъ можно было надѣяться на успѣшную борьбу съ Швеціей и Московіей (ib. 54; сборн. Форстена, 327—331). На основаніи донесеній папскихъ нунціевъ изъ Польши въ Ватик. арх. и матеріаловъ другихъ архивовъ, указая. выше, г. Форстенъ готовитъ изслѣдованія: «Балтійскій вопросъ въ связи съ европ. дипломатіей въ XVI и XVII в. (1544—1648)» и «О сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ цар. Густава II Адольфа и Христины, съ прилож. матеріаловъ», которыя, будучи подкрѣплены русскими источниками, безъ сомнѣнія, составятъ цѣнный вкладъ въ нашу историч. литературу и пополнятъ существенный пробѣлъ въ моногр. Г. Дройзена «Густавъ Адольфъ».

Переходъ кор. Христины въ католицизмъ Римъ торжествовалъ какъ свою побѣду, хотя она не принесла ему никакихъ результатовъ (см. Christine de Suède, par Arvéde, Barine, Revue des deux Mondes, за 15 окт. 1888).

³⁾ Соловьевъ, 206, 218. Въ Константинополѣ велъ дѣятельную интригу противъ Россіи, въ интересахъ Польши, французскій посланникъ де-Сези. Онъ добился даже временнаго удаленія патр. Кирилла, какъ врага католицизма и друга протестантовъ и кальвинистовъ (ib. 212, 277—278). О патр. Кириллѣ Лукарисѣ см. A. Pichler: Gesch. des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrh., oder der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit. Münch. 1862.

дамъ автора на современныя событія и происхожденіе смуты. Онъ говоритъ: „Противъ Бориса начали дѣйствовать іезуиты, потому что онъ былъ удобнымъ для нихъ орудіемъ (57—58)“.... Понятно, что Д. Самозванецъ доставляетъ автору обильный матеріалъ для разсужденій на эту тему (208, 212); а передавая слухи о спасеніи самозванца, онъ продолжаетъ: „Можетъ быть необходимо допустить здѣсь дѣйствіе самого *дiавола*, которому Всемогущій Богъ далъ власть карать землю за многіе страшные и тяжкіе грѣхи, постоянно совершаемые людьми, которымъ усердно содѣйствуютъ іезуиты, помощники *дiавола*“ (229). Не становясь прямо на сторону Москвы, какъ земли грѣховной, и объясняя даже продолженіе смуты какъ наказаніе, непосланное за оскорбленія, наносимыя обѣими враждующими сторонами *церкви Божіей*, Масса въ тоже время радуется всякому успѣху русскихъ, какъ враговъ католицизма (259—260), борьба съ которымъ въ его глазахъ приобретаетъ такимъ образомъ болѣе широкій интересъ, въ виду борьбы между католическими и протестантскими государствами Западной Европы¹⁾. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что если бы Лжедмитрій, по совѣту іезуитовъ, привелъ въ исполненіе свои планы, то онъ сдѣлалъ бы много зла и причинилъ бы, съ помощію римской куріи, виновницей всѣхъ его дѣяній, великія несчастія всему свѣту. Но Богъ, руководящій всѣмъ, разрушилъ эти планы и за это всѣ истинно вѣрующіе должны быть благодарны Ему“ (208²⁾). Съ этой точки зрѣнія царь В. Шуйскій является уже въ глазахъ автора орудіемъ Провидѣнія. „Удивительно, прибавляетъ Масса въ другомъ мѣстѣ, какъ Всемогущій Богъ оберегалъ Шуйскаго, бывшаго главою и двигателемъ всѣхъ заговорщиковъ“ (175; ср. с. 207). И онъ заканчиваетъ свои размышленія по этому поводу слѣдующимъ стихотвореніемъ:

¹⁾ Шаумъ надѣялся на обращеніе русскихъ въ протестантизмъ; а Густавъ-Адольфъ выставляя въ Германіи этотъ мотивъ цѣлью своего похода на Россію.

²⁾ Протестанты обыкновенно отождествляли папу съ антихристомъ (Ист. реформ. въ Польшѣ, стр. 224). Нѣсколько позже и Кромвель старался войти въ сношенія со всѣми протестантскими державами Европы; онъ хотѣлъ соединить всѣ протестантскія исповѣданія въ одно и созвать соборъ, на которомъ добиться объявленія, что папа есть антихристъ, а католическая церковь, признающая его своимъ главою—Вавилонъ, предсказанный въ Апокалипсисѣ; что это-то и есть лжепророкъ и та жена блудница, которая упила земныхъ царей чашею своихъ сквернъ и блудодѣйствъ и т. д. (Гизо, II, 364—366 и д.).

„Но Господь, прозрѣвающій
Преступныя дѣянія людей,
Не допустить, чтобы, помимо Его всемогущей воли,
Эта земля сдѣлалась ничтожною“.

Таковы были ближайшія слѣдствія съ одной стороны религиозной борьбы на Западѣ, а съ другой событій смутной эпохи въ Московскомъ государствѣ, всецѣло отразившіяся на мнѣніяхъ и взглядахъ современныхъ писателей, которые необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ историческихъ извѣстій и фактовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стр. 10, примѣч. Нѣмецкій перев. соч. барона Корфа о принцѣ Іоаннѣ Датскомъ напеч. въ St.-Petersburgischen Monatschrift, her. v. Aug. von Oldekor (1822, № 34, S. 121—139). Бюшингъ имѣеть въ виду главнымъ образомъ извѣстіе Ломоносова въ его „Кратк. Рос. лѣтописцѣ“ (с. 37) объ отравленіи принца Борисомъ.

Стр. 10, примѣч. Замѣчанія К. Н. Бестужева-Рюмина по поводу ссылки Романовыхъ („Обзоръ“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, № 7, с. 93, прим.). Преданія и легенды о пребываніи Мих. Ник. Романова въ с. Ныробѣ, близъ Чердыни (Отъ Чердыни до Ныроба, Н. Вагнера, Перм. Сборн., II, отд. IV, с. 1—9, съ рис. часовни, темницы и цѣпей; Старая Пермь. Путевые очерки Д. Сибиряка. „Вѣстн. Евр.“, 1889, № 7, стр. 89, 102—104).

Стр. 12, примѣч. Также незначительна и ст. Э. Кисселя: „Доказательства, что царевичъ Димитрій дѣйствительно убитъ въ Угличѣ по наущенію Годунова“ (Ж. М. Н. Просв. 1842, ч. XXV, сс. 168—190; то же въ его книгѣ: „Исторія г. Углича“, Яр. 1844, сс. 222—288).

Стр. 15. Проф. Моск. унив. Н. А. Бекетову принадлежитъ соч. „Историческое разсмотрѣніе царствованія Бориса Годунова“, 1810 г., оставшееся въ рукописи (Біогр. Слов. проф. Московскаго унив., I, 89—90). Что же касается соч. Н. Полозова: „Очеркъ историч. изсѣдованія о царѣ Борисѣ Годуновѣ“, (М. 1858, 99 стр., 16⁰), написаннаго въ защиту послѣдняго, то оно не имѣеть научнаго значенія. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія официальнаго акта, но въ сущности буквально повторяеть выводы Устрялова.

Стр. 19. По свидѣтельству надгробной надписи въ Арханг. соборѣ, царь Вас. Шуйскій ум. 60 лѣтъ (Соловьевъ, VIII. пр. 81); но изъ выписки, сдѣланной изъ городскихъ гостынскихъ книгъ (царь Василій ум. въ Гостынскомъ замкѣ близъ Варшавы), видно, что онъ скончался на 70 году (см. „Архивы Галиціи“, И. А. Линниченка, „Кіев. Старица“ 1888, № 10, стр. 212—214). Въ томъ же актѣ сообщается поправка о смерти его брата Дмитрія и жены послѣдняго (изъ рук. библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1951).

Въ 1821 г. гр. Н. П. Румянцовъ, приобрѣлъ одну рукопись о Д. Самозванцѣ, по поводу которой писалъ м. Евгенію: „Она тѣмъ любопытна что *многое иначе упоминаетъ*, нежели уже принято нами *за истину*... Вы найдете въ отиѣткахъ рукою г. Калайдовича, что сочинитель заслуживаетъ довѣріе, потому что внесенные имъ акты большую точность имѣютъ съ тѣми, которые хранятся въ Госуд. архивѣ кол. ин. дѣлъ, а я могу добавить мѣстное доказательство, что сочинитель истинно свѣдущъ былъ“ и т. д. (Переписка митр. кіевск. Евгенія съ госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцевымъ, В. 1868, II, стр. 48).

Стр. 27. Ис. Масса сообщаетъ другой мотивъ высылки М. Татищева въ Новгородъ: требованіе народа казнить всѣхъ вельможъ, возвысившихся при Дмитріѣ (стр. 232), которое съ трудомъ было смягчено боярами удаленіемъ его изъ Москвы.

Стр. 28. Екатерина II замѣтила: „У него (Мих. Оед.) былъ отецъ, который былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ, и, кромѣ того, плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ“ (XVIII вѣк., изд. П. И. Бартевымъ, IV, 291; ср. Ломоносовъ, с. 36).

Стр. 58, примѣч. Ср. письмо Сумарокова къ Миллеру о портретѣ Дмитрія, „котораго мы обычно Самозванцемъ называемъ“ (Мѣсвит. 1842, № 3, 120—121).

Стр. 62, примѣч. Подробности въ статьѣ Н. Левитскаго: „Игнатій п. Московскій“, ист. біогр. очеркъ (Хр. Чтеніе, 1886, №№ 11—12; 1887; №№ 1—2).

Стр. 65. Соглашеніе относительно соблюденія Маріною Мнишею русскихъ обрядовъ и обычаевъ несомнѣнно относится ко времени посольства Яна Бучинскаго къ воеводѣ Ю. Сендомирскому (Собр. госуд. грам. и догов., II, 228—231).

Стр. 71, примѣч. По поводу милости, оказанной Д. Самозванцемъ Шуйскимъ, Я. Бучинскій писалъ ему въ интимномъ письмѣ слѣдующее: „Да и то язъ королю сказалъ: коли язъ билъ челомъ вашей царской милости о Шуйскихъ, чтобъ ихъ не выпускалъ и не высвобожалъ по тому, какъ ихъ выпустить, и отъ нихъ будетъ страхъ; такъ же и Годуновыхъ, и вы мнѣ то отказали, что напередъ всего Богу ты обѣщалъ того ся беречи, чтобъ ни одной крестьянской крови не пролилося, *и дѣлаешь такъ по своему обѣту*, и не умѣлъ язъ того у васъ умолити; и сказалъ мнѣ ваша царская милость, что у тебя два образцы были, которымибъ царства удержати: единъ образецъ быть мучителемъ, а другой образецъ не жалѣть харчу великого, всѣхъ жаловать; *да и такъ уже ваша царская милость роздалъ, какъ стѣла на царство, полосма милеона, а милеонъ одинъ по-русски тысяча тысячей рублевъ; и встѣхъ мутче тотъ образецъ, что жаловать, а нежели мучительствомъ быти*; у кого при отцѣ вашемъ, блаженные памяти, взято и не отдано денегъ, *то все отдати и платити велѣлъ* всякимъ людемъ, а опять служивымъ, которой имѣлъ десять рублевъ жалованья, и тому велѣлъ дати двадцать рублевъ; а кто тысячу, тому двѣ дано. И такъ мнѣ вы отказалъ о Шуйскихъ и говорилъ, что на Бога крѣпко уповаешь, какъ онъ тебя сначала на руки свои взялъ съ молодости, такъ и до конца въ своемъ береженье Божескомъ станеть тебя беречи“ (Собр. госуд. грам. и догов., II, стр. 261—262).

Стр. 72. Въ показаніяхъ Бучинскихъ сказано, что Д. Самозванецъ назначилъ для избіенія—бояръ Ѳед. Мстиславскаго, кн. Шуйскихъ и другихъ бояръ 20 человекъ (Собр. госуд. грам., II, 296); а въ окружной грамотѣ царя Василія Шуйскаго заявляется уже, что онъ хотѣлъ убить *„встѣхъ бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ“* (ibid. 303).

Стр. 73, примѣч. Долги Д. Самозванца составились изъ суммъ, полученныхъ имъ отъ короля (черезъ Ю. Мнишка), отъ самого Мнишка, „такоежъ и прочіе *господа* ему деньги давали и тѣми деньгами онъ долги оплачивалъ“ (Собр. госуд. грам., II, 295). О посланныхъ изъ Москвы 200000 злотыхъ (ib. 227); о полученныхъ Мнишкомъ черезъ Я. Бучинскаго 6000 зол. дублоновъ и 5306 краков. червон. злотыхъ; черезъ кн. Мосальскаго—13291 тал. и 5200 руб. (ib. 257, 284—286). Въ росписи же, писанной рукою Я. Бучинскаго, общая

сумма, назначенная для отсылки къ Ю. Мнишку, показана до 500,000 р., въ томъ числѣ королю—80,000, на уплату долговъ воеводы 100,000, на свадьбу короля 50,000, на приданое невѣстѣ 100,000, на общество 55,000 и т. п. (ibid. 236, 242¹); Рус. Вивл., изд. Н. Полевымъ, стр. 320). При этомъ необходимо замѣтить, что Я. Бучинскій писалъ изъ Кракова Дмитрію, 20 янв. 1606 г., о замѣченномъ имъ обманѣ: „въ мѣшкахъ много недоставало и вмѣсто денегъ вздоромъ наполнено“ (ibid 321—322). Кроме того, невѣстѣ были отпращены весьма дорогіе подарки отъ Дмитрія и царицы Маріи Оедоровны (Дневникъ Марины, по изд. Устрялова, 134—135). Въ Вѣнской импер. библ. находится рукопись подъ заглавіемъ: „Vertzaichnus der Gaben so der Jungen Fürstin von Senomiers seint verehrt worden. Von der Khayserin und Grossfürstin aus dem Stiff Fiedoronowa, des gancz Reussen Landts heiligsten Frauen, 1605“ (см. Jos. Chmel, Die Handschriften der K. K. Hofbibliothek in Wien, II, S. 173).

Стр. 74. Чтобы держать Дмитрія въ своихъ рукахъ, Сигизмундъ III то пугаетъ его тѣнью Бориса Годунова, скрывшагося будто бы съ большими богатствами въ Англію (басня объ этомъ въ Собр. госуд. грам., II, 214, отвѣтъ Дмитрія, 216; Вантышь-Каменскій: „Переписка между Россією и Польшею“, стр. 60); то задерживаетъ Марину въ Польшѣ (ib., стр. 248, 260 и 281). Онъ опасался непосредственныхъ сношеній его съ Швеціей и даже требовалъ посадить подъ стражу шведскаго принца Густава, находившагося въ Москвѣ. Но Дмитрій ставилъ уже свои отношенія къ Швеціи въ зависимость отъ признанія Сигизмундомъ требуемаго имъ титула („необѣдимый цесарь“), а о Густавѣ отозвался, что онъ „почитается въ Россіи не припцемъ, но чловѣкомъ въ лежкихъ дѣлахъ смышленнымъ“ (ibid., 215—217, 244, 247, 259, 264; Б. Каменскій, 61; Масса, 174).

Стр. 75. Стан. Бучинскій, по поводу неудовольствій между королемъ и Дмитріемъ Сам., писалъ Ю. Мнишку, что онъ „не въ силахъ былъ отмѣнить *цесарскій* его титулъ въ посланныхъ къ вельможамъ польскимъ письмахъ, тѣмъ паче, что онъ нашелъ въ Посольскомъ приказѣ грамоту и наказъ, данные посланному въ Польшу Аван. Отрешеву, въ коихъ Годуновъ также *цесаремъ* себя

¹ По тѣмъ же актамъ составл. переписка между Росс. и Польшею въ царст. Д. Самозванца, Н. Н. Вантышемъ-Каменскимъ (напеч. въ Чтен. М. Общ. ист. 1861, кн. II).

нарекъ и совѣтуетъ ему, воеводѣ, какъ можно скорѣе въ Москву посѣлѣть съ нареченною невѣстою, на которую, яко небрегущую отвѣчать на государевы письма, начинаютъ уже имѣть неудовольствие... Хотя прежде сего Е. Ц. В. на частыя письма свои никакого отъ государыни царицы отвѣта не имѣлъ, тому не удивлялся; нынѣ же по щастливомъ совершеніи бракосочетанія, находитъ то должнымъ со стороны ея, и сіе я изъ устъ Е. В. слышалъ". (Собр. госуд. грам., II, 246—248, съ дополн. по Бантышу-Каменскому, 66; ср 45). Вопросъ же о титулѣ составлялъ предметъ самыхъ частыхъ и настойчивыхъ требованій отъ Димитрія къ Сигизмунду (Собр. госуд. грам. и догов., II, 216, 226, 243, 247, 264, 268), не смотря на предостереженія съ одной стороны Я. Бучинскаго, а съ другой Ю. Мнишка и корол. секр. А. Боболя, находившагося съ Димитріемъ въ интимной перепискѣ (243, 261, 270—271). Пререканія по этому вопросу привели затѣмъ къ несоблюденію Димитріемъ дипломатическихъ обычаевъ и грозили въ близкомъ будущемъ полнымъ разрывомъ (ibid. 270). На храненіи у того же Боболя находились, между прочимъ, важнѣйшіе документы, касающіеся Димитрія, какъ условія, предложенныя Сигизмундомъ III и отвѣты на нихъ послѣднѣго (О поискахъ моихъ въ Познан. библ., Бодянскаго, Чт. М. О. И., годъ I, кн. I, 35—36; Лѣт. занятій Арх. ком., в. IV, проток. с. 11; сообщ. Н. И. Костомарова о тѣхъ же условіяхъ, найден. имъ въ Варшавѣ) и любопытное письмо къ королю о Димитріѣ (см. записку Костомарова о Несвиж. архивѣ кн. Радзивиловъ, (ib., в. V, проток., с. 21).

Стр. 75. Въ своихъ сношеніяхъ и актахъ Д. Самозванецъ на первыхъ порахъ сталъ употреблять даты *отъ Р. X.* вмѣсто употреблявшихся до того времени и послѣ него *отъ С. М.* (Собр. госуд. грам., II, сс. 197, 199, 211, 221, 235 и д.). Ср. замѣч. Д. И. Прозоровскаго о датѣ на монетахъ его времени (Изв. Рус. Арх. общ., т. VI, сс. 5—7). Сопоставленіе извѣстій иностр. писателей о монетахъ Димитрія съ данными нумизматики у Аделунга (II, 23, 149—150).

Стр. 77. О близости къ Димитрію „люторовъ, кальвинцовъ и евангелековъ“ — въ показаніяхъ Бучинскихъ (Собр. госуд. грам., II, 298). Съ другой стороны, о соблюденіи имъ русскихъ обрядовъ есть указанія и въ отвѣтахъ литовскихъ пословъ, данныхъ московскимъ думнымъ боярамъ въ 1608 г.: „а чтобъ имѣлъ застати Рим-

свой вѣры то бездѣльна мова... А тутъ (въ Москвѣ) Господаремъ нашимъ будучи, черезъ весь часъ свою прирочонную русскую вѣру держалъ, что всѣмъ въ Москвѣ вѣдомо и на тые неподдѣльные слова и отказомъ широко не надобе". (Сборникъ кн. Оболенскаго, М. 1838, № 10, стр. 14—15; ср. также Рус. ист. Библ. I, 105—106). Въ окружной грамотѣ царя В. Шуйскаго заявляется безразлично о намѣреніи его „учинить лоторскую и латинскую вѣру“ (Собр. госуд. грам., т. II, 302; ср. 307).

Стр. 78. Объ отреченіи отъ католицизма при вступленіи въ бракъ—въ Византіи (Гиббонъ, VII, 101); въ Россіи (Татищевъ, III, 403; ср. Хр. Чт. 1886, №№ 11—12, с. 584—585).

Стр. 82. Жалованныя грам. Дмитрія монастырямъ и духовенству см. въ Акт. Арх. экспед. (II, № 42), Акт. истор. (II, №№ 58, 59, 60, 61, 64) и Сборникахъ: кн. Оболенскаго (ч. I, № 33), Муханова (№№ 134—137), кн. Хилкова (№ 63).

Стр. 82. Возникновеніе слуха о самозванствѣ Дмитрія, распространившагося изъ Москвы, относится къ к. 1605 г. (посольство И. Р. Бевобразова, Собран. госуд. грам., II, 251; ср. 217, 263; Зап. Жолкевскаго по 2-му изд., сс. 9—10, 16); но, какъ видно, и Сигизмундъ не вѣрилъ въ царское происхожденіе Дмитрія. Еще во время появленія послѣдняго король смотрѣлъ на поддержку его, какъ на выгодное дѣло для Польши: „Швеція скорѣе могла бы быть освобождена, Ливонія успокоена и увеличилась бы сила противъ каждаго врага ¹⁾. Съ другой стороны, идетъ вопросъ о нарушеніи мира, объ обрушеніи тяжестей на республику, а не на насъ. Въ этомъ дѣлѣ за и противъ много, на что надо обращать вниманіе“, писалъ Сигизмундъ Хр. Зеновичу (Рус. Стар. 1878, XXI, 136) и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свое участіе въ московской смутѣ до конца (см. инстр. Сам. Грушецкому, отпр. посломъ къ Филиппу III Испанскому въ 1612 г., Чт. М. О. ист., годъ II, № 7-й, с. 1—3).

Стр. 83. Въ „Кіевской лѣтописи“ (Собрн. лѣтоп., относ. къ ист.

¹⁾ Борисъ отказался признать права Сигизмунда на шведскій престолъ и заявлялъ виды на Ливонію. Эта политика Бориса много содѣйствовала тому, что Сигизмундъ оказалъ поддержку интригѣ, шедшей изъ Москвы и направленной противъ царя въ лицѣ Д. Самозванца (см. Отвѣты литов. пословъ моск. дум. боярамъ 1608, Собрн. Оболенскаго, № 10; въ особенности с. 45—49); любопытно показаніе объ Отрепьевѣ (с. 36), тождественное съ свидѣтельствомъ Маржерета. (с. 310). Ср. Собр. госуд. грам. II, 258 и Рус. историч. Библ., изд. Арх. ком., I, 109—110.

южн. и зап. Россіи, К. 1888, стр. 80), вопреки существующимъ показаніямъ, сообщается о постриженіи Марины въ сунд. Покров. монастырѣ).

Стр. 92, примѣч. Ср. также статьи: „Polska, Francya a Szwecya w XVII i XVIII w., W. Czermaka (Przew. nauk. i literac. 1887, kwiec.); Wojna Rzeczypospolitej polskiej ze Szwecyą za panow. Zygmunta III od r. 1621 do 1629, prz. K. Górskiego (Bibl. Warsz. 1888, kwiec. 55—84, maj, 234—254, czerw., 415—434, съ картою); Przyczynki do hist. wojny moskiewskiej z lat 1633—1634, съ планомъ Смоленска, Кс. Лиске (Bibl. Ossol., тт. X и XI); Донес. франц. послан. де-Севи кор. Людовику XIII, 1620—1627 (напеч. въ Hist. Rus. мон., т. II, стр. 411—434 (по кол. Дюпкии въ Париж. нац. библ., изъ собр. Тургенева).

Стр. 92. Приглашая короля испанскаго оказать содѣйствіе деньгами и помощьюъ въ борьбѣ съ Турціей и Московіей, Сигизмундъ III выставляеть уже опасностьъ отъ этихъ обѣихъ державъ для Европы и союза Польши съ Испаніей и Австріей и замѣчаетъ дальѣ: „Турки хорошо знаютъ, какъ удобно для Московіи *снарядитъ флотъ и покрытъ океанъ кораблями*; знаютъ, что изъ нея открыты въ океанъ гавани, наполненныя всякаго рода товарами, что не было доселѣ у москвитянъ способныхъ вождей и наставниковъ, какъ дѣйствовать на сушѣ и на морѣ, въ такомъ народѣ, который по многолюдству неисчислимъ, между тѣмъ какъ весьма многіе христіанскіе государи, имѣющіе другой образъ мыслей на счетъ христіанской вѣры, не только допускають ниспроверженіе христіанскаго общества, но даже тому почти помогаютъ, или, по крайней мѣрѣ, смотрять на это сквозь пальцы“ (инстр. Грушецкому). Между тѣмъ, уклоняясь отъ союза съ Димитріемъ противъ турокъ, Сигизмундъ въ особенности ссылается на то, „что поляки и нѣмцы съ природы между собою несогласны, что и не почитаетъ основательнымъ заключить новый договоръ противъ турокъ съ христіанскимъ императоромъ инако развѣ согласятся на то всѣ имперскіе князья“ и т. д. (Собр. госуд. грам., II, 273). Прибавимъ еще, что въ наказѣ Сигизмунда III Льву Сапѣгѣ (1600 г.), въ которомъ идетъ рѣчь о соединеніи Московскаго и Польскаго государствъ, высказывается также предположеніе завести сообща *флоты* на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ (Сборникъ кн. Оболенскаго, № 7-й, стр. 11).

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
10	10 сл.	Бюшинъ	Бюшингъ
19	9 сл.	авторѣ	автора
60	3 сл.	вопросъ	вопроса
—	—	списк.	составъ.
62	19 сл.	къ нему	къ Дмитрію
65	4 сл.	Мнишки	Мнишка
66	3 сл.	Т. VIII, 152	Т. VIII, 152; 1-е изд. с. 163.
68	5 сл.	народный	парадный
77	11 сл.	Христіана IV	Христіана III
78	3 сл.	на его,	на него,
85	17—18 сл.	державъ	державъ—
90	4 сл.	имъ	имъ
92	8 сл.	Argvède,	Argvède

Примѣчаніе. Въ № 8 «Русскаго Архива» за 1889 г. напечатана статья Г. А. Воробьева: «Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» (465—516), въ которой авторъ обильно воспользовался нашими цитатами и мнѣніями. Неопознаемъ только, какъ мы могли быть согласны съ выводами автора (сс. 487, 503, 508, 510 и др.), когда наша статья появилась въ печати въ 1875 г. Не на оборотъ ли?

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

WIDENER
SEP 14 1994
BOOK DUE

WIDENER
WIDENER 1997
SEP 14 BOOK DUE
CANCELLED

